

СОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ
И ОБЩЕСТВО

SOCIAL
PSYCHOLOGY
AND SOCIETY

№ 1/2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

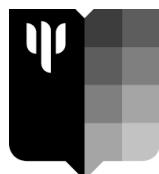
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2025 г. Том 16. № 1

2025. Vol. 16. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзулаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНТИ РАН, Ядро Российской индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scolar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психологический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 100 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenshchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

V.A. Labunskaya (Russia), M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenshchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

100 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed

in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А., Почебут Л.Г., Кораблева С.А.
Цифровое моделирование тематического поля изучения социального капитала поколений в организациях

5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Грязева-Добшинская В.Г., Коробова С.Ю., Дмитриева Ю.А., Глухова В.А., Колтунов Е.И.</i> Обобщенные факторы креативного мышления в контексте разнообразия социокультурной идентичности субъектов	28
<i>Гулевич О.А., Чернов Д.Н.</i> Автономный политический климат и отношение к политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические взгляды	51
<i>Прудова И.С., Горохова А.С.</i> Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз	70
<i>Ма Т.Н., Ву Х.В., Дао Т.Х.А., Нгуен Т.К.</i> Влияние недоброжелательного отношения коллег на эмоциональное состояние сотрудников: опыт Вьетнама (на английском языке)	89
<i>Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н., Тихомирова Е.В., Шипова Н.С.</i> «Дети войны»: трудности социализации и особенности восприятия мира	105
<i>Молокостова А.М., Космачева М.Н.</i> Вовлеченность в парасоциальные отношения у женщин среднего возраста	124
<i>Березина Т.Н., Стельмах С.А., Саральпова Д.И.</i> Факторы, влияющие на ожидаемое профессиональное долголетие в России и Казахстане	142

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

<i>Тарасов С.В.</i> Модификация и психометрическая проверка опросника «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика	159
<i>Енин В.В.</i> Разработка и валидизация опросника «Виды ролевой самоэффективности личности»	175
<i>Ничко Н.В., Гуриева С.Д.</i> Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца–Хонга на русскоязычной выборке	193

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Субботина Н.Д.</i> Роль суггестии в эксперименте С. Милгрэма	212
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Volkova N.V., Bordunov A.K., Chiker V.A., Pochebut L.G., Korableva S.A.*
Digital Modeling for Scoping Review in Studying Intergenerational
Social Capital in Organizations 5

EMPIRICAL RESEARCH

- Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Korobova S.Yu., Dmitrieva Yu.A.,*
Glukhova V.A., Koltunov E.I. Generalised Factors of Creative Thinking
in the Context of Diversity of Subjects' Socio-Cultural Identity 28
- Gulevich O.A., Chernov D.* Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes
to the Political System in Russia: How Does Self-Determination Theory
Help in Understanding Political Attitudes 51
- Prusova I.S., Gorokhova A.S.* Support of Equal and Unequal Income
Distribution: the Role of Perceived Threats 70
- Ma T.N., Vu H.V., Dao T.H.A., Nguyen T.K.* Examining the Effect of Workplace
Incivility on Affective Job Insecurity: Insights from Vietnam 89
- Samokhvalova A.G., Vishnevskaya O.N., Tikhomirova E.V., Shipova N.S.*
"Children of War": Difficulties of Socialization and Peculiarities
of Perception of the World 105
- Molokostova A.M., Kosmacheva M.N.* Involvement in Parasocial
Relationships among Middle-Aged Women 124
- Berezina T.N., Stelmakh S.A., Saralpova D.I.* Factors Influencing
Expected Professional Longevity in Russia and Kazakhstan 142

METHODOLOGICAL TOOLS

- Tarasov S.V.* Modification and Psychometric Verification of Questionnaire
the "Group Reflexivity" by T.A. Nestik 159
- Enin V.V.* Development and Validation of the Questionnaire "Types
of Role Self-Efficacy" 175
- Nichko N.V., Gurieva S.D.* Adaptation of the Mertz-Hong Reactance Scale
in a Russian-speaking Sample 193

DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

- Subbotina N.D.* The Role of Suggestion in Milgram's Experiment 212

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Цифровое моделирование тематического поля изучения социального капитала поколений в организациях

Волкова Н.В.

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Бордунос А.К.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Чикер В.А.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vchikher@yandex.ru

Почебут Л.Г.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Кораблева С.А.

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6012-904X>, e-mail: sbolshakova@hse.ru

Цель. Выявить ключевые темы, представленные в современных исследованиях о связи социального капитала с поколенческими различиями в организациях, применяя подходы диджитализации (цифрового моделирования) массива научных публикаций.

Контекст и актуальность. Появление новых технологий, трудовая миграция и включенность представителей различных поколений в производственную деятельность актуализировали процесс непрерывной социализации индивидов в организационную среду и, соответственно, поиск социально-психологических инструментов для ее реализации. Цифровая трансформация открыла новые механизмы для исследования непрерывной социализации индивидов всех возрастов, в которой важную роль играет социальный капитал, включающий в себя доверие, вовлеченность в социальные сети и положение в них, а также частоту взаимодействий между людьми, которые в современных условиях смещаются в виртуальное пространство.

Используемая методология. Обзор тематического поля (*scoping review*) ($k = 129$) с использованием алгоритма тематического моделирования (*topic modeling*) языка программирования Питон.

Основные выводы. Обзор тематического поля изучения социального капитала поколений в организациях различной формы собственности позволил выявить шесть тем, которые отразили специфику социализации определенных поколенческих групп, включенных в трудовую деятельность.

Ключевые слова: социальный капитал; социализация; поколения; тематическое моделирование; обзор тематического поля.

Финансирование. Исследование выполнено в Высшей школе экономики за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.

Для цитаты: Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А., Почекут Л.Г., Кораблева С.А. Цифровое моделирование тематического поля изучения социального капитала поколений в организациях // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160101>

Digital Modeling for Scoping Review in Studying Intergenerational Social Capital in Organizations

Natalia V. Volkova

HSE University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volikova@hse.ru

Aleksandra K. Bordunos

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Vera A. Chiker

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vchiker@yandex.ru

Ludmila G. Pochebut

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Svetlana A. Korableva

HSE University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0001-6012-904X>, e-mail: sbolshakova@hse.ru

Objective. Identify key topics presented in contemporary research on the relationship between social capital and generational differences in organizations, utilizing digital processing approaches on a dataset of scientific publications.

Background. The emergence of new technologies, labor migration, and the involvement of representatives of different generations in labor activities have highlighted the process of continuous socialization of individuals in the organizational environment, and consequently, the search for socio-psychological tools for its implementation. Digital transformation has opened up new mechanisms for studying the continuous socialization of individuals of all ages, in which social capital plays an important role, encompassing trust, involvement in social networks and their position in them, as well as the frequency of interactions between people, which are shifting to virtual spaces in contemporary reality.

Methodology. Scoping review ($k = 129$) using a topic modeling algorithm in the Python programming language.

Conclusions. The scoping review in studying intergenerational social capital in organizations of various ownership forms has identified six topics that reflect the specificity of socialization of certain generational groups engaged in work activities.

Keywords: social capital; socialization; generations; topic modeling; scoping review.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation at HSE University, project number 24-28-00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.

For citation: Volkova N.V., Bordunos A.K., Chiker V.A., Pochebut L.G., Korableva S.A. Digital Modeling for Scoping Review in Studying Intergenerational Social Capital in Organizations. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160101> (In Russ.).

Введение

В современном мире люди погружаются в цифровое общество, где устанавливаются и поддерживаются социальные отношения, происходит общение, проводится досуг, получается образование, решаются рабочие вопросы [19]. Цифровая трансформация открыла новые механизмы для исследования непрерывной социализации индивидов всех возрастов, в которой важную роль играет социальный капитал, включающий в себя доверие, вовлеченность в социальные сети и положение в них, а также частоту взаимодействий между людьми [1].

Феномен социального капитала анализируется на макро- (институциональном), мезо- (организационном) и микро- (индивидуальном) уровнях и может принимать форму ролевых моделей, ожиданий, поведенческих норм и межличностных связей [23], способствующих экономическому росту [25], а также оказыывающих влияние на продуктивность и заработные платы [16]. Эта концепция во многом объясняет, почему люди ведут себя не всегда рационально под влиянием норм, ценностей, доверия и принадлежности к определенной социальной группе [23]. Социальный капитал тесно связан с организационным поведением и мотивацией персонала, которые в последнее

время рассматриваются в контексте поколенческих различий из-за старения населения [3]. Соответственно, представляется важным как для работодателей, так и для исследователей рассмотреть становление и развитие концепции социального капитала в организациях различной формы собственности с учетом аспектов, связанных с поколениями.

В этом ключе поколение как идентифицируемая группа, у которой учитываются общие годы рождения, значимые жизненные события на критических этапах развития и часто схожие профессиональные ценности и установки [68], относится к макроуровню изучения социального капитала, в то время как организационный контекст относится к мезоуровню. Результаты анализа исследований, которые соединяют в себе теорию социального капитала в контексте организации и поколенческих аспектов, могут дать работодателям идеи для формирования инструментов по управлению социализацией персонала, а исследователям — направления дальнейших разработок в этой области. Соответственно, цель работы — выявить ключевые темы, представленные в современных исследованиях о связи социального капитала с поколенческими различиями в организациях, применяя подходы диджита-

лизации (цифрового моделирования) массива научных публикаций. Исследовательские вопросы:

1. Какие системообразующие темы, объединяющие в себе теории социального капитала и поколенческих различий, выделяются в научной литературе?

2. Каковы основные направления исследований в этой области, степень их разработанности и ограничения тематики?

Дизайн исследования

В статье представлены результаты обзора тематического поля (scoping review) в области социального капитала поколений в организациях. Этот метод анализа научной литературы предполагает обобщение и систематизацию информации из предметного поля путем соблюдения протокола «Предпочтительные пункты отчетности для систематических обзоров и метаанализов, расширенные для обзоров предметного поля» (Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses extension for Scoping Reviews; PRISMA-ScR) [5]. Использование такого подхода дает возможность уточнить ключевые определения и понятия, определить явления, связанные с организационным социальным капиталом и поколенческими различиями, а также выявить перспективные направления исследований.

Формирование выборки для обзора предметного поля

Формирование выборки осуществлялось посредством поиска литературы в электронной библиотеке e-Library и базе данных Scopus на 25.12.2023. Процесс поиска и отбора статей состоял из четырех шагов (рис. 1).

На первом шаге ($k = 926$) использовался следующий запрос для базы данных Scopus:

TITLE-ABS-KEY (((social capital)
OR {organizational social capital})) AND

(generation* OR {gen Y} OR {Baby Boomer*} OR {gen Z}))) AND (EXCLUDE (SUBJAREA, "CENG") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "VETE") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "BIOC") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "MATE") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "PHAR") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "IMMU") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "MATH") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "EART") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "AGRI") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "ENER") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "ENGI") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "MEDI") OR EXCLUDE (SUBJAREA, "ENVI"))

На втором шаге ($k = 683$) до изучения содержания были удалены все публикации, которые не соответствовали формату статьи ($k = 243$), например, обзорные статьи (review), заметки (note), обзоры конференций (conference review).

На третьем шаге ($k = 114$) были удалены дублирующие публикации ($k = 3$), источники, в которых слово «generation» использовалось в значении «создание», «генерация» ($k = 163$), и статьи, которые не затрагивали тематику поколений или организационный контекст ($k = 403$). В частности, встречались такие темы, как социальный капитал в обществе, при миграционных процессах, в религиозном контексте и др. На этом шаге анализ содержания текстов проводился независимо тремя исследователями-экспертами, затем результаты сверялись и обсуждались в случае несоответствий в решениях.

На четвертом шаге ($k = 129$) сложившаяся выборка была дополнена статьями из реферативной базы данных e-Library ($k = 15$) на основании аналогичных ключевых слов (см. рис. 1). Отобранные статьи были прочитаны и проанализированы исследователями, чтобы убедиться в их актуальности для ответа на исследовательские вопросы.

Рис. 1. Формирование выборки: ^{a)} Ключевые слова: social capital, organizational social capital, generation, gen Y, Baby Boomer, gen Z. ^{b)} Категории: 1) социальные науки, 2) бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет, 3) экономика, эконометрика и финансы, 4) искусство и гуманитарные науки, 5) психология, 6) науки о компьютерах, 7) науки о принятии решений, 8) междисциплинарные исследования, 9) деятельность по уходу, 10) медицинские профессии

Распределение статей по годам, представленное на рис. 2, демонстрирует возрастающий интерес к данной теме.

Тематический анализ предметного поля: извлечение данных

Извлечение данных проводилось из англоязычных аннотаций с использованием языка программирования Питон. Следуя рекомендациям предыдущих исследований [40], документы были подготовлены посредством удаления ненужных элементов (например, цифр, знаков препинания

и специальных символов), разделения на слова и преобразования их в нижний регистр. Сегментация текста была выполнена с помощью токенизации по словам (unigram tokenization), поскольку тематическое моделирование (topic modeling) выдает более оптимальные результаты, когда используется такой вид токенизации [34]. Затем тексты были лемматизированы и из них удалили слова, содержащие менее трех букв, и стоп-слова, которые не несут смысловой нагрузки. Список стоп-слов из библиотеки NLTK (Natural Language Toolkit)

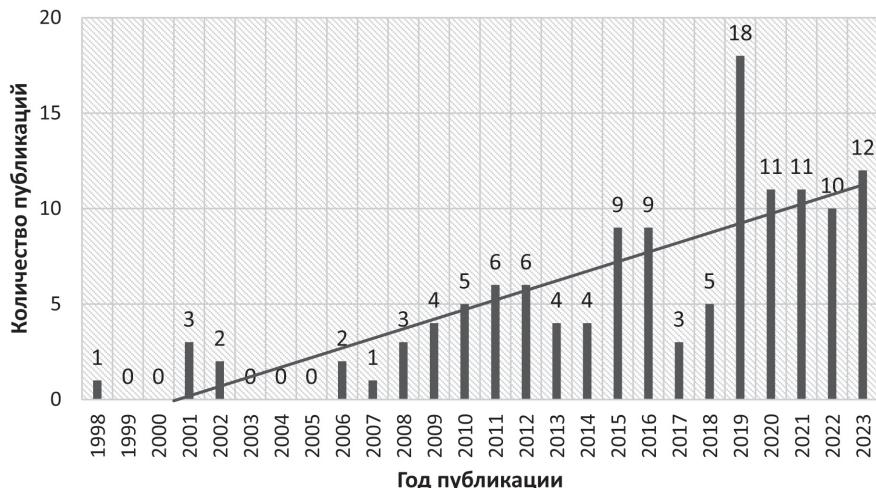

Рис. 2. Распределение статей по годам

был дополнен авторами с учетом специфики аннотаций (например: «methodology», «findings», «implication»).

Обработанные данные были преобразованы в матричную структуру (document-by-term matrix), где столбцы представляют собой п-граммы, а строки — аннотации статей. Размер каждого п-грамма составлял два слова (биграммы), чтобы получить более точные результаты [20], а также не потерять определение «социального капитала», который состоит из двух слов. После кодирования с помощью CountVectorizer

из пакета scikit-Learn было извлечено 45 биграмм, которые объединились в 6 тем посредством алгоритма тематического моделирования с разным количеством итераций и случайных чисел.

Завершающим этапом были анализ текста статей, который проводился путем их прочтения исследователями, и последующая экспертиза оценка на основе тем, полученных в ходе тематического анализа. В таблице представлено распределение публикаций по темам, а на рис. 3 — процесс тематического анализа предметного поля.

Таблица 1

Распределение статей по темам

№ темы	Кол-во статей	Основные словосочетания
1	37	social capital (социальный капитал), first generation (первое поколение), family social (семейное социальное), social network (социальная сеть), human capital (человеческий капитал), old generation (старшее поколение), capital theory (теория капитала)
2	33	social capital (социальный капитал), young generation (молодое поколение), capital use (использование капитала), role social (социальная роль), second generation (второе поколение), organizational social (организационный социальный), united states (Соединенные Штаты), level social (социальный уровень)

№ темы	Кол-во статей	Основные словосочетания
3	12	family firm (семейная фирма), social capital (социальный капитал), family member (член семьи), family ownership (семейная собственность), long term (долгосрочный), family social (семейное социальное), high level (высокий уровень), socio economic (социо экономический)
4	26	family business (семейный бизнес), social capital (социальный капитал), new generation (новое поколение), social network (социальная сеть), small medium (малый и средний бизнес), medium size (средний размер), transfer social (социальный трансфер/передача), next generation (следующее поколение)
5	13	second generation (второе поколение), individual level (индивидуальный уровень), social capital (социальный капитал), generation immigrant (поколение иммигрантов), bonding social (связующие социальные [связи]), first second (первое-второе [поколения]), human capital (человеческий капитал)
6	8	young people (молодые люди), high education (высшее образование), social network (социальная сеть), labour market (рынок труда), cultural capital (культурный капитал), network social (сети взаимодействия), first generation (первое поколение), social capital (социальный капитал)

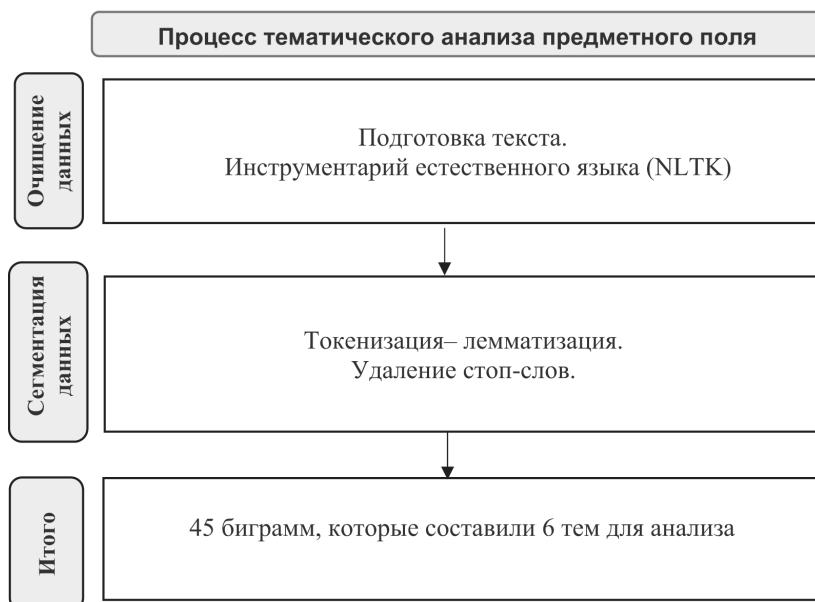

Рис. 3. Обзор предметного поля

Обобщение данных и представление результатов

Выделенные темы были интерпретированы исследователями, чтобы

определить тип доступных данных, наиболее часто применяемые методы, ключевые понятия, конструкты и факторы в области социального капитала

поколений, а также пробелы в исследованиях.

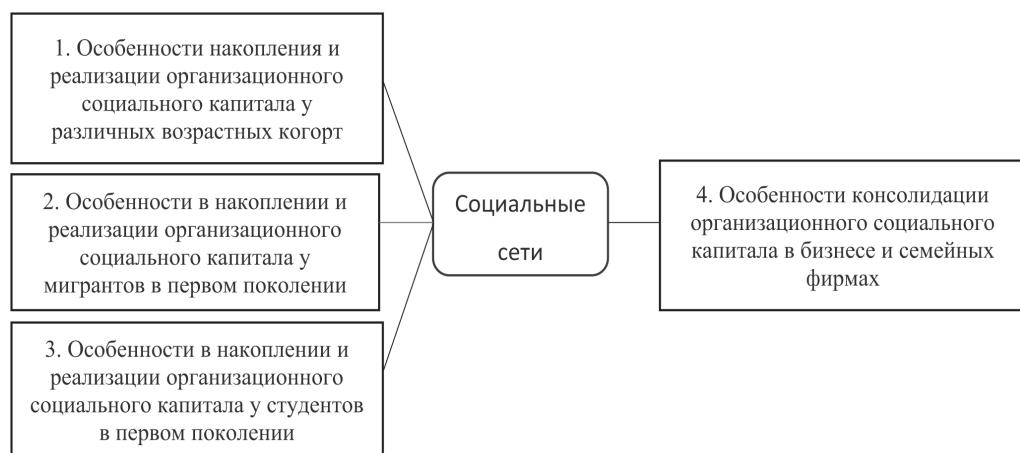
Тема 1. Цифровая трансформация социального капитала через социальные сети

Тема включает 37 статей, в которых прослеживается изучение накопления, консолидации и реализации социального капитала в организационном контексте через социальные сети (social network). Интересно отметить, что анализируются не только поколения с точки зрения различий в возрасте, но и особенности социального капитала, например, у мигрантов в первом поколении или тех, кто впервые в семье получил соответствующий уровень образования (first generation). В теме можно выделить четыре основных направления исследований (см. рис. 4).

Во-первых, особенности в накоплении и реализации организационного социального капитала изучаются у представителей различных возрастных когорт [6]. Гроу и Ян (Grow & Yang) [33], например, используют теорию социального капитала для определения ожиданий поколения Z от будущего рабочего места с акцентом

на развитие социальных навыков (soft skills), которые являются основой для создания сетей контактов (relationship networks) и оказывают поддержку в ходе организационных изменений. Учитывая общую демографическую ситуацию в мире, связанную со старением населения, активно анализируются особенности людей пожилого возраста. В этом направлении особое внимание уделяется таким аспектам, как экономическая, трудовая, социальная активность, социальное самочувствие граждан «третьего возраста» [7], а также формированию у них социальных связей, в том числе и с молодыми коллегами [38], т.е. процессам социализации через социальные сети.

Во-вторых, в статьях анализируются предпринимательские и организационные особенности в накоплении и реализации социального капитала у мигрантов в первом поколении. Например, как социальный капитал влияет на склонность к риску в бизнесе [54] или обеспечивает успех в предпринимательстве наряду с человеческим капиталом [64]. Авторы сходятся во мнении, что для мигрантов, особенно в первом поколении, социаль-

Rис. 4. Накопление, консолидация и реализация социального капитала через соцсети

ный капитал крайне важен, однако существуют и некоторые сложности на пути к его формированию из-за различий в социализации с коренным населением.

В-третьих, в статьях делается акцент на роли социального капитала для развития карьеры у студентов высших учебных заведений в первом поколении. Так, социальные связи, установленные в ходе обучения, помогают таким студентам в формировании их карьерных траекторий и завершении образования, особенно при взаимодействии с консультантами, которые имели похожий опыт при получении образования [41].

В-четвертых, в статьях исследуются особенности организационной среды, включая семейный бизнес (family firms), оказывающие влияние на консолидацию социального капитала. Например, изучается, как профессиональные социальные связи основателей стартапов влияют на раннюю стадию их развития [62], а также роль контактов лидеров разных возрастов в формировании социального капитала организации [26]. Семейные фирмы, устанавливающие сильные сети контактов как внутри компаний, так и с внешними стейкхолдерами, обладают уникальной способностью мобилизовывать социальный и человеческий капи-

талы, что способствует их жизнеспособности [37], в том числе и посредством передачи из поколения в поколение наработанных социальных сетей.

Публикации в данной теме основаны на количественных ($k = 17$) или качественных исследованиях (интервью) ($k = 8$). Встречаются реже смешанные методы ($k = 3$), анализ кейсов ($k = 5$) и концептуальные статьи ($k = 4$). На рис. 5 представлен пример визуализации словосочетаний данной темы.

Тема 2. Мобилизация и накопление организационного социального капитала

Межпоколенческие особенности организационного социального капитала, отражающего качество взаимоотношений в компании, общую заинтересованность в достижении общих целей, а также степень сплоченности сотрудников [50], представлены в 33 статьях. Основной исследовательский вопрос, прослеживающийся в этих публикациях, — как накопление и мобилизация социального капитала могут влиять на организационную деятельность с учетом межпоколенческих различий.

Цифровизация и турбулентные экономические условия стали почвой для

Рис. 5. Облако словосочетаний темы 1

изменений в накоплении и мобилизации организационного социального капитала. Стандарты этического поведения, устанавливаемые менеджерами посредством поведенческих и структурных процессов и практик, ведут к накоплению организационного социального капитала [50], так же как членство в ассоциациях [47] и волонтерство, активность в котором достигает своего пика в среднем возрасте и характерна для пожилых сотрудников, особенно работающих неполный рабочий день [53]. Управлять такими нематериальными ресурсами, как социальный капитал, лучше всего специалистам по связям с общественностью [28].

Мобилизация социального капитала активно используется для привлечения ресурсов [47], например, для создания франчайзинговой сети [25]. Однако отмечаются поколенческие особенности, так, предприниматели, рожденные после 1975 года, имеющие более высокий уровень образования и не являющиеся членами Коммунистической партии Вьетнама, извлекают меньшую выгоду из социальных связей, чем те, кто старше, менее образованы, но являются членами этой партии [47]. Организационный социальный капитал создает среду для взаимодействия поколений, которая способствует обмену знаниями [49] и удовлетворенности работой [43].

В условиях развития информационных технологий корпоративные онлайн-порталы определяют непрерывный процесс накопления и развития социального капитала [9]. Соответственно, изучаются особенности диспозиций молодежи и формирования их социального капитала с учетом цифровой среды [1; 8; 11]. При анализе различных этнических групп отмечается снижение отдельных элементов социального капитала моло-

дежи по сравнению со старшими поколениями [10], актуализируя важность формирования межпоколенного доверия [2] и консолидации организационного социального капитала, включающую в себя оценку организационной культуры, приверженности персонала ценностям и целям, а также уровня организационной идентификации [4]. Этому могут способствовать образовательные учреждения через развитие навыков межличностного общения и сети внешних социальных контактов обучающихся, особенно у получающих образование в первом поколении [32], что ускоряет их социализацию в обществе.

В статьях использовались количественные методы ($k = 6$) или они были концептуальными ($k = 10$), качественные исследования с использованием интервью были отмечены в 4 публикациях, остальные три – в формате кейсов.

Тема 3. Социальный капитал поколений как устойчивость семейных фирм

Данная тема включает 12 статей, которые позволяют ответить на вопрос, какие факторы, связанные с поколениями, способствуют устойчивому развитию семейных фирм, а какие – ему угрожают (рис. 6.).

Семейная фирма – это организация, которой управляет доминирующая коалиция, представленная членами одной семьи или малого количества нескольких семей так, что бизнес мог наследоваться из поколения в поколение [21]. Под семьей понимается система отношений между ее представителями, которые разделяют общие ценности (например, такие как честность, трудолюбие, ответственность перед обществом) и цели, составляющие основу семейного социального капитала [14].

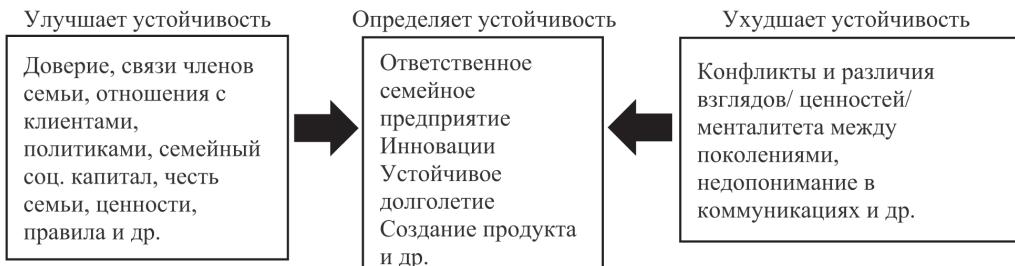

Рис. 6. Устойчивость семейных фирм

Семейный социальный капитал – это социальные отношения, которые сопровождают действия членов семьи, формируя устойчивое конкурентное преимущество фирмы по причине трудности их копирования [15]. Семья является и создателем, и полем для формирования семейного социального капитала.

Устойчивость фирм – способность предпринимать эффективные трансформационные действия в условиях неизвестности и перемен [30], которые выражаются в трех формах: выживание, адаптация и инновации, в том числе и в условиях природных происшествий, например, после урагана [56]. Нарушить устойчивость фирм могут проблемы в коммуникациях между представителями разных поколений одной семьи, различия в ценностях, анахроничность менталитета [14]; появление нескольких лагерей; потеря части потенциала при передаче управления следующему поколению; задержка в освоении нового в период адаптации; сокращение возможностей для сотрудничества, основанного на личных отношениях или ресурсах, носитель которых уходит из компании, передавая дела [15]; ошибка бифуркации – бесконтрольная расстановка приоритетов в отношении активов, имеющих ценность для семьи [22]; семейный авторитет, сдерживающий инновационность; длительные часы труда [30]; отказ

от рискованных шагов и возможностей расширения, чтобы сохранить бизнес для семьи или в ее рамках [31].

Поддерживают устойчивость: семейный социальный капитал [67], социальный капитал, сплачивающий группу – «социальные узы» (bonding social capital) и соединяющий ее с внешним миром – «социальные мосты» (bridging social capital) [22], организационный социальный капитал [15] и организационный социальный капитал поколений [3]. Отдельное внимание обращают на веру в возможность семьи выстоять в сложных условиях, а также желание жить, работать в определенной местности, что связано со стилем жизни [30]. Среди других факторов упоминают: социально-эмоциональное благосостояние; эффективность; индивидуальную идентичность, связанную с семейным бизнесом; ресурсы (активы, знания, бренд, репутация); понимание динамики развития бизнеса; семейное наследие; мотивацию и моральное влияние [67]; неизменные виды деятельности и организационные процессы, которые создают лучшие результаты по сравнению с конкурентами; силу связей между членами семьи, вовлеченными в деятельность фирмы; поколенческое разнообразие – понимание потребностей рынка, обмен знаниями, идеями между поколениями; степень вовлече-

ности членов семьи в управление и финансовые вопросы [15]; важность связи с окружающей средой, доверие с сотрудниками и клиентами, а также время и усилия, которые отводятся на передачу бизнеса наследнику [31].

Отдельно выделяют факторы, которые имеют непредсказуемое влияние — могут как ухудшить, так и усилить устойчивость бизнеса, например, тенденция к неформальному управлению делами, ключевая роль доверия, более высокий уровень автономии, социальная защита — членов семьи не так легко уволить, зато низкая текучесть ведет к экономии на затратах, связанных с наймом, адаптацией, обучением [31].

Среди методов встречаются анализ кейсов ($k = 2$), интервью ($k = 1$), модели структурных уравнений (SEM) ($k = 3$), регрессионный ($k = 2$) и факторный анализ ($k = 1$). Остальные статьи — концептуальные. Например, интересный подход предлагает теоретическую рамку «FIBER»: F — намерение сохранить контроль за представителями семьи (family control intention); I — идентификация членов семьи с данным бизнесом (identification); B — социальные связи (binding social ties), E — эмоциональная связь (emotional attachment); R — обновление семейных связей через династическую преемственность (renewal) [67].

Тема 4. Социальный капитал для транспоколенческого предпринимательства

В группе, которая включает 26 статей, поднимаются вопросы династичности семейных предприятий (intra-family succession), связанные с теорией предпринимательства: как появляются семейные предприятия, в частности у мигрантов [17; 18]; какие предпринимательские намерения и решения у поколений, наследующих или передающих компанию; как происходит наследование бизнеса — какие формы передачи бизнеса и способы сохранения при этом социального капитала [63]; как сохраняется и удерживается через поколения предпринимательская культура [35], фамильный профессиональный бренд [39], почему появляются эффекты обновления социальной сети (renewal-of-network effect) и разрыва поколений (generation-gap-effect) [58] (рис. 7).

В отличие от статей третьей темы, данные исследования изучают стратегии воспроизведения предпринимательских династий на уровне микробизнеса (<10 сотрудников), малого и среднего бизнеса, самих предпринимателей и членов их семей. При этом не каждый семейный бизнес зарегистрирован юридически как фирма. Такие компании отличаются большей гибкостью [51], инновационно-

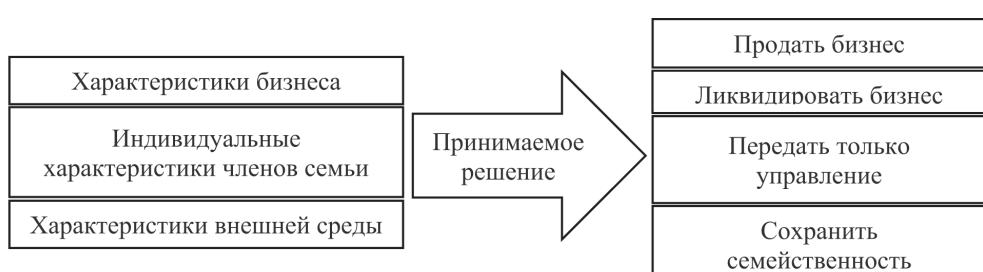

Рис. 7. Факторы, влияющие на решения о воспроизведстве поколенческой преемственности бизнеса

стью [62], но рациональность принятия решений ограничена личным отношением предпринимателя к денежным аспектам и финансовым институтам, семейными и культурными традициями [17], фамильярностью, особым балансом контроля и автономии [51].

Опыт показывает, что среди небольших предприятий наследование происходит в рамках двух поколений и основывается на фидуциарных отношениях (лично-доверительных связях) [65]. Такой подход может приводить к дискриминации представителей следующего поколения [29], так как преимущество часто отдается старшим сыновьям [51]. Соответственно, в контексте социального капитала отдельно рассматривается транспоколенческое предпринимательство (*transgenerational entrepreneurship*) [35], а также управление семейным бизнесом, изучающее, как семейный социальный капитал становится организационным [27; 63].

В рамках миграции населения отдельное внимание уделяется транснациональным (торговым) сетям (*transnational (trading) networks*), представляющим сочетание высокого уровня «соединяющего» (bridging) социального капитала с низким уровнем «сплачивающего» (bounding) социального капитала [53]. В этих исследованиях вводится понятие нового поколения предпринимателей (*new generation entrepreneurs*) — основатели бизнеса, которые были рождены и выросли в стране, в которую иммигрировали их родители [53]. Альтернативное определение термина «новое поколение предпринимателей» — те, кто родились в определенный период, например, с 1980-х до 1990-х годов [66]. В исследованиях обращаются и к установленным названиям поколений, например, поколение Z [12].

В работах использовались следующие методы: кейс-стади ($k = 12$), интервью ($k = 7$) и опросники ($k = 4$), SEM ($k = 2$), остальные статьи — концептуальные.

Тема 5. Социальный капитал как источник межпоколенческого потенциала

Тема включает 13 статей, 10 из которых позволяют ответить на вопрос, как влияют компоненты социального капитала на карьерные траектории и предпринимательскую активность мигрантов в первом и втором поколениях. В условиях миграционных потоков траектории предпринимательской и трудовой ассимиляции иммигрантов (*first generation*) и их детей (*second generation*) формируются включенностью в социальные сети и наделенностью человеческим, культурным и социальным капиталом, а не расой или статусом иммигранта в США [47], аналогичные результаты были получены в европейских странах [59].

Транснациональная карьера у детей иммигрантов во многом связана со степенью вовлеченности респондентов в социальные сети в местах, где предполагается мобильность, и, в частности, наличием там родственных связей и друзей [60], а также зависит от индивидуального уровня восприятия дискриминации на рынке труда [24]. Карьера женщин-мигрантов во втором поколении взаимосвязана с человеческим капиталом (образование и знание языка), ассимиляцией культурных ценностей, установлением социальных связей с местным населением, а также с количеством детей и семейным положением [16].

В ряде статей затрагивается тема социального капитала как межпоколенных социальных взаимодействий или характеристик на уровне сообщества, которые повышают квалификацию или произ-

водительность труда и, следовательно, доход [45]. Так, было обнаружено, что социальное доверие является единственной переменной, положительно влияющей на ежемесячный заработок пожилых работников в различных странах, включая Россию [42]. Вариативность возраста в команде усиливает межличностное доверие между руководителем проекта и внешним консультантом, принадлежащим к разным поколениям [68].

В статьях этой темы используются количественные методы с применением регрессионного анализа ($k = 7$), логистической регрессии ($k = 2$) и анализа последовательностей ($k = 1$). Интервью, смешанный метод и анализ кейсов встретились в трех публикациях.

Тема 6. Социальный капитал молодежи при выходе на рынок труда

Тема включила 8 статей, которые отвечают на вопрос, какую роль выполняет социальный капитал при выходе молодежи на рынок труда и в процессе социализации.

Переход молодых людей во взрослую жизнь и на рынок труда больше не является линейным; признается, что это очень подвижный, индивидуальный и сложный путь, в котором большую роль для экономически незащищенных молодых людей имеет формирование социальных отношений, особенно наведение «мостов» за пределами привычного круга общения посредством участия в общественных проектах [44], консультациях, стажировках и специализированном обучении, организованных службами занятости [55]. Отсутствие социального и культурного капитала ограничивает возможности трудоустройства студентов университетов в первом поколении [35].

Отдельное внимание уделяется социальным сетям с акцентом на их управ-

ление либо молодежью (youth-managed networks), либо взрослыми (adult-managed networks) [48]. Так, О.А. Чебунина [13] рассматривает качество социальной сети как аспект формирования виртуального социального капитала молодежи, являющегося неотъемлемой частью социализации. Склонность молодых людей через соответствующие социальные сети устанавливать и поддерживать стратегические отношения, которые предоставляют ключевую информацию и улучшают их социальное положение, ведет к более высокому уровню психологического благополучия, самооценки и удовлетворенности жизнью, что также способствует трудоустройству [19].

В работах использовались следующие методы: кейс-стади ($k = 1$), интервью ($k = 3$), регрессионный анализ ($k = 2$), смешанный метод ($k = 1$), одна статья была концептуальной.

Выводы

1. Обзор тематического поля изучения социального капитала поколений в организации посредством тематического моделирования позволил выявить шесть тем, характерных для современной научной литературы. Представленный механизм упрощает работу по анализу большого массива публикаций и дает идеи исследователям по их систематизации.

2. Детальный анализ публикаций в каждой теме позволил сделать следующие обобщения:

2.1. Накопление и реализация социального капитала у возрастных когорт, поколений мигрантов и студентов в первом поколении осуществляются через цифровую трансформацию социума, а именно — социальные сети, которые активно используются при консолидации организационного капитала в бизнесе и семейных фирмах.

2.2. Социальный капитал как источник межпоколенческого потенциала усиливает межличностное доверие у представителей разных возрастных когорт, а также влияет на ассимилированность поколений мигрантов в трудовую деятельность, развитие их карьеры и социализацию.

2.3. Социальный капитал становится основой устойчивости семейной фирмы, однако в процессе внутрисемейной поколенческой преемственности могут возникать критические моменты, которые или становятся угрозой для устойчивости бизнеса, или усиливают ее. В период преемственности может повышаться инновационность, особенно когда вместе работают члены семьи и наемные сотрудники [57].

2.4. Цифровизация и турбулентные экономические условия стали почвой для изменений в накоплении и мобили-

зации организационного социального капитала, особенно у молодежи.

2.5. Организационный социальный капитал как мезоуровень создает среду для взаимодействия поколений, в том числе и у предпринимателей-мигрантов, которая способствует консолидации через обучение и развитие, обмен знаниями и удовлетворенность работой.

2.6. Социальный капитал облегчает молодежи выход на рынок труда через формирование социальных отношений за пределами привычного круга общения посредством участия в общественных проектах, консультациях, стажировках и специализированном обучении, организованных службами занятости или учебными заведениями. Накопленный социальный капитал является основой для динамичной социализации молодежи на рынке труда.

Литература

1. Абраамова Е.М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 30. № 3. С. 78–95. DOI:10.19181/viz.2019.30.3.591
2. Аккожоева А.К., Кожомбердиева Н.Т., Артыкбаева С.Ж. К вопросу формирования социального капитала студентов в высших учебных заведениях // Тенденции развития науки и образования. 2023. Т. 93. № 1. С. 13–17. DOI:10.18411/trnio-01-2023-03
3. Волкова Н.В. Модель изучения организационного социального капитала поколений // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 201–226. DOI:10.17323/2312-5942-2023-13-3-201-226
4. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 127–145. DOI:10.17759/sps.2019100210
5. Кулакова Е.Н., Настаушева Т.Л., Кондратьева И.В. Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoping review // Вопросы современной педиатрии. 2021. Т. 20. № 3. С. 210–222. DOI:10.15690/vsp.v20i3/2271
6. Мирошниченко Н.В. Особенности социального капитала поколений Х и У в сетевых сообществах // Молодой исследователь Дона. 2019. Т. 3. № 18. С. 130–133.
7. Потехина И.П., Чижов Д.В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. Т. 2. № 132. С. 3–23. DOI:10.14515/monitoring.2016.2.01
8. Резанова Е.В. Трансформация социального капитала молодежи в век информационных технологий // Современная молодежь и общество. 2021. Т. 9. С. 98–101.

9. Розенберг Н.В., Карпова М.К. Интернет-пространство в формировании социального капитала молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. Т. 4. № 52. С. 95–106. DOI:10.21685/2072-3016-2019-4-10
10. Татарко А.Н., Чуйкина Н.В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 65–73. DOI:10.17759/chp.2021170407
11. Толстикова И.И. и др. Специфика социального капитала поколения Z в условиях виртуализации социального конструирования реальности // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2021. № 5. С. 117–129. DOI:10.17586/2587-8557-2020-5-117-129
12. Толстикова И.И. и др. Влияние интернета на коммуникативную компетентность поколения Z и сетевые возможности его обучения // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2022. № 6. С. 129–146. DOI:10.17586/2587-8557-2022-6-129-146
13. Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 229–241. DOI:10.23683/2227-8656.2019.1.18
14. Aragón-Amonarriz C., Arredondo A.M., Iturrioz-Landart C. How Can Responsible Family Ownership be Sustained Across Generations? A Family Social Capital Approach // Journal of Business Ethics. 2019. Vol. 159. № 1. P. 161–185.
15. Barros-Contreras I. et al. Can we make family social capital flourish? The moderating role of generational involvement // Journal of Family and Economic Issues. 2023. Vol. 44. № 3. P. 655–673.
16. Blau F.D. Immigrants and gender roles: assimilation vs. culture // IZA J Migration. 2015. Vol. 4. № 1. DOI:10.1186/s40176-015-0048-5
17. Boateng B., Silva M., Seaman C. Financing decisions of migrant family businesses: the case of a Ghanaian-owned shop in Kent // Journal of Family Business Management. 2019. Vol. 9. № 1. P. 24–39.
18. Cam D.W., Lefranc H.H., Weston J.M.C. Gringo Entrepreneurship in Latin America. The Thorndikes of Peru, 1901–1938 // Journal of Evolutionary Studies in Business. 2019. Vol. 4. № 1. P. 180–207.
19. Castillo De Mesa J. et al. Social Networking Sites and Youth Transition: The Use of Facebook and Personal Well-Being of Social Work Young Graduates // Front. Psychol. 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00230
20. Chauhan U., Shah A. Topic Modeling Using Latent Dirichlet allocation: A Survey // ACM Comput. Surv. 2022. Vol. 54. № 7. P. 1–35.
21. Chuaj.H., Chrisman J.J., Sharma P. Defining the Family Business by Behavior // Entrepreneurship Theory and Practice. 1999. Vol. 23. № 4. P. 19–39.
22. Ciravegna L. et al. Corporate Diplomacy and Family Firm Longevity // Entrepreneurship Theory and Practice. 2020. Vol. 44. № 1. P. 109–133.
23. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95–S120.
24. Connor P., Koenig M. Explaining the Muslim employment gap in Western Europe: Individual-level effects and ethno-religious penalties // Social Science Research. 2015. Vol. 49. P. 191–201.
25. Czakon W. Social capital at work: the case of franchise network formation // International Journal of Innovation and Learning. 2010. Vol. 7. № 2. P. 134–150.
26. Dastmalchian A. et al. Developing a measure for “connectorship” as a component of engaged leadership // Leadership & Organization Development Journal. 2016. Vol. 37. № 3. P. 403–427.
27. Deng X. Embedding ‘familiness’ in HRM practices to retain a new generation of migrant workers in China // Asia Pacific Business Review. 2018. Vol. 24. № 4. P. 561–577.

28. *Dodd M.D.* Intangible resource management: social capital theory development for public relations // *JCOM*. 2016. Vol. 20. № 4. P. 289–311.
29. *Elliott C. et al.* «What my guidance councillor should have told me»: The importance of universal access and exposure to executive-level advice // *Electronic Journal of e-Learning*. 2013. Vol. 11. № 3. P. 239–252.
30. *Engeset A.B.* “For better or for worse” — the role of family ownership in the resilience of rural hospitality firms // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 68–84.
31. *Fendri C., Nguyen P.* Secrets of succession: how one family business reached the ninth generation // *Journal of Business Strategy*. 2019. Vol. 40. № 5. P. 12–20.
32. *Froese F.J., Hong L.-Y.* Employability skills of the next generation of Chinese factory workers // *Career Development International*. 2022. Vol. 27. № 6/7. P. 657–679.
33. *Grow J.M., Yang S.* Generation-Z Enters the Advertising Workplace: Expectations Through a Gendered Lens // *Journal of Advertising Education*. 2018. Vol. 22. № 1. P. 7–22.
34. *Hagen L.* Content analysis of e-petitions with topic modeling: How to train and evaluate LDA models? // *Information Processing & Management*. 2018. Vol. 54. № 6. P. 1292–1307.
35. *Hanson S.K., Hessel H.M., Danes S.M.* Relational processes in family entrepreneurial culture and resilience across generations // *Journal of Family Business Strategy*. 2019. Vol. 10. № 3. DOI:10.1016/j.jfbs.2018.11.001
36. *Huesmann M. et al.* The sticky steps of the career ladder for engineers: the case of first-generation students in Germany // *Work Organisation, Labour & Globalisation*. 2020. Vol. 14. № 2. P. 81–97.
37. *Jones O. et al.* Dynamic capabilities in a sixth-generation family firm: Entrepreneurship and the Bibby Line // *Business History*. 2013. Vol. 55. № 6. P. 910–941.
38. *Kim J., Chung S.* Is an Intergenerational Program Effective in Increasing Social Capital among Participants? A Preliminary Study in Korea // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. № 3. DOI:10.3390/su14031796
39. *Klimenko L., Posukhova O.* Small Business Dynasties in Modern Russia: Strategies and Prospects for Reproduction // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021. Vol. 9. № 1. P. 43–60.
40. *Kobayashi V.B. et al.* Text Mining in Organizational Research // *Organizational Research Methods*. 2018. Vol. 21. № 3. P. 733–765.
41. *Krieger Cohen P.E., Johnson A.T.* Career Counselors Self-Disclosing to First-Generation College Students: A Grounded Theory Study // *Journal of Career Development*. 2022. Vol. 49. № 3. P. 491–504.
42. *Lim D.H. et al.* Older workers' education and earnings among OECD countries // *European Journal of Training and Development*. 2018. Vol. 42. № 3/4. P. 170–190.
43. *Mason V.C., Hennigan M.L.* Occupational therapy practitioners' ratings of job satisfaction factors through a lens of social capital // *Occupational Therapy in Health Care*. 2019. Vol. 33. № 1. P. 88–107.
44. *Miller J. et al.* Exploring youths' perceptions of the hidden practice of youth work in increasing social capital with young people considered NEET in Scotland // *Journal of Youth Studies*. 2015. Vol. 18. № 4. P. 468–484.
45. *Morell I.A.* “I do not understand how I became a farmer”: The small-peasant path to family farm enterprise in post-socialist rural Hungary // *Development Studies Research*. 2014. Vol. 1. № 1. P. 88–99.
46. *Nee V., Drouhot L.G.* Immigration, opportunity, and assimilation in a technology economy // *Theory and Society*. 2020. Vol. 49. № 5–6. P. 965–990.
47. *Ngo V.D. et al.* Social capital inequality and capital structure of new firms in a developing country: the role of bank ties // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2021. Vol. 27. № 7. P. 1649–1673.

48. Ødegård G., Berglund F. Opposition and Integration in Norwegian Youth Networks // *Acta Sociologica*. 2008. Vol. 51. № 4. P. 275–291.
49. Özak H. The relationship between social capital, knowledge sharing and trust: a study between baby boomers, X and Y generations // *GBER*. 2021. Vol. 25. № 3/4. P. 292–312.
50. Pastoriza D., Ariño M.A., Ricart J.E. Ethical Managerial Behaviour as an Antecedent of Organizational Social Capital // *J Bus Ethics*. 2008. Vol. 78. № 3. P. 329–341.
51. Perricone P.J., Earle J.R., Taplin I.M. Patterns of Succession and Continuity in Family-Owned Businesses: Study of an Ethnic Community // *Family Business Review*. 2001. Vol. 14. № 2. P. 105–121.
52. Piatak J.S. Altruism by Job Sector: Can Public Sector Employees Lead the Way in Rebuilding Social Capital? // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2014. Vol. 25. № 3. P. 877–900.
53. Ren N. Transnational Networks and Institutional Embeddedness: Reengagement of the New Generation of Malaysian Chinese Entrepreneurs with China // *Asian Journal of Social Science*. 2021. Vol. 49. № 4. P. 215–224.
54. Rodriguez-Gutiérrez M.J., Romero I., Yu Z. Guanxi and risk-taking propensity in Chinese immigrants' businesses // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2020. Vol. 16. № 1. P. 305–325.
55. Rodríguez Soler J., Verd J.M. Informal social capital building in local employment services: Its role in the labour market integration of disadvantaged young people // *Social Policy & Administration*. 2023. Vol. 57. № 5. P. 679–699.
56. Salvato C. et al. Natural disasters as a source of entrepreneurial opportunity: Family business resilience after an earthquake // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2020. Vol. 14. № 4. P. 594–615.
57. Sanchez-Famoso V. et al. Social capital and innovation in family firms: The moderating roles of family control and generational involvement // *Scandinavian Journal of Management*. 2019. Vol. 35. № 3. DOI:10.1016/j.scaman.2019.02.002
58. Schell S., Hiepler M., Moog P. It's all about who you know: The role of social networks in intra-family succession in small and medium-sized firms // *Journal of Family Business Strategy*. 2018. Vol. 9. № 4. P. 311–325.
59. Schels B., Schwarz L. Are trainees with a migration background in a worse position? Resources, occupational aspirations and ethnic differences in the socio-economic status of the training occupation // *SozW*. 2020. Vol. 71. № 4. P. 407–439.
60. Shahroknii S. The transnational career aspirations of France's high-achieving second-generation Maghrebi migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. № 3. P. 437–454.
61. Somboonwechakarn C. et al. Communicating innovation and sustainability in family businesses through successions // *Heliyon*. 2022. Vol. 8. № 12. DOI:10.1016/j.heliyon.2022.e11760
62. Spiegel O. et al. Business model development, founders' social capital and the success of early stage internet start ups: a mixed-method study // *Information Systems Journal*. 2015. Vol. 26. № 5. P. 421–449.
63. Steier L. Next-Generation Entrepreneurs and Succession: An Exploratory Study of Modes and Means of Managing Social Capital // *Family Business Review*. 2001. Vol. 14. № 3. P. 259–276.
64. Urban B., Murimbika M., Mhangami D. Immigrant entrepreneurship with a focus on human and social capital as determinants of success: evidence from South Africa // *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2022. Vol. 16. № 2. P. 257–272.
65. Volkov D.A. Family business in Russia: Results of the empirical research // *World Applied Sciences Journal*. 2014. Vol. 30. № 4. P. 468–474.
66. Wang R., Zhou H., Wang L. The Influence of Psychological Capital and Social Capital on the Entrepreneurial Performance of the New Generation of Entrepreneurs // *Front Psychol*. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.832682

67. Welsh D.H.B., Llanos-Contreras O., Hebles M.R. Effectuation and strategic evolution for sustainable longevity: the case of a 19th-generation family firm // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2023. DOI:10.1108/IJEBR-07-2023-0684
68. Williams M. Being trusted: How team generational age diversity promotes and undermines trust in cross-boundary relationships // J Organ Behav. 2016. Vol. 37. № 3. P. 346–373.

References

1. Avraamova E.M. Sotsial'noe pozitsionirovaniye i sotsial'nye praktiki rossiiskikh millenialov [The social positioning and social practices of Russian millennials]. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2019. Vol. 30, no. 3, pp. 78–95. DOI:10.19181/vis.2019.30.3.591
2. Akkozhoeva A.K., Kozhomberdieva N.T., Artykbaeva S.Zh. K voprosu formirovaniya sotsial'nogo kapitala studentov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [On the issue of forming the social capital of students in higher educational institutions]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*, 2023. Vol. 93, no. 1, pp. 13–17. DOI:10.18411/trnio-01-2023-03
3. Volkova N.V. Model' izucheniya organizatsionnogo sotsial'nogo kapitala pokolenii [The framework for studying organizational social capital of generations]. *Organizacionnaya psihologiya = Organizational psychology*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 201–226. DOI:10.17323/2312-5942-2023-13-3-201-226
4. Volkova N.V., Chiker V.A., Pochebut L.G. Razlichiya pokolenii v konsolidatsii sotsial'nogo kapitala: organizatsionnyi i subkul'turnyi aspekty [Consolidation of the social capital among different generational cohorts: organizational and subcultural facets]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 127–145. DOI:10.17759/sps.2019100210
5. Kulakova E.N., Nastausheva T.L., Kondrat'eva I.V. Sistematischeskoe obzornee issledovaniye literatury po metodologii scoping review [Scoping Review Methodology: History, Theory and Practice]. *Voprosy sovremennoj pediatrii – Current Pediatrics*, 2021. Vol. 20, no. 3, pp. 210–222. DOI:10.15690/vsp.v20i3/2271
6. Miroshnichenko N.V. Osobennosti sotsial'nogo kapitala pokolenii Kh i Y v setevykh soobshchestvakh [Features of the social capital in generations X and Y in online communities]. *Molodoj issledovatel' Dona = The young researcher of the Don*, 2019. Vol. 3, no. 18, pp. 130–133.
7. Potekhina I.P., Chizhov D.V. Potentsial starshego pokoleniya kak sostavlyayushchaya natsional'nogo chelovecheskogo kapitala [Potential of senior citizens as a component of national human capital]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2016. Vol. 2, no. 132, pp. 3–23. DOI:10.14515/monitoring.2016.2.01
8. Rezanova E.V. Transformatsiya sotsial'nogo kapitala molodezhi v vek informatsionnykh tekhnologii [Transformation of the social capital of youth in the age of information technology]. *Sovremennaya molodezh' i obshchestvo = Modern youth and society*, 2021. Vol. 9, pp. 98–101.
9. Rozenberg N.V., Karpova M.K. Internet-prostranstvo v formirovaniy sotsial'nogo kapitala molodezhi [Internet space in the formation of social capital' youth]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2019. Vol. 4, no. 52, pp. 95–106. DOI:10.21685/2072-3016-2019-4-10
10. Tatarko A.N., Chuikina N.V. Vzaimosvyaz' mnozhestvennykh identichnostei i sotsial'nogo kapitala na postsovetskem prostranstve: mezhpokolennyi analiz [The relationship between multiple identities and social capital in the Post-Soviet space: an intergenerational analysis]. *Kul'turo-istoricheskaya psihologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 65–73. DOI:10.17759/chp.2021170407
11. Tolstikova I.I. [i dr.] Spetsifika sotsial'nogo kapitala pokoleniya Z v usloviyakh virtualizatsii sotsial'nogo konstruirovaniya real'nosti [The specifics of the social capital of generation Z in

- the context of virtualization of the social construction of reality]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego*, 2021, no. 5, pp. 117–129. DOI:10.17586/2587-8557-2020-5-117-129
12. Tolstikova I.I. [i dr.] Vliyanie interneta na kommunikativnyu kompetentnost' pokoleniya Z i setevye vozmozhnosti ego obucheniya [The influence of the Internet on the communicative competence of generation Z and the network possibilities of its training]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego*, 2022, no. 6, pp. 129–146. DOI:10.17586/2587-8557-2022-6-129-146
13. Chebunina O.A. Virtual'nyi sotsial'nyi kapital v protsesse internet-sotsializatsii molodezhi [Virtual social capital in the process of Internet socialization of youth]. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 229–241. DOI:10.23683/2227-8656.2019.1.18
14. Aragón-Amonarriz C., Arredondo A.M., Iturrioz-Landart C. How Can Responsible Family Ownership be Sustained Across Generations? A Family Social Capital Approach. *Journal of Business Ethics*, 2019. Vol. 159, no. 1, pp. 161–185.
15. Barros-Contreras I. et al. Can we make family social capital flourish? The moderating role of generational involvement. *Journal of Family and Economic Issues*, 2023. Vol. 44, no. 3, pp. 655–673.
16. Blau F.D. Immigrants and gender roles: assimilation vs. Culture. *IZA J Migration*, 2015. Vol. 4, no. 1. DOI:10.1186/s40176-015-0048-5
17. Boateng B., Silva M., Seaman C. Financing decisions of migrant family businesses: the case of a Ghanaian-owned shop in Kent. *Journal of Family Business Management*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 24–39.
18. Cam D.W., Lefranc H.H., Weston J.M.C. Gringo Entrepreneurship in Latin America. The Thorndikes of Peru, 1901–1938. *Journal of Evolutionary Studies in Business*, 2019. Vol. 4, no. 1, pp. 180–207.
19. Castillo De Mesa J. et al. Social Networking Sites and Youth Transition: The Use of Facebook and Personal Well-Being of Social Work Young Graduates. *Front. Psychol.* 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00230
20. Chauhan U., Shah A. Topic Modeling Using Latent Dirichlet allocation: A Survey. *ACM Comput. Surv.* 2022. Vol. 54, no. 7, pp. 1–35.
21. Chua J.H., Chrisman J.J., Sharma P. Defining the Family Business by Behavior. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 1999. Vol. 23, no. 4, pp. 19–39.
22. Ciravegna L. et al. Corporate Diplomacy and Family Firm Longevity. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2020. Vol. 44, no. 1, pp. 109–133.
23. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 1988. Vol. 94, pp. S95–S120.
24. Connor P., Koenig M. Explaining the Muslim employment gap in Western Europe: Individual-level effects and ethno-religious penalties. *Social Science Research*, 2015. Vol. 49, pp. 191–201.
25. Czakon W. Social capital at work: the case of franchise network formation. *International Journal of Innovation and Learning*, 2010. Vol. 7, no. 2, pp. 134–150.
26. Dastmalchian A. et al. Developing a measure for “connectorship” as a component of engaged leadership. *Leadership & Organization Development Journal*, 2016. Vol. 37, no. 3, pp. 403–427.
27. Deng X. Embedding ‘familiness’ in HRM practices to retain a new generation of migrant workers in China. *Asia Pacific Business Review*, 2018. Vol. 24, no. 4, pp. 561–577.
28. Dodd M.D. Intangible resource management: social capital theory development for public relations. *JCOM*, 2016. Vol. 20, no. 4, pp. 289–311.
29. Elliott C. et al. «What my guidance councillor should have told me»: The importance of universal access and exposure to executive-level advice. *Electronic Journal of e-Learning*, 2013. Vol. 11, no. 3, pp. 239–252.

30. Engeset A.B. "For better or for worse" – the role of family ownership in the resilience of rural hospitality firms. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, 2020. Vol. 20, no. 1, pp. 68–84.
31. Fendri C., Nguyen P. Secrets of succession: how one family business reached the ninth generation. *Journal of Business Strategy*, 2019. Vol. 40, no. 5, pp. 12–20.
32. Froese F.J., Hong L.-Y. Employability skills of the next generation of Chinese factory workers. *Career Development International*, 2022. Vol. 27, no. 6/7, pp. 657–679.
33. 33. Grow J.M., Yang S. Generation-Z Enters the Advertising Workplace: Expectations Through a Gendered Lens. *Journal of Advertising Education*, 2018. Vol. 22, no. 1, pp. 7–22.
34. Hagen L. Content analysis of e-petitions with topic modeling: How to train and evaluate LDA models? *Information Processing & Management*, 2018. Vol. 54, no. 6, pp. 1292–1307.
35. Hanson S.K., Hessel H.M., Danes S.M. Relational processes in family entrepreneurial culture and resilience across generations. *Journal of Family Business Strategy*, 2019. Vol. 10, no. 3. DOI:10.1016/j.jfbs.2018.11.001
36. Huesmann M. et al. The sticky steps of the career ladder for engineers: the case of first-generation students in Germany. *Work Organisation, Labour & Globalisation*, 2020. Vol. 14, no. 2, pp. 81–97.
37. Jones O. et al. Dynamic capabilities in a sixth-generation family firm: Entrepreneurship and the Bibby Line. *Business History*, 2013. Vol. 55, no. 6, pp. 910–941.
38. Kim J., Chung S. Is an Intergenerational Program Effective in Increasing Social Capital among Participants? A Preliminary Study in Korea. *Sustainability*, 2022. Vol. 14, no. 3. DOI:10.3390/su14031796
39. Klimenko L., Posukhova O. Small Business Dynasties in Modern Russia: Strategies and Prospects for Reproduction. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2021. Vol. 9, no. 1, pp. 43–60.
40. Kobayashi V.B. et al. Text Mining in Organizational Research. *Organizational Research Methods*, 2018. Vol. 21, no. 3, pp. 733–765.
41. Krieger Cohen P.E., Johnson A.T. Career Counselors Self-Disclosing to First-Generation College Students: A Grounded Theory Study. *Journal of Career Development*, 2022. Vol. 49, no. 3, pp. 491–504.
42. Lim D.H. et al. Older workers' education and earnings among OECD countries. *European Journal of Training and Development*, 2018. Vol. 42, no. 3/4, pp. 170–190.
43. Mason V.C., Hennigan M.L. Occupational therapy practitioners' ratings of job satisfaction factors through a lens of social capital. *Occupational Therapy in Health Care*, 2019. Vol. 33, no. 1, pp. 88–107.
44. Miller J. et al. Exploring youths' perceptions of the hidden practice of youth work in increasing social capital with young people considered NEET in Scotland. *Journal of Youth Studies*, 2015. Vol. 18, no. 4, pp. 468–484.
45. Morell I.A. "I do not understand how I became a farmer": The small-peasant path to family farm enterprise in post-socialist rural Hungary. *Development Studies Research*, 2014. Vol. 1, no. 1, pp. 88–99.
46. Nee V., Drouhot L.G. Immigration, opportunity, and assimilation in a technology economy. *Theory and Society*, 2020. Vol. 49, no. 5–6, pp. 965–990.
47. Ngo V.D. et al. Social capital inequality and capital structure of new firms in a developing country: the role of bank ties. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2021. Vol. 27, no. 7, pp. 1649–1673.
48. Ødegård G., Berglund F. Opposition and Integration in Norwegian Youth Networks. *Acta Sociologica*, 2008. Vol. 51, no. 4, pp. 275–291.
49. Özek H. The relationship between social capital, knowledge sharing and trust: a study between baby boomers, X and Y generations. *GBER*, 2021. Vol. 25, no. 3/4, pp. 292–312.
50. Pastoriza D., Ariño M.A., Ricart J.E. Ethical Managerial Behaviour as an Antecedent of Organizational Social Capital. *J Bus Ethics*, 2008. Vol. 78, no. 3, pp. 329–341.

51. Perricone P.J., Earle J.R., Taplin I.M. Patterns of Succession and Continuity in Family-Owned Businesses: Study of an Ethnic Community. *Family Business Review*, 2001. Vol. 14, no. 2, pp. 105–121.
52. Piatak J.S. Altruism by Job Sector: Can Public Sector Employees Lead the Way in Rebuilding Social Capital? *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2014. Vol. 25, no. 3, pp. 877–900.
53. Ren N. Transnational Networks and Institutional Embeddedness: Reengagement of the New Generation of Malaysian Chinese Entrepreneurs with China. *Asian Journal of Social Science*, 2021. Vol. 49, no. 4, pp. 215–224.
54. Rodríguez-Gutiérrez M.J., Romero I., Yu Z. Guanxi and risk-taking propensity in Chinese immigrants' businesses. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 305–325.
55. Rodríguez-Soler J., Verd J.M. Informal social capital building in local employment services: Its role in the labour market integration of disadvantaged young people. *Social Policy & Administration*, 2023. Vol. 57, no. 5, pp. 679–699.
56. Salvato C. et al. Natural disasters as a source of entrepreneurial opportunity: Family business resilience after an earthquake. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2020. Vol. 14, no. 4, pp. 594–615.
57. Sanchez-Famoso V. et al. Social capital and innovation in family firms: The moderating roles of family control and generational involvement. *Scandinavian Journal of Management*, 2019. Vol. 35, no. 3. DOI:10.1016/j.scaman.2019.02.002
58. Schell S., Hiepler M., Moog P. It's all about who you know: The role of social networks in intra-family succession in small and medium-sized firms. *Journal of Family Business Strategy*, 2018. Vol. 9, no. 4, pp. 311–325.
59. Schels B., Schwarz L. Are trainees with a migration background in a worse position? Resources, occupational aspirations and ethnic differences in the socio-economic status of the training occupation. *SozW*, 2020. Vol. 71, no. 4, pp. 407–439.
60. Shahroknii S. The transnational career aspirations of France's high-achieving second-generation Maghrebi migrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2019. Vol. 45, no. 3, pp. 437–454.
61. Somboonvechakarn C. et al. Communicating innovation and sustainability in family businesses through successions. *Heliyon*, 2022. Vol. 8, no. 12. DOI:10.1016/j.heliyon.2022.e11760
62. Spiegel O. et al. Business model development, founders' social capital and the success of early stage internet start-ups: a mixed-method study. *Information Systems Journal*, 2015. Vol. 26, no. 5, pp. 421–449.
63. Steier L. Next-Generation Entrepreneurs and Succession: An Exploratory Study of Modes and Means of Managing Social Capital. *Family Business Review*, 2001. Vol. 14, no. 3, pp. 259–276.
64. Urban B., Murimbika M., Mhangami D. Immigrant entrepreneurship with a focus on human and social capital as determinants of success: evidence from South Africa. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*, 2022. Vol. 16, no. 2, pp. 257–272.
65. Volkov D.A. Family business in Russia: Results of the empirical research. *World Applied Sciences Journal*, 2014. Vol. 30, no. 4, pp. 468–474.
66. Wang R., Zhou H., Wang L. The Influence of Psychological Capital and Social Capital on the Entrepreneurial Performance of the New Generation of Entrepreneurs. *Front Psychol.*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.832682
67. Welsh D.H.B., Llanos-Contreras O., Hebles M.R. Effectuation and strategic evolution for sustainable longevity: the case of a 19th-generation family firm. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2023. DOI:10.1108/IJEBR-07-2023-0684
68. Williams M. Being trusted: How team generational age diversity promotes and undermines trust in cross-boundary relationships. *J Organ Behav*, 2016. Vol. 37, no. 3, pp. 346–373.

Информация об авторах

Волкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент департамента менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volikova@hse.ru

Бордунос Александра Константиновна, ассистент кафедры организационного поведения и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Чикер Вера Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vchiker@yandex.ru

Почебут Людмила Георгиевна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Кораблева Светлана Андреевна, аспирант департамента менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6012-904X>, e-mail: sbolshakova@hse.ru

Information about the authors

Natalia V. Volkova, Candidate of Social Psychology, Associate Professor of the Department of Management, HSE University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volikova@hse.ru

Aleksandra K. Bordunos, Lecturer of the Department of Organizational Behavior and Personnel Management, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Vera A. Chiker, Candidate of Social Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vchiker@yandex.ru

Lyudmila G. Pochebut, Doctor of Social Psychology, Professor of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Svetlana A. Korableva, PhD Student of the Department of Management, HSE University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6012-904X>, e-mail: sbolshakova@hse.ru

Получена 06.03.2024

Received 06.03.2024

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Обобщенные факторы креативного мышления в контексте разнообразия социокультурной идентичности субъектов

Грязева-Добшинская В.Г.

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)),
г. Челябинск, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9986-4073>, e-mail: vdobshinya@mail.ru

Коробова С.Ю.

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)),
г. Челябинск, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-7231>, e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru

Дмитриева Ю.А.

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)),
г. Челябинск, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0331-4684>, e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru

Глухова В.А.

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)),
г. Челябинск, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: gluhova-vera@mail.ru

Колтунов Е.И.

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)),
г. Челябинск, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0003-4836-7859>, e-mail: aspiratingle@gmail.com

Цель. Дифференцировать испытуемых на типы в соответствии с различиями в факторной структуре креативного мышления и выявить типологические варианты интеграции свойств креативного мышления и различных компонентов социокультурной идентичности.

Контекст и актуальность. На основании выявленных тенденций интегративных исследований креативности обозначено направление ее изучения: от определения обобщенных факторов креативного мышления и креативной личности к выявлению различных типов творцов, у которых по-разному уравновешены когнитивные и личностные свойства, что определяет их специфические ресурсы, возможности достижений в разнообразных социальных, культурных контекстах.

Участники. 162 студента разных специальностей от 18 до 22 лет ($M = 19,5$; 97 девушек, 65 юношей).

Методы (инструменты). Фигурная форма теста Торренса и авторская методика «Ролевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) В.Г. Грязевой-Добшинской с соавт., основанная на методе репертуарных решеток Дж. Келли.

Результаты. Подтверждена двухфакторная структура креативного мышления, включающая поисковый, инновационный (беглость, гибкость, оригинальность) и адаптационный (разработанность, абстрактность названия) факторы. На основании соотношения инновационного и адаптационного факторов креативного мышления осуществлена дифференциация субъектов на четыре типа: поисковый, адаптивный, высококреативный, низкокреативный. Выявлена специфика соотношения факторов креативного мышления и социокультурной идентичности, включающей социально-ролевой и ценностный компоненты, у субъектов разных типов.

Основные выводы. Выявлены креативные типы, дифференцированные на основании вариантов соотношения инновационного и адаптационного факторов креативного мышления. Интегративные структуры креативности выявленных типов субъектов специфичны. Выявлены типологические варианты интеграции свойств креативного мышления и различных компонентов социокультурной идентичности.

Ключевые слова: креативность; тест Торренса (TTCT); социально-ролевая идентичность; ценностные основания; инновационный фактор; адаптационный фактор; креативные типы.

Финансирование. Исследование выполнено в Южно-Уральском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01059, <https://rscf.ru/project/23-18-01059/>.

Для цитаты: Грязева-Добшинская В.Г., Коробова С.Ю., Дмитриева Ю.А., Глухова В.А., Колтунов Е.И. Обобщенные факторы креативного мышления в контексте разнообразия социокультурной идентичности субъектов // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 28–50. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160102>

Generalised Factors of Creative Thinking in the Context of Diversity of Subjects' Socio-Cultural Identity

Vera G. Gryazeva-Dobshinskaya

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9986-4073>, e-mail: vdobshinya@mail.ru

Svetlana Yu. Korobova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-7231>, e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru

Julia A. Dmitrieva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0331-4684>, e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru

Vera A. Glukhova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: gluhoval-vera@mail.ru

Evgenii I. Koltunov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4836-7859>, e-mail: aspiratingle@gmail.com

Objective. To differentiate subjects into types according to differences in the creative thinking factor structure and to identify typological variants of integration of creative thinking properties and various components of sociocultural identity.

Background. Based on the identified tendencies of integrative creativity researches the direction of its study is outlined: from the definition of generalized factors of creative thinking and creative personality to the identification of different creator types, with different ratio of general cognitive and personal components determining their specific resources, achievement opportunities in various socio-cultural contexts.

Participants. 162 students of different specialties, ages from 18 to 22 ($M = 19,5$; 97 females, 65 males).

Measurements. Figural Test for Torrance Tests of Creative Thinking, psychodiagnostic technology "Role Relations between Social Subjects and Creative Personalities" by V.G. Gryazeva-Dobshinskaya et al., based on repertory grids method by J. Kelly.

Results. A two-factor creative thinking structure was confirmed, including innovative (fluency, flexibility, originality) and adaptational (elaboration, abstractness of titles) factors. Based on the ratio differences between innovative and adaptational factors, subjects were differentiated into four types: innovative, adaptational, high-creative, low-creative. The ratio peculiarities between the factors of creative thinking and sociocultural identity, including social role and value components, in subjects of different types was revealed.

Conclusions. Creative subject types, differentiated by ratio of innovative and adaptational factors of creative thinking, have been revealed. The specific peculiarities in creativity integrative structures of the revealed types of subjects are identified. The typological variants of integration of creative thinking properties and various components of sociocultural identity have been revealed.

Keywords: creativity; TTCT; social-role identity; value bases; innovative factor; adaptational factor; creator's types.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-18-01059, <https://rscf.ru/project/23-18-01059/> at the South Ural State University.

For citation: Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Korobova S.Yu., Dmitrieva Yu.A., Glukhova V.A., Koltunov E.I. Generalised Factors of Creative Thinking in the Context of Diversity of Subjects' Socio-Cultural Identity. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 28–50. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160102> (In Russ.).

Введение

Изучение творческого мышления как процесса продуцирования новых, нестандартных идей и творческой личности как созидателя оригинального продукта в контексте жизненной ситуации в социуме развивается в направлении интегративных концепций и эмпирических исследований [13; 14; 17; 22; 26; 27; 43; 45].

С одной стороны, происходит поиск универсальных факторов как мышления, так и личности в креативном процессе. В этом направлении выявлены наиболее взаимосвязанные характеристики креативного мышления — беглость, гибкость, оригинальность и черты креативной лич-

ности — открытость опыта, экстраверсия, внутренняя мотивация, рефлексия, самооценка креативности [26; 40; 46; 47; 50]. Выявлена структура креативного мышления с двумя независимыми факторами: поисковый, инновационный фактор, включающий беглость, гибкость, оригинальность (или только гибкость, оригинальность) и адаптационный фактор, включающий разработанность, абстрактность названия; показатель «сопротивление замыканию» может входить или в оба фактора, или в адаптационный фактор [32; 33; 35; 36; 41].

С другой стороны, в эмпирических исследованиях выявляется разнообразие комплексов когнитивных и личностных переменных, варианты которых опреде-

ляются спецификой социальных, культурных контекстов жизни творцов. По результатам исследований компоненты поискового («вариативного», «генерирующего», «дивергентного») и адаптационного («селективного», «оценочного», «конвергентного») факторов креативного мышления по-разному связаны с личностными свойствами, в том числе с социокультурными свойствами, определяя специфику творческой личности [27; 35; 41].

Выявлены специфические влияния культуры на взаимосвязи креативного мышления и креативной личности, оценку креативности [15; 21; 24; 30; 36; 51]. Это побудило исследователей сформулировать в рамках манифеста общие принципы изучения социальных, культурных факторов творчества: творчество как культурно-опосредованная деятельность ориентировано на символические ресурсы и инструменты, которые предоставляет культура для созидательной деятельности человека [16]. Исследования инновационного лидерства выявили, что социальная и персональная идентичность являются значимыми ресурсами субъектов творческой и инновационной деятельности, дифференцируют инноваторов и менеджеров [2; 7].

В исследованиях идентичности креативной личности прослеживаются общие тенденции изучения идентичности и обнаруживаются специфические аспекты. Исследования персональной, социальной и профессиональной идентичности субъектов акцентируют динамические, процессуальные аспекты, множественность структурных компонентов идентичности и направления их трансформации [1; 4; 11]. Изменения идентичности субъектов связываются с социокультурными условиями — интенсивностью изменений, неопределенностью, вариативностью ценностей, особенностями профессиональной дея-

тельности, спецификой взаимодействий в поликультурных сообществах [3; 5; 6; 11]. Исследования идентичности творца проводятся в русле изучения формирования множественной творческой идентичности, включающей социально-ролевые аспекты и обусловленной культурно-историческими контекстами [28]. Выявлены взаимосвязи «двойной идентичности» (социокультурной) и более высоких показателей креативности [29], а также специфика интеграции динамики взаимосвязанных ресурсов личности — креативного мышления, особенностей рефлексии креативной Я-концепции и оценки творческой самоэффективности [31]. Рассматривается взаимосвязь изменений идентичности и художественного стиля [44]. Обсуждается влияние на креативность социальной идентичности как соотношения себя с определенной специфической креативной группой, ее стилевым направлением [48]. Кросс-культурные исследования выявили длительную положительную динамику ценности самовыражения в культурах с высокими темпами инновационного развития [5], а также взаимосвязь повседневной креативности и социокультурной специфики ценностей [25].

Психологические исследования креативности фиксируют значимость изучения индивидуального своеобразия творческих потенциалов и творческих достижений, осуществление дифференциально-психологического подхода, выявление общего и специфического [18; 20; 26; 34; 38; 39; 42].

В контексте перспективы дифференциально-психологического исследования креативности актуально исследовать варианты интеграции компонентов творческого мышления и свойств личности; значимость для исследования представляют не только известные факторы

кreatивности, но и менее исследованные факторы рефлексии идентичности, связанной с профессиональной сферой творчества, и ценностные позиции субъектов в отношении культуры. Использование дифференциального психологического подхода позволит выявить варианты интеграции свойств креативного мышления и различных аспектов социокультурной идентичности и определить специфические ресурсы для творческих достижений в современных социальных и культурных контекстах.

Исследование направлено на дифференциацию испытуемых на типы в соответствии с различиями в факторах креативного мышления и выявление типологических вариантов интеграции свойств креативного мышления и различных компонентов социокультурной идентичности.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- изучить тенденции интегративных исследований креативности, включающих личностные и социокультурные характеристики, а также исследований идентичности творца;
- определить структуру обобщенных факторов креативного мышления у студентов;
- дифференцировать студентов на типы по уровню показателей обобщенных факторов креативного мышления и проверить точность полученной дифференциации с помощью дискриминантного анализа;
- провести сравнительный анализ структуры компонентов креативного мышления для каждого типа;
- выявить варианты интеграции свойств креативного мышления и компонентов социокультурной идентичности, характерные для каждого типа;
- выявить варианты интеграции свойств креативного мышления и цен-

ностных оснований социального восприятия, характерные для каждого типа.

Метод

Выборка исследования состояла из 162 студентов в возрасте от 18 до 22 лет ($M = 19,5$; 97 девушек, 65 юношей). Все студенты, принявшие участие в исследовании, обучаются в университете на специальностях социально-гуманитарного (психология, журналистика) или технического направления (энергетического, автотранспортного, архитектурно-строительного).

Методики исследования. Для диагностики компонентов креативного мышления использовалась фигурная форма теста креативного мышления Е.П. Торренса (Форма А). По результатам прохождения теста рассчитываются такие показатели творческого мышления, как оригинальность, беглость, гибкость, разработанность и абстрактность названия [8; 9; 12; 49].

Показатель *оригинальности* характеризует способность респондента генерировать уникальные идеи и основывается на статистической редкости ответа. Показатель *беглости* характеризует способность человека генерировать большое количество осмысленных идей, показатель *гибкости* — способность применять различные стратегии при решении проблем; уметь рассматривать информацию под различными углами зрения; показатель *разработанности* — способность к детальной проработке возникающих идей. Показатель *абстрактности* названия характеризует способность выделять главное, понимать суть проблемы; определяется в диапазоне от констатации класса объекта до абстрактных названий.

Для диагностики структуры социально-ролевой идентичности и ценностных оснований социального оценивания

субъектов использовалась авторская психосемантическая методика «Ролевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) В.Г. Грязевой-Добшинской, Н.Ю. Бакунчик, В.А. Глуховой, А.С. Мальцевой. Методика РОССТЛ основана на методе репертуарных решеток Дж. Келли [10].

Респонденты формировали «свою» команду, выбирая из 27 картинок с различными типами современных творческих людей, имеющих мифологических прототипов (Прометей, Орфей, Икар и других), 10 образов на следующие ролевые позиции: Я, социальные роли (руководители, заместители, увольняемые — мужчины и женщины), персональные роли (криэйторм, востребованный сотрудник, спасатель в кризисе).

Выбранные на 10 ролевых позиций образы оценивались по 12 биполярным конструктам, созданным респондентами из 72 фразеологизмов, выражавших позитивное или негативное отношение к одной из шести экзистенциальных ценностей: Труд, Познание, Любовь, Игра, Жизнь, Свобода. По каждой ценности фразеологизмы репрезентировали установки различных субъектов культуры: ориентированных на традиции или на актуальные социальные приоритеты, или на самовыражение индивидуальности личности (например, по ценности Познания: «век живи — век учись», «меньше знаешь — крепче спиши», «горе от ума», «идти нехожеными тропами»). Субъекты заполняли репертуарную решетку, где 10 элементов оцениваются по 12 биполярным конструктам, сформированным ими самостоятельно. Для обработки данных применялся факторный анализ без поворота репертуарных решеток [7; 10].

В исследовании использовались показатели социально-ролевой идентичности: четкость рефлексии своей со-

циально-ролевой идентичности (Я), рефлексия роли криэйтора (криэйторм) и востребованности в команде (востребованный сотрудник); показатели ценностных оснований социального оценивания: Познание, Игра, Свобода.

Показатели социально-ролевой идентичности рассчитывались на основе факторных нагрузок как показатели рейтинга (от 10 до 1) для каждой роли в факторе, в который входит Я субъекта. Показатели ценностных оснований социального оценивания рассчитывались как количество выбранных фразеологизмов в конструктах и относящихся к конкретной ценности. Отнесение фразеологизма к какой-либо ценности определено его содержанием.

Методика РОССТЛ валидизирована на выборках менеджеров, работающих в компаниях с разным уровнем инновационности [2; 7].

Результаты

1. Структура обобщенных факторов креативного мышления

На основе данных диагностики по тесту Торренса на всей выборке субъектов был рассчитан факторный анализ структуры креативного мышления (табл. 1). Показатель адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина и тест Бартлетта на сферичность составляют 0,719 и 371,415 ($p \leq 0,000$). Факторный анализ проводился с использованием Варимакс-вращения, методом главных компонент, ограничение числа факторов осуществлялось на основе собственных значений (больше 1).

В структуре креативного мышления по результатам теста Торренса выявлено два монополярных фактора. Первый фактор, образуемый показателями беглости, гибкости и оригинальности, назван «инновационным» фактором кре-

Таблица 1

Факторная структура креативного мышления

Обобщенные факторы	Показатели креативного мышления					% дисперсии
	Беглость	Гибкость	Оригинальность	Разработанность	Абстрактность названия	
Иновационный	0,95	0,93	0,87			52,9
Адаптационный				0,64	0,83	21,1

ативного мышления. Второй фактор, включающий показатели разработанности и абстрактности названия, определен как «адаптационный» фактор.

2. Дифференциация субъектов на типы по уровню показателей обобщенных факторов креативного мышления

На основании соотношения компонентов инновационного фактора (показатели беглости, гибкости и оригинальности) и адаптационного фактора (показатели разработанности и абстрактности) креативного мышления у субъектов дифференцированы 4 креативных типа:

- «Поисковый» тип (68 человек) с высоким уровнем показателей инновационного фактора и средним или низким уровнем показателей адаптационного фактора;
- «Адаптивный» тип (28 человек) с низким уровнем показателей инновационного фактора и высоким или средним уровнем показателей адаптационного фактора;
- «Высококреативный» тип (18 человек) с высоким уровнем показателей инновационного фактора и высоким уровнем показателей адаптационного фактора;
- «Низкокреативный» тип (36 человек), то есть с низким уровнем показателей как инновационного, так и адаптационного фактора.

Высокий уровень показателей инновационного фактора предполагает, что как минимум два показателя (беглость, гибкость, оригинальность) у испытуемого выше средних значений по выборке. Низкий уровень показателей инновационного фактора предполагает, что показатели беглости, гибкости и оригинальности у испытуемого ниже средних значений.

Высокий уровень показателей адаптационного фактора подразумевает, что показатели абстрактности названия и разработанности у испытуемого выше средних значений по выборке. Средний уровень показателей адаптационного фактора подразумевает, что один из показателей (абстрактность названия или разработанность) выше среднего, а один — ниже среднего значения. Низкий уровень показателей адаптационного фактора подразумевает, что показатели абстрактности названия и разработанности у испытуемого ниже средних значений по выборке.

12 человек не были отнесены ни к одному из представленных креативных типов, так как для них не выполняются заложенные в основании типологии соотношения уровней показателей инновационного и адаптационного факторов креативного мышления. Они исключ-

чены из дальнейшего анализа (как при расчете дискриминантного, так и факторного анализов).

Описательная статистика для всей выборки и групп субъектов, дифференцированных по соотношению инновационного и адаптационного факторов креативного мышления, представлена в табл. 2.

Точность дифференциации субъектов на креативные типы по соотношению инновационного и адаптационного факторов исследовалась с помощью дискриминантного анализа в двух вариантах: на

основе показателей креативного мышления и при их сочетании с компонентами социокультурной идентичности.

Дискриминантный анализ рассчитывался с помощью пошагового отбора переменных для выявления показателей, наиболее значимых для дифференциации субъектов. Коэффициенты стандартизованных дискриминативных функций (округленные до сотых) представлены в табл. 3 и 4.

Точность дифференциации субъектов на группы на основе использования

Описательные статистики показателей креативного мышления и социокультурной идентичности

Группы субъектов		Вся выборка		Поисковый		Адаптивный		Высококреативный		Низкокреативный		Нетипичные	
		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Всего человек		162		68		28		18		36		12	
Мужчин/женщин		65/97		31/37		11/17		6/12		12/24		5/7	
Показатель		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Тест креативного мышления Е.П. Торренса													
Инновационный	Беглость	23,7	6,8	28,8	4,2	17	4	28	5,3	17,7	4	22,3	3,6
	Гибкость	18,9	4,8	22,2	3,1	14,5	3,2	22,1	3,3	14,8	3,5	18,4	1,6
	Оригинальность	33,6	12,6	41,5	10	22,4	7,4	42,1	12	23,6	6,3	31,5	7,3
Адаптационный	Разработанность	87,9	41,6	83,5	38,4	103	39,7	130,6	48,6	59,3	20,3	98,3	32
	Абстрактность названия	5	4,1	4,3	3,3	6,8	4,7	9,7	3,8	2,4	1,8	5,6	5,1
Методика РОССТЛ													
Идентичность	Я	8,7	1,3	8,8	1,3	8,6	1	8,5	1,3	8,6	1,4	9,1	1,8
	Кризитор	5,1	2,7	4,9	2,5	4,2	2,7	5,4	3,1	5,6	2,8	5,9	2,4
	Востребованный	5,1	2,8	4,9	2,6	4,5	2,8	5,6	3	5,4	3	6,6	2,6
Ценностные основания	Познание	4,7	1,7	4,5	1,8	4,8	1,8	4,5	1,4	5,3	1,7	4,3	1,8
	Игра	3	1,5	3,3	1,7	2,7	1,3	3,4	1,4	2,7	1,4	2,8	1,8
	Свобода	4,9	1,9	4,8	1,8	5,2	2,3	5	2,1	5,1	1,9	4,8	1,5

Таблица 3

Вклады показателей креативного мышления в дифференциацию субъектов на группы

Показатели креативного мышления	Канонические дискриминативные функции		
	1	2	3
Беглость	0,59	0,05	-0,89
Гибкость	0,28	-0,18	0,18
Оригинальность	0,29	-0,18	0,99
Разработанность	0,02	0,76	-0,34
Абстрактность названия	0,13	0,81	0,22
% дисперсии	69,2	30,7	0,1

Примечание: жирным шрифтом выделены коэффициенты стандартизированных дискриминативных функций тех показателей, которые максимально различают группы.

Таблица 4

Вклады показателей креативного мышления и социокультурной идентичности в дифференциацию субъектов на группы

Показатели	Канонические дискриминативные функции		
	1	2	3
Показатели креативного мышления			
Беглость	0,59	0,05	-0,19
Гибкость	0,27	-0,18	0,06
Оригинальность	0,29	-0,16	0,15
Разработанность	0,02	0,74	0,09
Абстрактность названия	0,14	0,83	0,03
Показатели социокультурной идентичности			
Криэйторм	-0,03	-0,18	0,81
Востребованный сотрудник	-0,01	-0,17	0,71
% дисперсии	67,2	31,2	1,6

Примечание: жирным шрифтом выделены коэффициенты стандартизированных дискриминативных функций тех показателей, которые максимально различают группы.

показателей креативного мышления составила 82,7%. Из трех стандартизованных дискриминативных функций существенный вклад в дифференциацию субъектов вносят первые две функции, объясняющие 69,2% и 30,7% дисперсии. Первая дискриминативная функция является поисковой функцией и включает показатели инновационного фактора креативного мышления (беглость, гиб-

кость, оригинальность). Вторая функция является функцией адаптации, включает показатели адаптационного фактора креативного мышления (разработанность и абстрактность названия).

Точность дифференциации субъектов на группы на основе сочетания показателей креативного мышления и социокультурной идентичности является более высокой, чем при использовании только

показателей креативного мышления, и составляет 85,3%.

Из трех стандартизованных дискриминативных функций вклад в дифференциацию субъектов вносят три функции, объясняющие 67,2%, 31,2% и 1,6% дисперсии соответственно. Первая и вторая дискриминативные функции аналогичны дискриминативным функциям, полученным при использовании только показателей креативного мышления. Это поисковая функция и функция адаптации, включающие показатели, формирующие инновационный и адаптационный факторы креативного мышления. Третья функция является функцией социально-ролевой идентичности, включает показатели рефлексии роли криэйтора и вос требованности в команде.

3. Структура компонентов креативного мышления у субъектов, дифференцированных по соотношению обобщенных факторов

В группах субъектов, дифференцированных по соотношению инновационного и адаптационного факторов креативного мышления, была рассчитана факторная структура показателей креативного мышления (табл. 5).

Показатель адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина и тест сферичности Бартлетта для всех выявленных групп испытуемых находился в диапазоне 0,471 – 0,696 и 26,009 ($p \leq 0,005$) – 69,168 ($p \leq 0,001$) соответственно.

В структуре креативного мышления субъектов всех типов выявлен инновационный фактор креативно-

Таблица 5

Факторная структура креативного мышления в группах с разными типами соотношения обобщенных факторов

Фактор	Показатели креативного мышления					% дисперсии	
	Инновационный фактор			Адаптационный фактор			
	Беглость	Гибкость	Оригинальность	Разработанность	Абстрактность знания		
Поисковый тип							
1	0,81	0,76	0,75			37,6	
2				0,79	-0,74	24,1	
Адаптивный тип							
1	0,93	0,95	0,72			48,3	
2				0,72	-0,85	26,2	
Высококреативный тип							
1	0,88	0,85	0,86			47,1	
2					0,99	21,5	
3				0,97		19,9	
Низкокреативный тип							
1	0,92	0,92	0,76	0,45		51,9	
2				0,72	0,81	23,3	

го мышления. Это первый, наиболее сильный фактор, включающий показатели беглости, гибкости и оригинальности мышления. Структура адаптационного фактора креативного мышления специфична для каждой группы субъектов.

Для субъектов с **поисковым и адаптивным** типами креативного мышления второй, адаптационный, фактор является биполярным, включает разработанность и абстрактность названия, противопоставленные друг другу. У субъектов **высококреативного** типа показатели разработанности и абстрактности названия формируют два независимых адаптационных фактора. У **низкокреативных** субъектов разработанность входит в структуру двух факторов: инновационного фактора наряду с беглостью, гибкостью и оригинальностью и адаптационного фактора с показателем абстрактности названия.

4. Структура креативного мышления и социокультурной идентичности у субъектов, дифференцированных по соотношению обобщенных факторов

Для выявления вариантов интегративных структур в каждой группе субъектов, дифференцированных по соотношению инновационного и адаптационного факторов креативного мышления, была рассчитана факторная структура показателей креативного мышления и компонентов социокультурной идентичности — социально-ролевой идентичности (табл. 6) и ценностных оснований социального оценивания (табл. 7).

Креативное мышление и социально-ролевая идентичность

Для субъектов каждого типа выявлена специфика сочетания показателей креативного мышления и социально-ролевой идентичности (см. табл. 6).

Таблица 6

Факторная структура креативного мышления и социально-ролевой идентичности в группах с разными типами соотношения обобщенных факторов

Фактор	Показатели креативного мышления					Компоненты социально-ролевой идентичности			% дисперсии
	Инновационный фактор		Адаптационный фактор			Я	Криэйторм	Востребованый	
Беглость	Гибкость	Ориги- нальность	Разрабо- ттанность	Абстракт- ность названия					
Поисковый тип									
1	0,81	0,73	0,67			-0,52			25,3
2				-0,54	0,79			0,74	18,9
3			0,41	0,53			0,79		14,4
Адаптивный тип									
1	0,88	0,95	0,73						35,8
2				0,704			0,79	-0,73	18,9
3					0,72	0,78			16,2

Фактор	Показатели креативного мышления					Компоненты социально-ролевой идентичности			% дисперсии	
	Иновационный фактор			Адаптационный фактор						
	Беглость	Гибкость	Оригинальность	Разработанность	Абстрактность названия	Я	Криэйторм	Востребованый		
Высококреативный тип										
1	0,92	0,85	0,83						31,6	
2				-0,87		0,83	0,48		21,6	
3								0,90	16,9	
4					0,86		-0,53		12,7	
Низкокреативный тип										
1	0,93	0,92	0,72	0,52					33,7	
2						0,77			23,2	
3				0,59	0,83				13,5	

Интегративные структуры **креативной идентичности** (соотношение креативного мышления и социально-ролевой идентичности) субъектов каждого типа специфичны.

У субъектов поискового типа интегративная структура креативной идентичности включает: 1-й фактор – биполярный, на одном полюсе инновационный комплекс показателей беглости, гибкости и оригинальности, а на другом – показатель рефлексии социально-ролевой идентичности (**Я**); 2-й фактор – биполярный, адаптационный, его образуют разработанность против абстрактности названия, дополненной показателем рефлексии востребованности в команде; 3-й фактор – комплекс оригинальности и разработанности в сочетании с рефлексией роли криэйтора.

У субъектов адаптивного типа интегративная структура креативной идентичности включает: 1-й фактор – инновационный комплекс беглости, гибкости и оригинальности; 2-й фактор – биполярный, адаптационный, включает показатель разработанности в сочетании с рефлексией роли криэйтора против

рефлексии востребованности в команде; 3-й фактор – адаптационный, сочетающий абстрактность названия и рефлексию социально-ролевой идентичности (**Я**).

У субъектов высококреативного типа интегративная структура креативной идентичности является расширенной и представлена четырьмя группировками переменных: 1-й фактор – инновационный комплекс показателей беглости, гибкости и оригинальности; 2-й фактор – биполярный с показателями социально-ролевой идентичности (**Я**) и рефлексии роли криэйтора против показателя разработанности; 3-й фактор – адаптационный с показателем рефлексии востребованности в команде; 4-й фактор – биполярный, инновационный, с показателем рефлексии роли криэйтора против абстрактности названия.

У низкокреативных субъектов интегративная структура креативной идентичности включает: 1-й фактор – комплекс показателей беглости, гибкости и оригинальности дополнен показателем разработанности; 2-й фактор – биполярный, только с компонентами идентичности – социально-ролевой идентичности

(Я) и рефлексии роли криэйтора против рефлексии востребованности в команде; 3-й фактор – адаптационный, показатели разработанности и абстрактности названия дополнены рефлексией востребованности в команде.

Креативное мышление и ценностные основания социального оценивания

Для субъектов каждого типа также выявлена специфика интеграции показателей креативного мышления и ценност-

ных оснований социального оценивания (см. табл. 7).

Интегративные **креативно-ценостные** структуры субъектов каждого типа включают как общие, так и специфичные комплексы показателей.

У субъектов поискового и адаптивного типов интегративные структуры имеют два одинаковых комплекса (1-й и 3-й факторы): 1-й фактор – инновационный с показателями креативного мышления (беглость, гибкость, оригинальность); 3-й фактор – биполярный, адаптацион-

Таблица 7

Факторная структура креативного мышления и ценностных оснований социального восприятия в группах с разными типами соотношения обобщенных факторов

Фактор	Показатели креативного мышления					Ценностные основания			% дисперсии	
	Инновационный фактор			Адаптационный фактор						
	Беглость	Гибкость	Оригинальность	Разработанность	Абстрактность названия	Познание	Игра	Свобода		
Поисковый тип										
1	0,81	0,78	0,74						23,9	
2					0,47	0,69		-0,77	18,8	
3				-0,73	0,66		0,46		15,7	
Адаптивный тип										
1	0,89	0,92	0,78						31,9	
2						0,76	0,54	-0,78	21,7	
3				-0,65	0,75		0,64		16,3	
Высококреативный тип										
1	0,83	0,73	0,94						33,8	
2		0,49					-0,93	0,84	21,9	
3				0,83		0,83			18,1	
4					0,96				12,8	
Низкокреативный тип										
1	0,91	0,91	0,77	0,48					33,6	
2						0,80	0,50	-0,83	20,4	
3				0,70	0,79				14,8	

ный, с показателями абстрактности названия дополнен ценностью Игры против показателя разработанности. Специфичны комплексы 2-го фактора. **У субъектов поискового типа** 2-й фактор — биполярный, с показателями абстрактность названия и ценностью Познания против ценности Свободы. **У субъектов адаптивного типа** 2-й фактор — биполярный, состоит из ценностных оснований — Познание и Игра противопоставляются Свободе.

У субъектов высококреативного типа интегративная структура включает: 1-й фактор — инновационный фактор креативного мышления (беглость, гибкость, оригинальность); 2-й фактор — биполярный, инновационный, показатель креативного мышления (гибкость) с ценностью Свободы против ценности Игры; 3-й фактор формируют показатель креативного мышления (разработанность) и ценность Познания; 4-й фактор — адаптационный с показателем креативного мышления (абстрактность названия).

У низкокреативных субъектов интегративная структура включает: 1-й фактор — инновационный фактор креативного мышления, дополняется показателем адаптационного фактора (разработанностью); 2-й фактор — биполярный, только с ценностными основаниями — Познание и Игра против Свободы; 3-й фактор — адаптационный фактор креативного мышления (разработанность и абстрактность названия).

Обсуждение результатов

Выявленная структура креативного мышления, измеренного тестом Торренса, включает два обобщенных фактора — инновационный (с показателями беглости, гибкости и оригинальности) и адаптационный (с показателями разработанности и абстрактности названия). Наличие в структуре креативного мыш-

ления двух обобщенных факторов — инновационного и адаптационного — согласуется с результатами исследований двухфакторной структуры креативного мышления, измеренного тестом Торренса [35], а также с моделью «Two Tracks of Thought» (измерения тестом Урбана), включающей два фактора — «Innovativeness» (нестандартность идей) и «Adaptiveness» (адаптивность) [37].

На основании соотношения показателей инновационного и адаптационного факторов креативного мышления субъекты дифференцированы на четыре креативных типа: поисковый (с высокими показателями инновационного фактора), адаптивный (с высокими показателями адаптационного фактора), высококреативный (с высокими показателями по обоим факторам), низкокреативный (с низкими показателями по обоим факторам). Выявленные креативные типы соотносятся со стилями мышления в творческом процессе [39]: стили «Идейный вдохновитель», «Разработчик» и «Прояснитель» соответствуют поисковому и адаптивному типам в нашем исследовании.

Включение компонентов социокультурной идентичности повышает точность дифференциации субъектов на креативные типы. Значимыми являются как презентации роли кризитора (инновационный компонент), так и презентация характеристик, востребованных в командной работе (адаптационный компонент). Эти данные соотносятся с: социокультурной теорией творческой идентичности, включающей социально-ролевые компоненты, презентации творческой личности в социокультурном контексте [28]; результатами исследования о связи предпочтений в творческом процессе и в профессиональной деятельности [38].

Дифференциация субъектов на креативные типы позволила выявить инте-

гративные структуры как типологические варианты комплексов показателей креативного мышления и компонентов социокультурной идентичности.

Субъекты поискового типа характеризуются противопоставлением идентичности инновационному фактору креативного мышления, наиболее выраженному у них. Эти данные соотносятся с результатами исследований о диффузной идентичности и широком диапазоне поиска оснований идентичности у подростков с высокими показателями воображения [23].

Субъекты поискового типа характеризуются связью рефлексии роли криэйтора с оригинальностью и разработанностью идей, то есть объединением показателей инновационного и адаптивного факторов креативного мышления и креативной ролевой активности. При этом рефлексия востребованности в команде связывается с абстрактностью названий, создавая адаптационный комплекс. В контексте социокультурной теории творческой идентичности [28] можно обсуждать рефлексию субъектами поискового типа сложности сочетания творчества и соответствия социокультурным запросам.

Субъекты адаптивного типа характеризуются взаимосвязью социально-ролевой идентичности с показателем адаптационного фактора креативного мышления (абстрактностью названия), используют ресурс адаптации как основание для креативной идентичности. Эти данные согласуются с результатами исследований особенностей идентичности подростков с низким уровнем инновационных креативных способностей и высоким уровнем сложности разработок: мораторий на поиск оснований своей идентичности, опора в ее построении на имеющиеся способности [23].

Субъекты высококреативного типа включают роль криэйтора в социально-ролевую идентичность, противопостав-

ляя эти компоненты адаптационному фактору креативного мышления (проработке идей). Этот противоречивый вариант креативной идентичности показывает сложность адаптации творческого человека. Результаты соотносятся с феноменом «проблемной креативной идентичности» творцов [32].

Субъекты с низкими показателями креативного мышления характеризуются парадоксальной креативной идентичностью: связью идентичности с ролью криэйтора и рефлексией невостребованности в команде. Результаты соотносятся с данными исследований: у подростков с низким уровнем креативных способностей идентичность основана на соответствии ожиданиям значимых окружающих, а не на реальных способностях [19]; подросткам с низким уровнем креативных способностей внешние требования создают помехи в самопознании [23].

Дифференциация субъектов на креативные типы позволила выявить типологические варианты интегративных структур, включающих креативное мышление и ценностные основания социального оценивания. Связи показателей креативного мышления и ценностных оснований социального оценивания выявлены у субъектов поискового, адаптивного и высококреативного типов, но отсутствуют у субъектов с низкой креативностью.

Субъекты поискового и адаптивного типов характеризуются взаимосвязями компонентов только адаптационного фактора креативного мышления с ценностными основаниями. У субъектов поискового типа абстрактность названий как адаптивное владение контекстами связана с ценностными основаниями Познание и Игра и противопоставлена Свободе. Для субъектов адаптивного типа абстрактность названия связана с Играй, что показывает эффект резонирования когнитивных

и ценностных компонентов адаптивной креативности. Только для субъектов высококреативного типа характерны связи показателей инновационного и адаптационного факторов креативного мышления с ценностными основаниями: разработанности идей с Познанием, гибкости со Свободой. Эти данные соотносятся с данными о связи глобальной креативности с ценностью открытости к изменениям [25].

Выводы

1. Выявлены креативные типы, дифференцированные на основании соотношения инновационного и адаптационного факторов креативного мышления: поисковый, адаптивный, высококреативный, низкокреативный. Точность дифференциации креативных типов повышается при интеграции компонентов креативного мышления и социокультурной идентичности.

2. Интегративные структуры креативности выявленных типов субъектов специфичны. Наиболее сложная структура креативности у высококреативных субъектов, включающая компоненты креативного мышления, социально-ролевой идентичности и экзистенциальных ценностей, что может рассматриваться как ресурсы инновационной активности и адаптации в культуре.

3. Специфичные структуры креативной идентичности поискового и адаптивного типов субъектов показывают ресурсные ограничения. У субъектов поискового типа наиболее сильный инновационный комплекс креативного мышления не связан с компонентами социокультурной идентичности, что может быть ресурсом неперсонализированного творчества. У субъектов адаптивного типа в интегративной структуре креативности резонируют адаптивные компоненты креативного мышления и социокультурной идентичности, что

показывает максимизацию ресурсов адаптивной креативности. Парадоксальное противоречие креативной идентичности и креативного мышления у субъектов низкокреативного типа показывает вероятность конфликтного развития субъектов в творческой деятельности.

Заключение

На основании исследования обобщенных факторов креативного мышления и разнообразия социокультурной идентичности была осуществлена дифференциация субъектов на типы в соответствии с различиями в факторной структуре креативного мышления и выявлены типологические варианты интеграции свойств креативного мышления и различных компонентов социокультурной идентичности.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в программах развития креативного мышления у субъектов различных образовательных и коммерческих организаций, для повышения эффективности отбора и обучения благодаря внедрению дифференциального психологического подхода к определению специфических ресурсов для творческих достижений у субъектов разных креативных типов в современных социальных и культурных контекстах.

Ограничения исследования связаны с объемом выборки респондентов, принявших участие в исследовании, и также с используемым диагностическим инструментарием. Первым, основным ограничением исследования является размер выборки (162 человека), что сказывается на статистической мощности полученных расчетов дискриминантного и факторного анализов. Вторым ограничением является тот факт, что выборку исследования составляют студенты университета, что обуславливает ее возрастную и профессиональную специфику. Третьим

ограничением данного исследования является то, что студенты, включенные в выборку, проживают и обучаются в различных городах Уральского региона, что дает специфику выявленного разнообразия социокультурной идентичности. Четвертое ограничение связано с инструментарием диагностики креативного мышления, а именно – использованием фигурной формы теста Торренса.

Перспективным является продолжение исследования и расширение типологического подхода к креативным ресурсам на основе обобщенных факторов креативного

мышления и разнообразия социальной идентичности, которое возможно благодаря численному увеличению как выборки в целом, так и групп субъектов каждого типа. В дальнейшем возможно расширение выборки также за счет включения субъектов более старшего возраста и различного профессионального статуса, что позволит провести сравнительный анализ групп респондентов разного возраста и разных направлений подготовки (специальностей), экстраполировать результаты типологизации субъектов по универсальным фактограммам креативного мышления.

Литература

1. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.10
2. Глухов П.С., Грязева-Добшинская В.Г. Управленческие ориентации в отношении персонала и ценностно-смысловая оценка сотрудников менеджерами производственных предприятий // Психология. Психофизиология. 2018. Т. 11. № 4. С. 5–11.
3. Гудзовская А.А., Добрынина Е.И., Мышкина М.С. Социальная идентичность как контекст креативности в ситуации фрустрации [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 193–210. DOI:10.17759/sps.2023140212
4. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009. 454 с.
5. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяется человеческая мотивация и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 334 с.
6. Леонтьева А.А. Бикультурная идентичность через призму разных метафор // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 378–392.
7. Личные ресурсы и барьеры инновационного лидерства менеджеров: структурные аспекты мотивации, стиля лидерства, социальной идентичности [Электронный ресурс] / В.Г. Грязева-Добшинская [и др.] // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 9–28. DOI:10.17323/2312-5942-2023-13-3-9-28
8. Матвеева Л.Г., Маркина Н.В. Миннесотские тесты творческого мышления. Челябинск: Психрон, 2004.
9. Матошкин А.М. Фигурная форма А теста творческого мышления Э. Торренса, адаптированного сотрудниками Общесоюзного центра «Творческая одаренность» НИИ ОПП АПН СССР. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1990. 329 с.
10. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности / В.Г. Грязева-Добшинская [и др.] // Психология. Психофизиология. 2008. Т. 3. № 33. С. 33–45.
11. Сидоренков А.В., Штробо В.А., Штильников Д.Е. Проявление уровней и компонентов идентичности работников в организации // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 2. С. 35–57.
12. Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб.: Иматон, 2006. 174 с.
13. Ушаков Д.В. Творчество как источник общественного прогресса. Творчество – общесистемный взгляд // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИПРАН, 2011. С. 13–32.

14. Шумакова Н.Б. Творческий потенциал и его измерение в современных зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 8–16. DOI:10.17759/jmpf.2021100401
15. Adair W.L., Xiong T.X. How Chinese and Caucasian Canadians conceptualize creativity: the mediating role of uncertainty avoidance // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. № 2. P. 223–238. DOI:10.1177/0022022117713153
16. Advancing creativity theory and research: A socio cultural manifesto / V.P. Glăveanu, M. Hanchett Hanson, J. Baer, B. Barbot, E.P. Clapp, G.E. Corazza, B. Hennessey, J.C. Kaufman, I. Lebuda, T. Lubart, A. Montuori, I.J. Ness, J. Plucker, R. Reiter-Palmon, Z. Sierra, D.K. Simonton, M.S. Neves-Pereira, R.J. Sternberg // The Journal of Creative Behavior. 2020. Vol. 54. № 3. P. 741–745. DOI:10.1002/jocb.395
17. Amabile T.M. Creativity in context. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 336 p.
18. Baer J., Kaufman J.C. Bridging generality and specificity: The amusement park theoretical (APT) model of creativity // Roeper Review. 2005. Vol. 27. № 3. P. 158–163. DOI:10.1080/02783190509554310
19. Barbot B., Heuser B. Creativity and identity formation in adolescence: A developmental perspective // In: Karwowski M. (ed.). The Creative Self: Effect of Beliefs, Self-Efficacy, Mindset, and Identity. Academic Press, 2017. P. 87–98.
20. Barbot B., Besancon M., Lubart T. The generality-specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC // Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 52. P. 178–187. DOI:10.1016/j.lindif.2016.06.005
21. Cabra J.F., Guerrero C.D. Regional creativity: Cultural and socio-economic differences [Electronic resource] // Journal of Creativity. 2022. Vol. 32. № 2. Article 100022. DOI:10.1016/j.jyc.2022.100022
22. Corazza G.E., Glăveanu V.P. Potential in Creativity: Individual, Social, Material Perspectives, and a Dynamic Integrative Framework // Creativity Research Journal. 2020. Vol. 32. № 1. P. 81–91. DOI:10.1080/10400419.2020.1712161
23. Creativity as identity skill? Late adolescents' management of identity, complexity and risk-taking / L.S. Sica, et al. // The Journal of Creative Behavior. 2019. Vol. 53. № 4. P. 457–471. DOI:10.1002/jocb.221
24. Discussing creativity from a cultural psychological perspective / A. Gillespie, et al. // In: Rethinking Creativity. Routledge, 2014. P. 125–141. DOI:10.4324/9781315866949
25. Domains of everyday creativity and personal values [Electronic resource] / N. Lebedeva, et al. // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 9. Article 2681. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02681
26. Fürst G., Lubart T. An integrative approach to the creative personality: Beyond the big five paradigm // In: Feist G.J. (ed.). The Cambridge Handbook of Creativity and Personality Research. Cambridge University Press, 2017. P. 140–164. DOI:10.1017/9781316228036.009
27. Fürst G., Ghisletta P., Lubart T. Toward an integrative model of creativity and personality: Theoretical suggestions and preliminary empirical testing // The Journal of Creative Behavior. 2016. Vol. 50. № 2. P. 87–108. DOI:10.1002/jocb.71
28. Glăveanu V.P., Tanggaard L. Creativity, identity, and representation: Towards a socio-cultural theory of creative identity // New Ideas in Psychology. 2014. Vol. 34. P. 12–21. DOI:10.1016/j.newideapsych.2014.02.002
29. Gocłowska M.A., Crisp R.J. How Dual-Identity Processes Foster Creativity // Review of General Psychology. 2014. Vol. 18. № 3. P. 216–236. DOI:10.1037/gpr0000008
30. Karwowski M. Culture and Psychometric Studies of Creativity // In: Glăveanu V.P. (ed.). The Palgrave Handbook of Creativity and Culture Research. London: Palgrave Macmillan, 2016.
31. Karwowski M. The dynamics of creative self-concept: Changes and reciprocal relations between creative self-efficacy and creative personal identity // Creativity Research Journal. 2016. Vol. 28. № 1. P. 99–104. DOI:10.1080/10400419.2016.1125254

32. *Kim K.H.* Can we trust creativity tests? A review of the Torrance Tests of Creative Thinking (TTCT) // *Creativity Research Journal*. 2006. Vol. 18. № 1. P. 3–14. DOI:10.1207/s15326934crj1801_2
33. *Kim K.H., Pierce R.A.* Adaptive Creativity and Innovative Creativity // In: Carayannis E.G. (Ed.). *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship*. New York: Springer, 2013. P. 35–40.
34. *Kroeger O., Goldstein D.B.* *Creative You. Using Your Personality Type to Thrive*. New York: Atria Paperback; Hillsboro, Oregon: Beyond Words, 2013. 320 p.
35. *Krumm G., Lemos V., Filippetti V.A.* Factor structure of the Torrance Tests of Creative Thinking Figural Form B in Spanish-speaking children: Measurement invariance across gender // *Creativity Research Journal*. 2014. Vol. 26. № 1. P. 72–81. DOI:10.1080/10400419.2013.843908
36. *Krumm G., Lemos V., Richaud M.C.* Personalidad y Creatividad: Un estudio en niños de habla hispana // *International Journal of Psychological Research*. 2018. Vol. 11. № 1. P. 33–41. DOI:10.21500/20112084.2867
37. *Nogueira S.I., Almeida L.S., Lima T.S.* Two Tracks of Thought: A Structural Model of the Test for Creative Thinking-Drawing Production (TCT-DP) // *Creativity Research Journal*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 206–211. DOI:10.1080/10400419.2017.1303312
38. *Puccio G.J., Miller B., Acar S.* Differences in creative problem-solving preferences across occupations // *The Journal of Creative Behavior*. 2019. Vol. 53. № 4. P. 576–592.
39. *Puccio G.J., Grivas C.* Examining the relationship between personality traits and creativity styles // *Creativity and Innovation Management*. 2009. Vol. 18. P. 247–255. DOI:10.1111/j.1467-8691.2009.00535.x
40. *Puryear J.S., Kettler T., Rinn A.N.* Relationships of personality to differential conceptions of creativity: A systematic review // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2017. Vol. 11. № 1. P. 59–68. DOI:10.1037/aca0000079
41. Relationship between creativity, personality and entrepreneurship: An exploratory study / H.M. Campos, et al. // *International Business Research*. 2015. Vol. 8. № 8. P. 59–71. DOI:10.5539/ibr.v8n8p59
42. *Simonton D.K.* Individual differences, developmental changes, and social context // *Behavioral and Brain Sciences*. 1994. Vol. 17. P. 552–553. DOI:10.1017/S0140525X00035925
43. *Simonton D.K.* Creativity: Cognitive, developmental, personal, and social aspects // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. № 1. P. 151–158. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.151
44. *Spitz E.H.* *Art and Psyche. A Study in Psychoanalysis and Aesthetics*. N.Y.-L.: Yale University Press, 1985. 203 p.
45. *Sternberg R.J., Lubart T.I.* An investment theory of creativity and its development // *Human Development*. 1991. Vol. 34. P. 1–32. DOI:10.1159/000277029
46. *Sung S.Y., Choi J.N.* Do big five personality factors affect individual creativity? The moderating role of extrinsic motivation // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2009. Vol. 37. № 7. P. 941–956. DOI:10.2224/sbp.2009.37.7.941
47. *Taylor C.L., Kaufman J.C.* The creative trait motivation scales [Electronic resource] // *Thinking Skills and Creativity*. 2021. Vol. 39. Article 100763. DOI:10.1016/j.tsc.2020.100763
48. The collective origins of valued originality: A social identity approach to creativity / S.A. Haslam, et al. // *Personality and Social Psychology Review*. 2013. Vol. 17. № 4. P. 384–401. DOI:10.1177/1088868313498001
49. *Torrance E.P.* *The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B*. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 2008. 95 p.
50. *Urban M., Urban K.* Orientation toward intrinsic motivation mediates the relationship between metacognition and creativity // *The Journal of Creative Behavior*. 2023. Vol. 57. № 1. P. 6–16. DOI:10.1002/jocb.558
51. *Xie G., Paik Y.* Cultural differences in creativity and innovation: Are Asian employees truly less creative than Western employees? // *Asia Pacific Business Review*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 123–147. DOI:10.1080/13602381.2018.1535380

References

1. Belinskaya E.P. Sovremennye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoi opredelennosti k protsessual'nosti i nezavershennosti [Modern identity research: from structural certainty to processuality and incompleteness]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psichologiya i pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and Pedagogy, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.10 (In Russ.).
2. Glukhov P.S., Gryazeva-Dobshinskaya V.G. Upravlencheskie orientatsii v otnoshenii personala i tsennostno-smyslovaya otsenka sotrudnikov menedzherami proizvodstvennykh predpriyatiy [Managerial orientations in relation to staff and value-semantic evaluation of employees by managers of manufacturing enterprises]. Psichologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology, 2018. Vol. 11, no. 4, pp. 5–11. (In Russ.).
3. Gudzovskaya A.A., Dobrynina E.I., Myshkina M.S. Social Identity as a Context of Creativity in Situation of Frustration [Elektronnyi resurs]. Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 193–210. DOI:10.17759/sps.2023140212 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Ivanova N.L., Rumyantseva T.V. Sotsial'naya identichnost': teoriya i praktika [Social identity: theory and practice]. Moscow: Izdatel'stvo SGU, 2009. 454 p. (In Russ.).
5. Inglehart R. Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyaetsya chelovecheskaya motivatsiya i kak eto menyaet mir [Cultural evolution: How human motivation changes and how it changes the world]. Moscow: Mysl', 2018. 334 p. (In Russ.).
6. Leont'eva A.A. Bikul'turnaya identichnost' cherez prizmu raznykh metafor [Bicultural identity through the prism of different metaphors]. In Asmolov A.G. (ed.). Mobilis in mobile: lichnost' v epokhu peremen [Mobilis in mobile: Personality in the era of change]. Moscow: Izdatel'skii Dom YASK, 2019, pp. 378–392. (In Russ.).
7. Gryazeva-Dobshinskaya V.G. [i dr.] Personal resources and barriers to innovative leadership of managers: structural aspects of motivation, leadership style, social identity [Elektronnyi resurs]. Organizatsionnaya Psichologiya = Organizational Psychology, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 9–28. DOI:10.17323/2312-5942-2023-13-3-9-28 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Matveeva L.G., Markina N.V. Minnesotskie testy tvorcheskogo myshleniya [The Minnesota Tests of Creative Thinking]. Chelyabinsk: Psikhron, 2004. (In Russ.).
9. Matyushkin A.M. (ed.). Figurnaya forma A testa tvorcheskogo myshleniya E. Torransa, adaptirovannogo sotrudnikami Obshchesoyuznogo tsentra «Tvorcheskaya odarennost'» NII OPP APN SSSR [Figure A of the P. Torrance Creative Thinking Test, adapted by the staff of the All-Union Center “Creative Giftedness” of the Research Institute of General and Pedagogical Psychology of the USSR Academy of Pedagogical Sciences]. Moscow: NII OPP APN SSSR, 1990. 329 p. (In Russ.).
10. Gryazeva-Dobshinskaya V.G. [i dr.] Metodika diagnostiki otnosheniya sotsial'nykh sub'ektorov k tvorcheskoi lichnosti [Methodology for diagnosing the attitude of social subjects towards a creative personality]. Psichologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology, 2008. Vol. 3, no. 33, pp. 33–45. (In Russ.).
11. Sidorenkov A.V., Shtroh W.A., Shtilnikov D.E. The levels and components of employee identity in the organization. Organizatsionnaya psichologiya = Organizational Psychology, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–57. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Tunik E.E. Diagnostika kreativnosti. Test E. Torrensa [Creativity diagnostics. Torrance Test]. Saint Petersburg: Imaton, 2006. 174 p. (In Russ.).
13. Ushakov D.V. Tvorchestvo kak istochnik obshchestvennogo progressa. Tvorchestvo – obshchesistemnyi vzglyad [Creativity as a source of social progress. Creativity – a system-wide view]. In: Ushakov D.V. (ed.). Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanii k sotsial'nym i kul'turnym fenomenam [Creativity: From biological foundations to social and cultural phenomena]. Moscow: Publ. IPRAN, 2011, pp. 13–32. (In Russ.).

14. Shumakova N.B. Creativity and its Assessment in Contemporary Foreign Studies [Elektronnyi resurs]. Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya = Modern Foreign Psychology, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 8–16. DOI:10.17759/jmpf.2021100401 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Adair W.L., Xiong T.X. How Chinese and Caucasian Canadians conceptualize creativity: the mediating role of uncertainty avoidance. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018. Vol. 49, no. 2, pp. 223–238. DOI:10.1177/0022022117713153
16. Glăveanu V.P., Hanchett Hanson M., Baer J., Barbot B., Clapp E.P., Corazza G.E., Hennessey B., Kaufman J.C., Lebuda I., Lubart T., Montuori A., Ness I.J., Plucker J., Reiter-Palmon R., Sierra Z., Simonton D.K., Neves-Pereira M.S., Sternberg R.J. Advancing creativity theory and research: A socio-cultural manifesto. *The Journal of Creative Behavior*, 2020. Vol. 54, no. 3, pp. 741–745. DOI:10.1002/jocb.395
17. Amabile T.M. Creativity in context. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 336 p.
18. Baer J., Kaufman J.C. Bridging generality and specificity: The amusement park theoretical (APT) model of creativity. *Roepers Review*, 2005. Vol. 27, no. 3, pp. 158–163. DOI:10.1080/02783190509554310
19. Barbot B., Heuser B. Creativity and identity formation in adolescence: A developmental perspective. In: Karwowski M. (ed.). *The Creative Self: Effect of Beliefs, Self-Efficacy, Mindset, and Identity*. Academic Press, 2017, pp. 87–98.
20. Barbot B., Besancon M., Lubart T. The generality-specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC. *Learning and Individual Differences*, 2016. Vol. 52, pp. 178–187. DOI:10.1016/j.lindif.2016.06.005
21. Cabra J.F., Guerrero C.D. Regional creativity: Cultural and socio-economic differences [Electronic resource]. *Journal of Creativity*, 2022. Vol. 32, no. 2, Article 100022. DOI:10.1016/j.jyc.2022.100022
22. Corazza G.E., Glăveanu V.P. Potential in Creativity: Individual, Social, Material Perspectives, and a Dynamic Integrative Framework. *Creativity Research Journal*, 2020. Vol. 32, no. 1, pp. 81–91. DOI:10.1080/10400419.2020.1712161
23. Sica L.S., et al. Creativity as identity skill? Late adolescents' management of identity, complexity and risk-taking. *The Journal of Creative Behavior*, 2019. Vol. 53, no. 4, pp. 457–471. DOI:10.1002/jocb.221
24. Gillespie A., et al. Discussing creativity from a cultural psychological perspective. In: *Rethinking Creativity*. Routledge, 2014, pp. 125–141. DOI:10.4324/9781315866949
25. Lebedeva N., et al. Domains of everyday creativity and personal values [Electronic resource]. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 9, Article 2681. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02681
26. Fürst G., Lubart T. An integrative approach to the creative personality: Beyond the big five paradigm. In: Feist G.J. (ed.). *The Cambridge Handbook of Creativity and Personality Research*. Cambridge University Press, 2017, pp. 140–164. DOI:10.1017/9781316228036.009
27. Fürst G., Ghisletta P., Lubart T. Toward an integrative model of creativity and personality: Theoretical suggestions and preliminary empirical testing. *The Journal of Creative Behavior*, 2016. Vol. 50, no. 2, pp. 87–108. DOI:10.1002/jocb.71
28. Glăveanu V.P., Tanggaard L. Creativity, identity, and representation: Towards a socio-cultural theory of creative identity. *New Ideas in Psychology*, 2014. Vol. 34, pp. 12–21. DOI:10.1016/j.newideapsych.2014.02.002
29. Gocłowska M.A., Crisp R.J. How Dual-Identity Processes Foster Creativity. *Review of General Psychology*, 2014. Vol. 18, no. 3, pp. 216–236. DOI:10.1037/gpr0000008
30. Karwowski M. Culture and Psychometric Studies of Creativity. In: Glăveanu V.P. (ed.). *The Palgrave Handbook of Creativity and Culture Research*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
31. Karwowski M. The dynamics of creative self-concept: Changes and reciprocal relations between creative self-efficacy and creative personal identity. *Creativity Research Journal*, 2016. Vol. 28, no. 1, pp. 99–104. DOI:10.1080/10400419.2016.1125254

32. Kim K.H. Can we trust creativity tests? A review of the Torrance Tests of Creative Thinking (TTCT). *Creativity Research Journal*, 2006. Vol. 18, no. 1, pp. 3–14. DOI:10.1207/s15326934crj1801_2
33. Kim K.H., Pierce R.A. Adaptive Creativity and Innovative Creativity. In: Carayannis E.G. (ed.). *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship*. New York: Springer, 2013, pp. 35–40.
34. Kroeger O., Goldstein D.B. *Creative You: Using Your Personality Type to Thrive*. New York: Atria Paperback; Hillsboro, Oregon: Beyond Words, 2013. 320 p.
35. Krumm G., Lemos V., Filippetti V.A. Factor structure of the Torrance Tests of Creative Thinking Figural Form B in Spanish-speaking children: Measurement invariance across gender. *Creativity Research Journal*, 2014. Vol. 26, no. 1, pp. 72–81. DOI:10.1080/10400419.2013.843908
36. Krumm G., Lemos V., Richaud M.C. Personalidad y creatividad: Un estudio en niños de habla hispana. *International Journal of Psychological Research*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 33–41. DOI:10.21500/20112084.2867
37. Nogueira S.I., Almeida L.S., Lima T.S. Two Tracks of Thought: A Structural Model of the Test for Creative Thinking-Drawing Production (TCT-DP). *Creativity Research Journal*, 2017. Vol. 29, no. 2, pp. 206–211. DOI:10.1080/10400419.2017.1303312
38. Puccio G.J., Miller B., Acar S. Differences in creative problem-solving preferences across occupations. *The Journal of Creative Behavior*, 2019. Vol. 53, no. 4, pp. 576–592.
39. Puccio G.J., Grivas C. Examining the relationship between personality traits and creativity styles. *Creativity and Innovation Management*, 2009. Vol. 18, pp. 247–255. DOI:10.1111/j.1467-8691.2009.00535.x
40. Puryear J.S., Kettler T., Rinn A.N. Relationships of personality to differential conceptions of creativity: A systematic review. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2017. Vol. 11, no. 1, pp. 59–68. DOI:10.1037/aca0000079
41. Campos H.M., et al. Relationship between creativity, personality and entrepreneurship: An exploratory study. *International Business Research*, 2015. Vol. 8, no. 8, pp. 59–71. DOI:10.5539/ibr.v8n8p59
42. Simonton D.K. Individual differences, developmental changes, and social context. *Behavioral and Brain Sciences*, 1994. Vol. 17, pp. 552–553. DOI:10.1017/S0140525X00035925
43. Simonton D.K. Creativity: Cognitive, developmental, personal, and social aspects. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, no. 1, pp. 151–158. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.151
44. Spitz E.H. *Art and Psyche. A Study in Psychoanalysis and Aesthetics*. N.Y.-L.: Yale University Press, 1985. 203 p.
45. Sternberg R.J., Lubart T.I. An investment theory of creativity and its development. *Human Development*, 1991. Vol. 34, pp. 1–32. DOI:10.1159/000277029
46. Sung S.Y., Choi J.N. Do big five personality factors affect individual creativity? The moderating role of extrinsic motivation. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2009. Vol. 37, no. 7, pp. 941–956. DOI:10.2224/sbp.2009.37.7.941
47. Taylor C.L., Kaufman J.C. The creative trait motivation scales [Electronic resource]. *Thinking Skills and Creativity*, 2021. Vol. 39, Article 100763. DOI:10.1016/j.tsc.2020.100763
48. Haslam S.A., et al. The collective origins of valued originality: A social identity approach to creativity. *Personality and Social Psychology Review*, 2013. Vol. 17, no. 4, pp. 384–401. DOI:10.1177/1088868313498001
49. Torrance E.P. The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 2008. 95 p.
50. Urban M., Urban K. Orientation toward intrinsic motivation mediates the relationship between metacognition and creativity. *The Journal of Creative Behavior*, 2023. Vol. 57, no. 1, pp. 6–16. DOI:10.1002/jocb.558
51. Xie G., Paik Y. Cultural differences in creativity and innovation: Are Asian employees truly less creative than Western employees? *Asia Pacific Business Review*, 2018. Vol. 25, no. 1, pp. 123–147. DOI:10.1080/13602381.2018.1535380

Информация об авторах

Грязева-Добшинская Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией «Психология и психофизиология стрессоустойчивости и креативности», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9986-4073>, e-mail: vdobshinya@mail.ru

Коробова Светлана Юрьевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории «Психология и психофизиология стрессоустойчивости и креативности», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-7231>, e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru

Дмитриева Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология управления и служебной деятельности», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0331-4684>, e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru

Глухова Вера Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Психология и психофизиология стрессоустойчивости и креативности», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: gluhova-vera@mail.ru

Колтунов Евгений Иванович, научный сотрудник лаборатории «Психология и психофизиология стрессоустойчивости и креативности», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4836-7859>, e-mail: aspiratingle@gmail.com

Information about the authors

Vera G. Gryazeva-Dobshinskaya, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the laboratory, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9986-4073>, e-mail: vdobshinya@mail.ru

Svetlana Yu. Korobova, PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-7231>, e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru

Yulia A. Dmitrieva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology of Management and Performance, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0331-4684>, e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru

Vera A. Glukhova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: gluhova-vera@mail.ru

Evgenii I. Koltunov, Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4836-7859>, e-mail: aspiratingle@gmail.com

Получена 01.10.2024

Received 01.10.2024

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

Автономный политический климат и отношение к политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические взгляды

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Чернов Д.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dnchernov@hse.ru

Цель. Анализ связи между политической самоэффективностью (воспринимаемым автономным политическим климатом) и отношением к политической системе в России.

Контекст и актуальность. Теория самодетерминации утверждает, что человек выражает более позитивное отношение к людям, которые создают автономный климат, чем к тем, кто создает контролирующий климат. Некоторые исследования, проведенные в демократических политических режимах, показали, что политическая самоэффективность — показатель воспринимаемого автономного политического климата — позитивно связана с отношением к политической системе. Однако возникает вопрос: насколько позитивная связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе сохраняется в странах с авторитарными политическими режимами, а также у людей с разными социально-демографическими и психологическими характеристиками?

Дизайн исследования. Респонденты принимали участие в онлайн-опросе, который проводился на платформе YandexToloka (замеры 1, 3, 5) и в социальных сетях (замеры 2, 4, 6). В ходе исследования было проведено шесть замеров: первый и второй замеры проводились в мае-июне; третий и четвертый замеры — в августе-сентябре; пятый и шестой замеры — в ноябре-декабре 2022 года.

Участники. 16656 жителей России ($N_1 = 2767$, $N_2 = 2580$, $N_3 = 3193$, $N_4 = 2482$, $N_5 = 3234$, $N_6 = 2400$). Данные были собраны весной-осенью 2022 года.

Методы (инструменты). Участники заполняли методики для измерения личной и коллективной политической самоэффективности, эмоционального и когнитивного отношения к политической системе, а также ряда психологических (политического интереса, внутренней политической самоэффективности, психологического благополучия, обобщенного доверия, национальной идентификации) и социально-демографических (пол, возраст, образование, доход) контрольных переменных.

Результаты. Исследование показало, что как личная, так и коллективная политическая самоэффективность (воспринимаемый автономный политический климат) были позитивно связаны с когнитивным и эмоциональным отношением к политической системе. Кроме того, результаты, полученные на YandexToloka, продемонстрировали, что связь личной политической самоэффективности с отношением к политической системе была сильнее выражена у людей, которые больше интересовались политикой и считали себя более осведомленными в этой сфере.

Связь коллективной политической самоэффективности с отношением к политической системе была сильнее выражена у людей с более высоким психологическим благополучием и более сильной национальной идентификацией. Однако во всех выборках было обнаружено, что позитивная связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе сохранилась после контроля социально-демографических и психологических переменных.

Основные выводы. Автономный политический климат — это важный фактор, предсказывающий когнитивное и эмоциональное отношение россиян к политической системе. Он играет важную роль в суждениях людей, принадлежащих к разным социально-демографическим группам и обладающих разными психологическими особенностями. Особенно большое значение ему придают люди, включенные в политическую жизнь, с высоким уровнем психологического благополучия и национальной идентификации. Таким образом, создание автономного политического климата, который позволяет людям выражать свои взгляды на общественные проблемы и влиять на политические решения, улучшает их отношение к существующей в стране политической системе, в том числе федеральным политическим институтам.

Ключевые слова: политическая самоэффективность; отношение к политической системе; оправдание системы; политическое доверие; психологическое благополучие; обобщенное доверие; национальная идентификация; теория самодетерминации.

Для цитаты: Гулевич О.А., Чернов Д.Н. Автономный политический климат и отношение к политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические взгляды // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160103>

Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes to the Political System in Russia: How Does Self-Determination Theory Help in Understanding Political Attitudes

Olga A. Gulevich

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Daniil N. Chernov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dnchernov@hse.ru

Objective. In this study, we analyzed the relationship between political efficacy (autonomy-supportive political climate) and attitudes to the political system in Russia.

Background. Self-determination theory posits that individuals express more positive attitudes toward those who create an autonomy-supportive climate than toward those who create a controlling climate. Some studies conducted in democratic political regimes have shown that political efficacy, as an indicator of perceived autonomous climate, is positively associated with attitudes towards the political system. However, the question arises: to what extent does the positive relationship between political efficacy and attitudes toward the political system persist in countries with authoritarian political systems, as well as among individuals with different socio-demographic and psychological characteristics?

Study design. Respondents participated in an online survey conducted on the YandexToloka platform (samples 1, 3, 5) and on social media platforms (samples 2, 4, 6). The study involved six samples: the first and second samples were collected in May-June; the third and fourth samples were collected in August-September; the fifth and sixth samples were collected in November-December 2022.

Participants. 16656 Russian citizens took part in this study ($N_1 = 2767$, $N_2 = 2580$, $N_3 = 3193$, $N_4 = 2482$, $N_5 = 3234$, $N_6 = 2400$). The data was collected in the spring-autumn of 2022.

Measurements. Participants completed questionnaires that measure personal and collective political efficacy (perceived autonomy-supportive political climate), cognitive and emotional attitude towards the political system, as well as a range of psychological (political interest, internal political efficacy, psychological well-being, generalized trust, national identification) and socio-demographic (gender, age, education, income) control variables.

Results. The study reveals that both personal political efficacy and collective political efficacy (perceived autonomy-supportive political climate) were positively associated with political trust and system justification. Results from YandexToloka demonstrate that the link between personal political efficacy and attitudes towards the political system is stronger among individuals who are more interested in politics and consider themselves more informed in this area. The association between collective political efficacy and attitudes towards the political system is stronger among individuals with higher psychological well-being and stronger national identification. However, in all samples, it is found that the positive link between political efficacy and attitudes towards the political system holds after controlling for psychological and socio-demographic variables.

Conclusions. The perceived autonomy-supportive political climate is an important factor in predicting Russians' cognitive and emotional attitude towards the political system. It plays a significant role for people belonging to different socio-demographic groups and possessing various psychological characteristics. People with an active political life, with high psychological well-being and national identification value it the most. The fostering of the autonomy-supportive political climate, which allows people to voice their opinions on social problems and influence political decisions, improves their attitudes towards the political system including federal political institutions.

Keywords: political efficacy; attitudes towards the political system; general system justification; political trust; subjective well-being; generalized trust; national identification; self-determination theory.

For citation: Gulevich O.A., Chernov D.N. Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes to the Political System in Russia: How Does Self-Determination Theory Help in Understanding Political Attitudes. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160103> (In Russ.).

Введение

Политическая самоэффективность и отношение к политической системе – это важные факторы, которые предсказывают институализированное (инициированное представителями власти и воплощенное в официальных процедурах) и неинституализированное (инициированное гражданами) политическое участие. В частности, исследования показали, что обе переменные позитивно связаны с избирательной явкой [18; 19; 23; 41]. Кроме того, политическая

самоэффективность позитивно, а отношение к политической системе негативно связаны с участием в политических протестах [5; 19].

Большинство теоретических моделей [41; 44] рассматривают политическую самоэффективность и отношение к политической системе как независимые факторы политического участия. Однако несколько исследований, проведенных за последние двадцать лет в европейских и американских странах, продемонстрировали, что эти переменные позитивно

связаны между собой: люди, которые ощущают большую политическую самоэффективность, одновременно дают более позитивную оценку политической системе [20; 28; 34]. Возникает вопрос: насколько универсальна обнаруженная закономерность?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали отношение между политической самоэффективностью и отношением к политической системе у россиян, принадлежащих к разным социально-демографическим группам и с разными психологическими особенностями. Теоретической основой исследования стала концепция базовых психологических потребностей, созданная в рамках теории самодетерминации (Self-Determination Theory), в которой рассматривается связь между психологическими потребностями, воспринимаемым социальным климатом и отношением к окружающим людям.

Психологические потребности и воспринимаемый социальный климат

Теория самодетерминации возникла в 70-х годах прошлого века. За пятьдесят лет в ее рамках сформировались пять более узких теоретических концепций. Одной из них является концепция базовых психологических потребностей (см. рис. 1). Сторонники этой концепции утверждают, что люди обладают тремя

основными психологическими потребностями. Они стремятся действовать по собственной воле (потребность в автономии, need for autonomy), проявлять свои знания и способности в разных областях (потребность в компетентности, need for competence) и формировать теплые отношения (потребность в связанности, need for relatedness) [46].

Согласно концепции базовых психологических потребностей (Basic Psychological Needs Theory), удовлетворенность потребностей в автономии, компетентности и связанности зависит от того, как люди воспринимают социальный климат, в котором находятся [46]. Ближайшее окружение — родители, романтические партнеры и супруги, преподаватели и руководители в организациях — создает проксимальный социальный климат. В то же время культурные, экономические и политические институты, которые существуют в стране, создают дистальный социальный климат [37].

Проксимальный и дистальный климат может быть автономным и контролирующим. Автономный климат (autonomy-supportive climate) дает людям свободу выбора и помогает им раскрыть свою индивидуальность, а контролирующий климат (controlling climate) ограничивает возможности людей и побуждает их действовать по заданным образцам [36]. Согласно концепции базовых психологических потребностей,

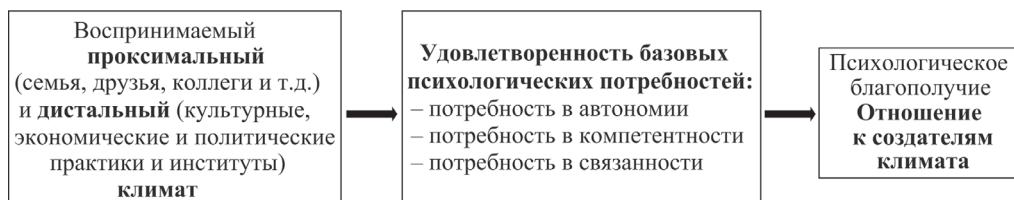

Рис. 1. Теория самодетерминации, концепция базовых психологических потребностей

восприятие¹ климата как автономного способствует удовлетворению базовых психологических потребностей, а восприятие климата как контролирующее — фрустрирует их [46].

Долгое время сторонники теории самодетерминации анализировали роль воспринимаемого проксимального климата, создаваемого ближайшим окружением. Однако в последнее время некоторые исследователи заговорили о важности воспринимаемого дистального климата. Одним из его элементов является воспринимаемый политический климат [37]. Исследователи исходили из того, что представители политической власти могут действовать по-разному: жестко контролировать суждения и поведение граждан (контролирующий климат) или создавать условия для того, чтобы граждане действовали в соответствии со своими предпочтениями (автономный климат).

Согласно концепции базовых психологических потребностей, автономный политический климат имеет три основные особенности [37]. «Голос и выбор» (voice & choice) означает, что люди имеют право открыто высказывать свое мнение о том, что происходит в стране, и могут влиять на политические решения. «Равное правоприменение» (equal enforcement) предполагает, что представители власти действуют по отношению к разным людям по одним и тем же правилам. «Объяснения и коммуникация» (rationales & communication) подразумевает, что представители власти объясняют гражданам смысл своих требований.

Политический климат и отношение к политической системе

Концепция базовых психологических потребностей рассматривает, прежде всего, факторы, предсказывающие психологическое благополучие людей. Однако некоторые исследования, в которых рассматривался проксимальный климат, показали, что воспринимаемая автономия со стороны родителей и романтических партнеров позитивно связана с привязанностью к ним [24]; воспринимаемая автономия со стороны преподавателей позитивно связана со студенческой оценкой их легитимности [16]; воспринимаемая автономия со стороны руководителей позитивно связана с качеством работы сотрудников [40].

Аналогично некоторые исследования, в которых рассматривался дистальный климат, продемонстрировали, что воспринимаемая автономия со стороны представителей власти позитивно связана с отношением к политикам и политическим институтам. В некоторых исследованиях речь шла о политической самоэффективности (political efficacy или реже — political self-efficacy) — вере человека в то, что он может оказать влияние на политические процессы. Эта переменная отражает одну из трех характеристик автономного политического контекста, описанных в теории самодетерминации — «голос и выбор».

Исследователи выделяют внутреннюю (internal political efficacy) и внешнюю (external political efficacy) политическую самоэффективность; внешняя, в свою очередь, делится на индивидуальную (personal efficacy) и коллективную (collective efficacy).

¹ Слово «восприятие» в данном случае играет важную роль. Люди реагируют не на климат сам по себе, а на свое представление об этом климате. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о воспринимаемом автономном или контролирующем климате.

(collective efficacy). Под внутренней самоэффективностью понимается вера человека в то, что он хорошо разбирается в политике; под личной — вера в свою собственную способность влиять на политические процессы [41]; под коллективной — вера в аналогичную способность членов своей группы (например, людей той же этнической принадлежности или жителей той же страны) [5].

Несколько международных опросов, проведенных в европейских и североамериканских государствах, показали, что личная политическая самоэффективность положительно связана с отношением к Европейскому Союзу [28], доверием к национальным политическим институтам [7; 30] и государственным служащим [20]. Кроме того, анализ данных региональных выборок в США выявил положительную связь между личной политической самоэффективностью и доверием к местным властям [34]. Эти исследования подтверждают роль воспринимаемой автономии в формировании отношения к представителям политической власти.

Ограничения предыдущих исследований

Однако предыдущие исследования имеют как минимум три ограничения. Во-первых, в них измерялась личная политическая самоэффективность (показатель

личной автономии человека), но не изменилась коллективная самоэффективность (показатель автономии группы, с которой человек идентифицируется). Однако некоторые исследования показали, что связь между воспринимаемым политическим контекстом и отношением к политической системе можно объяснить через удовлетворение как личных потребностей, так и потребностей группы, с которой человек идентифицируется, в целом [21; 22].

Во-вторых, в этих исследованиях не рассматривалось взаимодействие политической самоэффективности с социально-демографическими и психологическими характеристиками участников. Иными словами, мы не знаем, насколько связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе воспроизводится в разных социально-демографических группах и у людей с разными психологическими особенностями (например, разной включенностью в политику, психологическим состоянием, отношением к людям или групповой идентификацией).

В-третьих, подавляющее большинство предыдущих исследований было проведено в странах с политическими режимами, которые создают для граждан более автономный политический контекст. Большинство международных индексов определяют эти режимы как «демократии»². В то же время мы облада-

² К настоящему времени в социальных науках выделен ряд критериев, позволяющих классифицировать государства по типу политических режимов. В более простых случаях эти режимы располагаются на континууме от «чистых авторатий» до «чистых демократий»; в более сложных случаях используется несколько критериев, соответствующих разным формам демократии. Для измерения политического режима используются международные индексы (например, Freedom House [15], Polity Projects [45], Varieties of Democracy [49]).

В основе этих индексов лежит предположение о том, что в демократиях граждане обладают гражданскими свободами и политическими правами, выборы позволяют регулярно менять власть, а гражданское общество может действовать независимо от государства. В то же время в авторатах гражданские свободы и политические права сильно ограничены, а мирные попытки сменить власть подавляются и почти не оказывают влияние на текущее положение дел. Современные версии всех крупных международных индексов

ем небольшим количеством информации о связи между политической самоэффективностью и отношением к политической системе в странах с режимами, близкими к авторитарному полюсу, которые создают для граждан контролирующий политический контекст.

В научной литературе можно встретить две точки зрения на влияние политического режима на взаимосвязь самоэффективности и отношения к политической системе. Первая позиция соответствует концепции базовых психологических потребностей [46]. Она гласит, что все люди более позитивно относятся к окружающим, которые создают автономный социальный, в том числе политический контекст. Это означает, что позитивную связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе можно обнаружить в странах с разными политическими режимами.

Вторая позиция гласит, что политический режим представляет собой сочета-

ние политических процедур и ценностей, которые оправдывают эти процедуры [13; 14; 33; 42]. Поэтому люди, живущие в демократических странах, больше поддерживают идеи, легитимирующие демократию [14]. Жители авторитарных стран реже связывают отношение к политической системе с возможностью влияния на власть, но чаще — с другими особенностями, например, с предсказуемостью процедур принятия решений [35]. Однако в данный момент наблюдается дефицит свидетельств, говорящих в пользу той или иной позиции.

Текущее исследование

Наше исследование было проведено в России, которая в настоящее время рассматривается международными индексами как страна с авторитарным политическим режимом [15; 45; 49], то есть с контролирующим политическим контекстом. В соответствии с теорией самодетерминации мы предположили, что личная (гипотеза 1а) и

учитывают несколько аспектов политического режима, а их создание включает комплексные процедуры перепроверки сделанных выводов.

Например, в Polity кодирование осуществляется несколькими кодировщиками, которые проходят предварительные тренинги по ознакомлению с методологией и принципами проекта [45]. Оценки каждого из кодировщиков проходят тщательную проверку со стороны руководителей проекта; каждое серьезное расхождение в оценках обсуждается и используется для дальнейшего улучшения методологии. Итоговый индекс Polity учитывает наличие институтов и процедур, посредством которых граждане могут влиять на политику, «содержек» исполнительной власти и гарантий соблюдения гражданских свобод для всех граждан.

Varieties of Democracy (V-Dem) использует несколько другие процедуры кодирования и обеспечения надежности, а сами индексы характеризуются большим разнообразием [49]. Так, в V-Dem отсутствует единое определение демократии, в методологии описываются скорее набор принципов, которые характеризуют демократический режим (электоральный, либеральный, партиципаторный, делиберативный, эгалитарный, мажоритарный, консенсусальный). Кроме того, в V-Dem используются два вида показателей: фактические и оценочные. Фактические кодируются командой V-Dem на основе открытой и доступной информации. Для кодирования оценочных показателей привлекаются команды экспертов. Для каждой страны, включенной в набор данных, рекрутируется команда из нескольких кодировщиков, которые в 2/3 случаев являются гражданами этой страны и обладают соответствующей экспертизой по определенной области политической науки.

Индекс Freedom House в основном исследует степень предоставления политическим режимом прав и свобод собственным гражданам [15]. В оценке участвуют штатные и внешние аналитики, эксперты из научной среды, мозговых центров и правозащитных организаций. Итоговые оценки для каждой страны в каждом временном периоде обсуждаются на общей встрече. Оценки по странам и периодам, присвоенные аналитиками, проходят процедуру представления и защиты перед экспертами и руководителями проекта.

коллективная (гипотеза 1б) политическая самоэффективность связаны с позитивным отношением к политической системе (рис. 2а). Иными словами, мы ожидали, что воспринимаемая личная и групповая автономия в политической сфере будет позитивно сказываться на отношении к представителям власти.

Кроме того, мы сформулировали два исследовательских вопроса об универсальности связи между политической самоэффективностью и отношением к политической системе. Первый вопрос заключался в том, насколько эта связь зависит от социально-демографических особенностей людей (например, пола, возраста, уровня образования и дохода). Второй вопрос был связан с тем, насколько эта связь зависит от характеристик, отражающих психологическое состояние человека, его отношение к людям, включенность в политику и групповую идентификацию (рис. 2б).

В ходе исследования было сделано шесть замеров. Участники исследования отвечали на вопросы о политической самоэффективности и отношении к политической системе. Кроме того, мы измеряли социально-демографические и психологические характеристики, которые, по данным предыдущих исследований, были связаны с политическим доверием. В качестве психологических характеристик мы рассматривали политический интерес, внутреннюю политическую самоэффективность, психологическое благополучие [8; 12; 43; 47], обобщенное доверие [9; 26; 31; 39] и национальную (или гражданскую) идентификацию [27; 48].

Метод

Выборка и процедура исследования.

В нашем исследовании приняли участие российские респонденты. Данные представлены в репозитории Московского

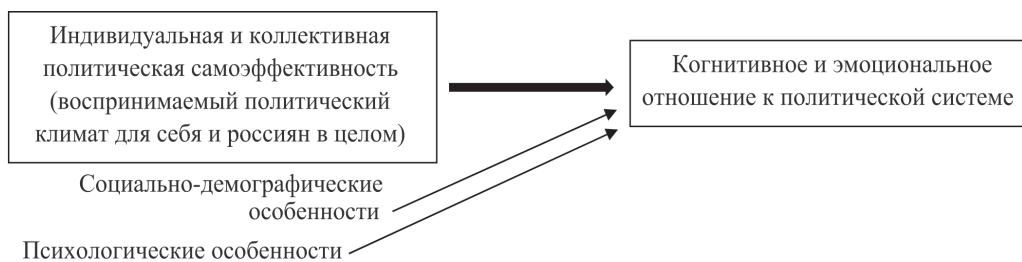

Рис. 2а. Исследовательские гипотезы, проверяются с помощью регрессионного анализа

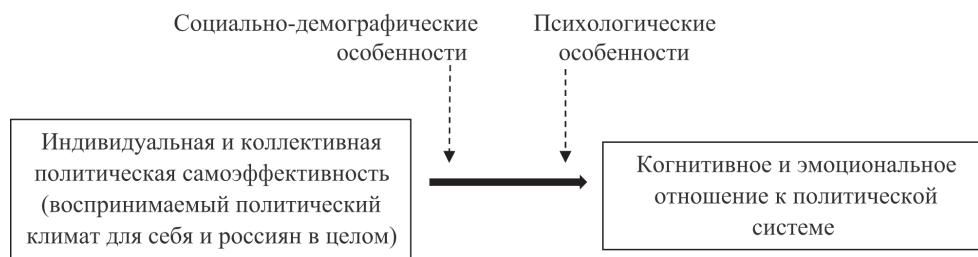

Рис. 2б. Исследовательские вопросы, проверяются с помощью модерационного анализа

Рис. 2. Схема исследования

государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA [3].

Выборка 1 включала 2767 человек, 51% участников определили себя как мужчин и 49% – как женщин; возраст варьировался от 18 до 80 лет ($M = 39,39$; $SD = 13,98$). (Данные, полученные на этой выборке, были также использованы в статьях [1; 2], но в них рассматривался другой набор переменных.) Выборка 2 состояла из 2580 человек, 35% отметили, что они мужчины, а 65% – женщины; возраст варьировался от 18 до 80 лет ($M = 53,11$; $SD = 12,06$). Эти данные собирались в мае–июне 2022 года.

Выборка 3 включала 3193 человека, 50% участников определили себя как мужчин и 50% – как женщин; возраст респондентов варьировался от 18 до 80 лет ($M = 39,36$; $SD = 13,90$). Выборка 4 состояла из 2482 человек, 31% отметили, что они мужчины, а 69% – женщины; возраст респондентов варьировался от 18 до 76 лет ($M = 54,81$; $SD = 11,86$). Эти данные собирались в августе–сентябре 2022 года.

Выборка 5 включала 3234 человека, 50% участников определили себя как мужчин и 50% – как женщин; возраст респондентов варьировался от 18 до 77 лет ($M = 39,49$; $SD = 13,96$). (Данные, полученные на этой выборке, были также использованы в статье [2], но в ней рассматривался другой набор переменных.) Выборка 6 состояла из 2400 человек, 29% отметили, что они мужчины, а 71% – женщины; возраст респондентов варьировался от 19 до 76 лет ($M = 57,32$; $SD = 12,19$). Эти данные собирались в ноябре–декабре 2022 года.

Выборки 1, 3 и 5 были собраны через Yandex-Toloka. Участники получили онлайн-ссылку на опросник, размещенный на 1КА – открытом приложении для создания онлайн-опросов. Выборки 2, 4 и 6 были собраны с помощью процедуры ри-

вер-сэмплинга, с помощью объявленияй в социальных сетях. Участники получили онлайн-ссылку на опросники, размещенные на специальном ресурсе университета, где работают авторы.

Все респонденты дали согласие на участие в исследовании. Мы гарантировали респондентам анонимность. Для того, чтобы увеличить качество данных, мы использовали вопросы для проверки внимания. За успешное заполнение опросников (ответы на все вопросы, правильные ответы на контрольные вопросы) респонденты получали небольшую плату. Все респонденты подтвердили, что проживают в России и имеют российское гражданство.

Методики. Политическая самоэффективность измерялась с помощью русскоязычного опросника, который включал субшкалы для измерения личной и коллективной самоэффективности [38]. В классических методиках для измерения воспринимаемого социального климата [10; 25], созданных в рамках теории самодетерминации, респондентов просят оценить, насколько окружающие поддерживают их личную автономию. Однако в некоторых исследованиях, проведенных вне этой теории, респондентов спрашивали о воспринимаемой групповой автономии [21; 22].

Каждая субшкала состояла из трех утверждений: «Я/Вместе граждане России могу(т) влиять на принятие новых законов и политических решений», «Я/Вместе граждане России могу(т) способствовать избранию политического лидера, чьи взгляды я (они) разделяю(т)», «Я/Вместе граждане России могу(т) добиться исполнения существующих законов и политических решений». Респонденты оценивали степень согласия с этими утверждениями по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha_{личная} = 0,91–0,96$; $\alpha_{коллективная} = 0,84–0,92$).

Отношение к политической системе было представлено двумя когнитивными (общее оправдание системы и доверие федеральным политическим институтам) и двумя эмоциональными (положительные и отрицательные эмоции к политической системе) показателями. *Доверие к федеральным политическим институтам* измерялось с помощью трех пунктов: респонденты оценивали, насколько они доверяют президенту, правительству и парламенту (Государственной Думе и Совету Федерации) Российской Федерации. Они давали ответ по 7-балльной шкале от 1 (совсем не доверяю) до 7 (полностью доверяю) ($\alpha = 0,87-0,95$).

Общее оправдание системы измерялось с помощью русскоязычного опросника [4]. Он включал пять утверждений, отражающих отношение человека к тому, что происходит в стране в целом, например, «Сегодня в России большинство решений власти направлены на благо народа» или «Сегодня в России большинство людей должны быть довольны тем, что имеют». Респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha = 0,91-0,94$).

Эмоции по отношению к политической системе измерялись с помощью следующего вопроса: «В какой степени Вы испытываете следующие эмоции, когда думаете о политической системе, которая существует в современной России?». Положительными эмоциями были радость, энтузиазм и гордость, а отрицательными эмоциями — возмущение, отвращение и презрение. Положительные и отрицательные эмоции давались вперемешку. Респонденты давали ответ по 7-балльной шкале от 1 (в минимальной степени) до 7 (в максимальной степени) ($\alpha_{\text{позитивные}} = 0,73-0,90$, $\alpha_{\text{негативные}} = 0,84-0,92$).

Дополнительными переменными были социально-демографические и психологические характеристики. *Социально-демографические характеристики* измерялись с помощью четырех вопросов. Мы просили респондентов указать свой пол (1 — мужчины, 2 — женщины), возраст (количество лет), образование от 1 (незаконченное школьное образование) до 5 (высшее образование) и доход от 1 (не можем купить продуктов) до 7 (можем позволить себе все, включая квартиру или дом).

Психологические характеристики измерялись с помощью пяти методик. *Психологическое благополучие* измерялось как удовлетворенность жизнью [11; 32]. Опросник включал пять утверждений, например, «В основном моя жизнь близка к идеалу» и «Я полностью удовлетворен моей жизнью». Респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha = 0,86-0,90$).

Обобщенное доверие измерялось с помощью двух методик. Одна методика измеряла доверие к людям: «Большинство людей в основном добрые», «Большинство людей заслуживают доверия» и «Большинство людей — честные». Вторая методика измеряла недоверие к людям: «Люди готовы лгать, чтобы достичь своих целей», «Большинство людей следуют принципу “каждый сам за себя”» и «Большинству людей нельзя доверять». В обоих случаях респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен). Участники, которых рекрутировали через социальные сети, заполняли первую методику. Респонденты, которых рекрутировали через YandexToloka, заполняли либо первый, либо второй вариант опрос-

ника. Однако при обработке данных ответы на пункты, отражающие недоверие к людям, переворачивались, и данные, полученные от всех респондентов, обращались вместе ($\alpha = 0,85\text{--}0,90$).

*Национальная или гражданская идентификация*³ — восприятие человеком себя как жителя определенной страны — измерялась с помощью опросника, который состоял из девяти вопросов [29], например, «Как часто Вы используете слово “мы” применительно к россиянам?», «Как много общего, на Ваш взгляд, между Вами и россиянами?» и «Насколько Вы переживаете, если с россиянами происходит что-то плохое?». Респонденты давали ответы по 5-балльной шкале, где 1 означал минимальную идентификацию, а 5 — максимальную. Однако варианты ответа зависели от содержания вопроса ($\alpha = 0,91\text{--}0,94$).

Для политического интереса использовался один вопрос: «Насколько Вы интересуетесь политикой?». Респонденты давали ответ по 7-балльной шкале от 1 (совсем не интересуюсь) до 7 (очень интересуюсь).

Внутренняя политическая самоэффективность — вера человека в то, что он хорошо разбирается в политике — измерялась с помощью четырех утверждений: «Я много знаю о политике», «Я достаточно хорошо разбираюсь в политических проблемах», «Я разбираюсь в политике лучше, чем большинство людей» и «У меня есть необходимые знания, чтобы принимать участие в политике». Респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от

1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha = 0,88\text{--}0,94$).

Результаты

Обработка данных проходила в статистическом пакете Jamovi; при анализе рассматривались связи, значимые при $p \leq 0,01$. Данные и полные варианты таблиц представлены в репозитории Московского государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA [3]. Описательная статистика представлена в табл. 1. Для проверки гипотез мы провели регрессионный анализ (функция «линейная регрессия»): личная и коллективная самоэффективность были независимыми переменными; общее оправдание системы, доверие федеральным политическим институтам, положительные и отрицательные эмоции к системе — зависимыми переменными; четыре социально-демографические особенности и пять психологических характеристик — контрольными переменными (см. рис. 2а).

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Они показали, что во всех шести выборках личная (lc) и коллективная политическая (kc) самоэффективность были позитивно связаны с общим оправданием системы ($\beta_{lc} = 0,075^{***} - 0,220^{***}$; $\beta_{kc} = 0,202^{***} - 0,283^{***}$), доверием федеральным политическим институтам ($\beta_{lc} = 0,023^{***} - 0,196^{***}$; $\beta_{kc} = 0,209^{***} - 0,303^{***}$) и положительными эмоциями ($\beta_{lc} = 0,118^{***} - 0,188^{***}$; $\beta_{kc} = 0,136^{***} - 0,208^{***}$). Кроме того, они были негативно связаны с отрица-

³ В исследованиях, которые публикуются в международных психологических журналах, восприятие человеком себя как жителя или гражданина какой-либо страны чаще всего обозначается как национальная идентичность/идентификация (national identity/identification). Однако в русском языке «национальность» нередко используется как синоним «этничности, этнической принадлежности». Поэтому в русскоязычных работах чаще используется термин «гражданская идентичность/идентификация».

тельными эмоциями к политической системе ($\beta_{\text{дс}} = -0,206^{***} - -0,041^{***}$; $\beta_{\text{кс}} = -0,214^{***} - 0,137^{***}$). Эти связи сохранялись после контроля социально-демографических и психологических особенностей. Исключение составляло отсутствие статистически значимой связи личной политической самоэффективности с доверием к федеральным политическим институтам и негативными эмоциями в шестом замере.

Кроме того, психологическое благополучие (*пб*) и национальная идентификация (*ни*) были позитивно связаны с оправданием системы ($\beta_{\text{пб}} = 0,182^{***} - 0,273^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = 0,168^{***} - 0,271^{***}$), положительными эмоциями к ней ($\beta_{\text{пб}} = 0,134^{***} - 0,172^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = 0,184^{***} - 0,329^{***}$) и доверием федеральным институтам ($\beta_{\text{пб}} = 0,124^{***} - 0,193^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = 0,196^{***} - 0,340^{***}$), но негативно — с отрицательными эмоциями к политической системе ($\beta_{\text{пб}} = -0,174^{***} - 0,076^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = -0,240^{***} - 0,166^{***}$).

Обобщенное доверие (*од*) также было позитивно связано с отношением к политической системе, но преимущественно в замерах, сделанных в социальных сетях (оправдание системы: ($\beta_{\text{од}} = 0,018 - 0,117^{***}$); доверие федеральным институтам: ($\beta_{\text{од}} = -0,014 - 0,110^{***}$); положительные эмоции: ($\beta_{\text{од}} = 0,019 - 0,117^{***}$); негативные эмоции: ($\beta_{\text{од}} = -0,105^{***} - 0,014$)). Внутренняя политическая самоэффективность (*впс*) была, напротив, негативно связана с оправданием системы (кромешестого замера) ($\beta_{\text{впс}} = -0,118^{***} - 0,014$), доверием федеральным институтам ($\beta_{\text{впс}} = -0,199^{***} - 0,067^{***}$), но позитивно — с отрицательными эмоциями ($\beta_{\text{впс}} = 0,091^{***} - 0,228^{***}$).

Для того, чтобы ответить на исследовательские вопросы, мы провели ряд

модерационных анализов (функция moderation в библиотеке Medmod): в каждом случае независимой переменной была личная или коллективная политическая самоэффективность; зависимой переменной — общее оправдание системы, доверие федеральным политическим институтам, положительные и отрицательные эмоции к системе; модератором — одна из социально-демографических или психологических характеристик, измеренных в исследовании (см. рис. 2б).

Мы обнаружили ряд статистически значимых модераций. Однако психологические характеристики более последовательно взаимодействовали с политической самоэффективностью, чем социально-демографические особенности. Кроме того, при анализе данных с YandexToloka было выявлено больше повторяющихся модераций, чем при анализе данных из социальных сетей. Поэтому ниже мы рассмотрим модели, основанные на данных с YandexToloka, в которых модераторами были психологические переменные.

В табл. 3 представлены модели, в которых взаимодействие между личной политической самоэффективностью и психологическими переменными достигало уровня статистической значимости [3]. В них рассматриваются переменные, которые модерировали связь между самоэффективностью и всеми показателями отношения к политической системе, по крайней мере, в двух из трех замеров. Результаты показали, что связь между личной политической самоэффективностью и отношением к политической системе модерировали два фактора — личный интерес и внутренняя политическая самоэффективность.

В частности, позитивная связь личной политической самоэффективности с оправданием системы, положительными эмоциями по отношению к ней и боль-

шим доверием федеральным политическим институтам была больше выражена у людей, которые проявляли сильный интерес к политике и считали, что хорошо разбираются в ней (кроме двух моделей в выборке 1). Эти условия также усиливали негативную связь между личной политической самоэффективностью и отрицательными эмоциями к системе (кроме одной модели в выборке 1).

В табл. 4 представлены модели, в которых взаимодействие между коллективной политической самоэффективностью и психологическими переменными достигало уровня статистической значимости [3]. Переменные отбирались по тому же принципу, что и в предыдущем случае. Результаты показали, что связь между коллективной политической самоэффективностью и отношением к политической системе модерировали два фактора — психологическое благополучие и национальная идентификация.

В частности, позитивная связь коллективной политической самоэффективности с оправданием системы, положительными эмоциями по отношению к ней и большим доверием федеральным политическим институтам была больше выражена у людей, которые были больше удовлетворены своей жизнью и сильно идентифицировались с жителями (гражданами) России. Однако только национальная идентификация усиливалась негативную связь между коллективной политической самоэффективностью и отрицательными эмоциями к системе.

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы проанализировали связь между политическим

климатом и отношением к политической системе. В качестве показателя воспринимаемого политического климата мы рассматривали личную и коллективную политическую самоэффективность. В качестве когнитивных показателей отношения к политической системе — общее оправдание политической системы и доверие федеральным политическим институтам; в качестве эмоциональных показателей этого отношения — положительные и отрицательные эмоции к политической системе. Результаты позволили сделать несколько выводов.

Во-первых, три фактора — психологическое благополучие, обобщенное доверие (преимущественно в выборках, собранных в социальных сетях⁴) и национальная идентификация — были позитивно связаны со всеми показателями отношения к политической системе. Эти данные соответствуют международным исследованиям, продемонстрировавшим, что люди с более высоким уровнем психологического благополучия [8; 12; 43; 47], которые больше доверяют окружающим [9; 26; 31; 39] и сильнее идентифицируются со своей страной [27; 48], больше оправдывают систему и доверяют политическим институтам.

Во-вторых, вера людей в свою способность и способность жителей России в целом повлиять на политические решения была позитивно связана с отношением к политической системе. Эти связи были обнаружены в замерах, проведенных на YandexToloka и в социальных сетях, а также после контроля четырех социально-демографических и пяти психологических характеристик. Таким образом, воспринимаемая автономия в

⁴ Нестабильность этой связи в выборках, собранных на YandexToloka, может быть связана с процедурой вычисления индекса обобщенного доверия.

политической сфере может быть важным критерием оценки политической системы не только в автономных (демократических), но и в контролирующих (авторитарных) политических режимах.

Эти результаты соответствуют концепции базовых психологических потребностей [36; 46], согласно которой автономный социальный климат позволяет человеку удовлетворить базовые психологические потребности и вызывает позитивное отношение к людям, которые его создают. Кроме того, наши результаты соответствуют результатам европейских и североамериканских исследований, описанных во введении [20; 28; 30; 34], которые показали, что личная политическая самоэффективность связана с позитивным отношением к политической власти, прежде всего, политическим доверием.

В-третьих, воспринимаемая автономия в политической сфере была одинаково связана с когнитивным и с эмоциональным отношением к политической системе. С одной стороны, это соответствует общей логике теории самодетерминации, которая не проводит различий между воздействием социального климата на эмоциональную и когнитивную составляющую психологического состояния человека и его отношение к другим людям. С другой стороны, это подчеркивает связь между эмоциональными и когнитивными элементами в отношении к власти.

В-четвертых, россияне ценят соблюдение как своей личной, так и групповой автономии. Причем важность групповой автономии сохраняется даже после контроля личной. Это соответствует данным некоторых исследований, показавших, что люди более негативно относятся к социальной системе, которая, по их мнению, ограничивает автономию их расовой или этнической группы, и больше

сопротивляются ей, чем системе, поддерживающей групповую автономию [21; 22]. Интересно, что в нашем случае речь идет о воспринимаемой автономии россиян в целом, а не отдельных групп внутри общества.

В-пятых, мы обнаружили отдельные социально-демографические различия в связи между воспринимаемой автономией и отношением к политической системе. Однако нам не удалось обнаружить ни одной характеристики, которая модерировала эту связь хотя бы в трех выборках с YandexToloka или в трех выборках из социальных сетей. Более того, позитивная связь политической самоэффективности с отношением к системе сохранилась даже при наличии статистически значимых модераций. Это означает, что, по-видимому, политическая самоэффективность важна для представителей разных социально-демографических групп.

Таким образом, можно предположить, что воспринимаемая автономия в политической сфере — это широко распространенный фактор, предсказывающий отношение людей к политической системе. Этот вывод соответствует недавнему анализу данных 10-ой волны Европейского социального исследования и 7-ой волны Всемирного исследования ценностей, который показал, что позитивная связь между личной политической самоэффективностью и доверием к политическим институтам присутствует как в демократических (автономный контекст), так и в авторитарных (контролирующий контекст) политических режимах [17].

Тем не менее мы обнаружили психологические характеристики, усиливающие связь между воспринимаемой автономией в политической сфере и отношением к политической системе. В частности, воспринимаемая личная автономия лучше предсказывала эмо-

циональное и когнитивное отношение к политической системе у людей, которые были больше вовлечены в политику — интересовались политическим вопросами и считали себя более осведомленными в политической сфере. Таким образом, можно предположить, что воспринимаемый политический климат оказывает влияние на отношение к его создателям в важных для человека сферах.

Кроме того, воспринимаемая групповая автономия лучше предсказывала эмоциональное и когнитивное отношение к политической системе у людей с более сильной российской идентификацией. Этот результат соответствует множеству исследований, показавших, что чем больше люди идентифицируют себя с социальной группой, тем позитивнее они оценивают других членов группы, тем больше интересуются групповыми проблемами, тем чаще следуют ее нормам и тем больше защищают ее интересы [5; 6]. В нашем случае идентификация повышала внимание к соблюдению групповой автономии.

Заключение

Наше исследование показало, что россияне более позитивно относятся к политическим акторам, которые создают, по крайней мере, один из элементов автономного политического климата — «голос и выбор». Воспринимаемая личная и групповая автономия в политической сфере играет важную роль в суждениях людей, принадлежащих к разным социально-демографическим группам и обладающих разными психологическими особенностями. Особенно большое значение им придают люди, включенные в политическую жизнь, а также обладающие высоким уровнем психологического благополучия и национальной идентификации.

Однако это исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, в ис-

следовании мы либо не конкретизировали уровень (федеральный, региональный, локальный) политических акторов (политическая самоэффективность, оправдание системы, эмоции к системе), либо спрашивали людей об отношении к федеральной власти (доверие федеральным институтам). Можно предположить, что это побуждало людей думать либо о федеральных властях, либо о тех политических акторах, с которыми люди сталкиваются непосредственно. Это не позволило нам сравнить, как различается важность воспринимаемой политической автономии на локальном и федеральном уровне.

Во-вторых, наше исследование было проведено на двух выборках, респондентах YandexToloka и пользователях социальных сетей. В целом выборки с YandexToloka были сбалансированы по полу, а в выборках из социальных сетей было гораздо больше женщин. Кроме того, респонденты YandexToloka были в целом моложе, а также указывали более высокий уровень образования и дохода, чем респонденты из социальных сетей. Для того, чтобы проконтролировать социально-демографические различия, мы провели модерационный анализ.

Однако мы не обнаружили устойчивых социально-демографических различий в связях между политической самоэффективностью и отношением к политической системе. С одной стороны, эти данные говорят в пользу универсальности обнаруженной связи. С другой стороны, качественные исследования фиксируют как эту, так и обратную тенденцию (согласие с решениями власти из-за воспринимаемой невозможности повлиять на них). Либо согласие не означает положительного отношения к власти, либо существуют дополнительные условия, оказывающие влияние на важность воспринимаемой автономии в политической сфере.

В-третьих, предыдущие исследования проводились преимущественно в странах с политическими режимами, расположеными ближе к демократическому, чем к авторитарному полюсу (автономный климат). Наше исследование показало, что воспринимаемая политическая автономия позитивно связана с отношением к власти в политическом режиме, расположенному ближе к авторитарному полюсу (контролирующий климат). Однако помимо политического режима, страны обладают другими особенностями, которые могут оказывать влияние на важность воспринимаемой автономии в политической сфере.

В-четвертых, наше исследование было кросс-секционным, а не экспериментальным. Поэтому мы не можем сделать определенный вывод о направлении причинно-следственной связи между политической самоэффективностью и отношением к политической системе. С одной стороны,

вера в отзывчивость власти может улучшать отношение граждан к ее представителям. С другой стороны, люди с позитивным отношением к политической системе могут приписывать ей характеристики, которые считают положительными.

Эти ограничения позволяют сформулировать направления будущих исследований. Во-первых, имеет смысл сравнить связь политической самоэффективности на локальном и федеральном уровнях с отношением к соответствующим представителям власти. Во-вторых, имеет смысл продолжать анализ индивидуальных, групповых и страновых факторов, которые оказывают влияние на важность автономного политического климата. Наконец, в-третьих, имеет смысл проводить лонгитюдные исследования, которые позволят разделить два направления связи между воспринимаемой автономией и отношением к политической системе.

Литература / References

1. Гулевич О.А. «Подлинный народ» против «коррумпированной элиты»: политический популизм как реакция на восприятие беспомощности в политической сфере // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2024. № 3. С. 39–58. DOI:10.30570/2078-5089-2024-114-3-39-58
Gulevich O.A. “Podlinnyy narod” protiv “korrumpirovannoy elity”: Politicheskiy populizm kak reaktsiya na vospriyatiye bespomoshchnosti v politicheskoy sfere [The “pure people” vs. The “corrupt elite”: Political populism as a reaction to perceived helplessness in the political domain]. *Politiya: Analiz. Kchronika. Prognoz. = Politeia*, 2024, no. 3, pp. 39–58. DOI:10.30570/2078-5089-2024-114-3-39-58 (In Russ.).
2. Гулевич О.А. Процедурная справедливость как фактор отношения к политической системе: роль экономического положения страны // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 105–119. DOI:10.17759/sps.2023140407
Gulevich O. Protsedurnaya spravedlivost' kak faktor otnosheniya k politicheskoy sisteme: Rol' ekonomicheskogo polozheniya strany [Procedural Justice as a Factor of Attitudes Toward the Political System: the Role of the Country's Economic Situation]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 105–119. DOI:10.17759/sps.2023140407 (In Russ.).
3. Гулевич О.А., Чернов Д.Н. Автономный политический климат и отношение к российской политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические процессы [Датасет]. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. DOI:10.48612/MSUPE/1tx5-v396-727
- Гулевич О.А., Chernov D.N. Avtonomnyy politicheskiy klimat i otnoshenie k rossiyskoy politicheskoy sisteme: Kak teoriya samodeterminatsii pomogaet ponyat' politicheskie protsessy [Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes to the Political System in Russia: How Does

- Self-Determination Theory Help in Understanding Political Processes] [Dataset]. RusPsyData: Psychological Research Data & Tools Repository. DOI:10.48612/MSUPE/1tx5-v396-7277
4. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights from Adapting the System Justification Scales. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, pp. 1–12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
 5. Agostini M., van Zomeren M. Toward a Comprehensive and Potentially Cross-Cultural Model of Why People Engage In Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Four Motivations and Structural Constraints. *Psychological Bulletin*, 2021. Vol. 147(7), pp. 667–700. DOI:10.1037/bul0000256
 6. Akfirat S., Uysal M.S., Bayrak F., Ergiyen T., Üzümçeker E., Yurtbakan T., Özkan Ö.S. Social Identification and Collective Action Participation in the Internet Age: A Meta-Analysis. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2022. Vol. 15(4). Article 10. DOI:10.5817/CP2021-4-10
 7. Bienstman S., Hense S., Gangl M. Explaining the ‘Democratic Malaise’ in Unequal Societies: Inequality, External Efficacy and Political Trust. *European Journal of Political Research*, 2023. Online first. DOI:10.1111/1475-6765.12611
 8. Ciziceno M., Giovanni T. Perceived Corruption and Individuals’ Life Satisfaction: The Mediating Role of Institutional Trust. *Social Indicators Research*, 2019. Vol. 141, pp. 685–701. DOI:10.1007/s11205-018-1850-2
 9. Daskalopoulou I. Individual-Level Evidence on the Causal Relationship Between Social Trust and Institutional Trust. *Social Indicators Research*, 2019. Vol. 144, pp. 275–298. DOI:10.1007/s11205-018-2035-8
 10. Deci E.L., La Guardia J.G., Moller A.C., Scheiner M.J., Ryan R.M. On the Benefits of Giving as Well as Receiving Autonomy Support: Mutuality in Close Friendships. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006. Vol. 32(3), pp. 313–327. DOI:10.1177/0146167205282148
 11. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49(1), pp. 71–75. DOI:10.1207/s15327752jpa4901_13
 12. Esaiasson P., Dahlberg S., Kokkonen A. In Pursuit of Happiness: Life Satisfaction Drives Political Support. *European Journal of Political Research*, 2020. Vol. 59, pp. 25–44. DOI:10.1111/1475-6765.12335
 13. Falomir-Pichastor J.M., Pereira A., Staerklé C., Butera F. (a). Do all lives have the same value? Support for international military interventions as a function of political system and public opinion of target states. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2012. Vol. 15(3), pp. 347–362. DOI:10.1177/1368430211424919
 14. Falomir-Pichastor J.M., Staerklé C., Pereira A., Butera F. (b). Democracy as Justification for Waging War: The Role of Public Support. *Social Psychological and Personality Science*, 2012. Vol. 3(3), pp. 324–332. DOI:10.1177/1948550611420172
 15. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/> (Accessed 13.11.2023).
 16. Graça J., Calheiros M.M., Barata M.C. Authority in the Classroom: Adolescent Autonomy, Autonomy Support, and Teachers’ Legitimacy. *European Journal of Psychology of Education*, 2013. Vol. 28(3), pp. 1065–1076. DOI:10.1007/s10212-012-0154-1
 17. Gulevich O., Chernov D. Political Context, Perceived Political Climate and Attitudes towards Political Actors. How does the Self-Determination Theory Help Us Understand Political Processes? Unpublished manuscript.
 18. Hooghe M. Trust and Elections. The Oxford Handbook of Social and Political Trust. Ed. by E.M. Uslaner. Oxford University Press, 2018. DOI:10.1093/oxfordhb/9780190274801.013.17
 19. Hooghe M., Marien S. A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 2013. Vol. 15(1), pp. 131–152. DOI:10.1080/14616696.2012.692807
 20. Houston D.J., Aitalieva N.R., Morelock A.L., Shults C.A. Citizen Trust in Civil Servants: A Cross-National Examination. *International Journal of Public Administration*, 2016. Vol. 39(14), pp. 1203–1214. DOI:10.1080/01900692.2016.1156696

21. Kachanoff F.J. A Group-Conscious Approach to Basic Psychological Needs Theory. In: The Oxford Handbook of Self-Determination Theory. Ed. by R.M. Ryan. Oxford University Press, 2023, pp. 1088–1105.
22. Kachanoff F.J., Kteily N.S., Park H.J., Khullar T.H., Taylor D.M. Determining Our Destiny: Do Restrictions to Collective Autonomy Fuel Collective Action? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020. Vol. 119(3), pp. 600–632. DOI:10.1037/pspi0000217
23. Katsanidou A., Eder C. Vote, Party, or Protest: The Influence of Confidence in Political Institutions on Various Modes of Political Participation in Europe. *Comparative European Politics*, 2016. Vol. 16(2), pp. 290–309. DOI:10.1057/cep.2015.27
24. La Guardia J.G., Ryan R.M., Couchman C.E., Deci E.L. Within-Person Variation in Security of Attachment: A Self-Determination Theory Perspective on Attachment, Need Fulfillment, and Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 79(3), pp. 367–384. DOI:10.1037/0022-3514.79.3.367
25. LegateN., Ryan R.M., WeinsteinN. Is Coming Out Always a “Good Thing”? Exploring the Relations of Autonomy Support, Outness, and Wellness for Lesbian, Gay, and Bisexual Individuals. *Social Psychological and Personality Science*, 2012. Vol. 3(2), pp. 145–152. DOI:10.1177/1948550611411929
26. Liu C., Stolle D. Social Capital, Civic Culture and Political Trust. Handbook on Political Trust. Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, pp. 338–352.
27. Luca C., Kevin O.C., Chiara B. Do Superordinate Identification and Temporal Social Comparisons Independently Predict Citizens’ System Trust? Evidence from a 40-Nation Survey. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.745168
28. McEvoy C. The Role of Political Efficacy on Public Opinion in the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 2016. Vol. 54(5), pp. 1159–1174. DOI:10.1111/jcms.12357
29. McFarland S.G., Hornsby W. An analysis of five measures of global human identification. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45(7), pp. 806–817. DOI:10.1002/ejsp.2161
30. Mondak J.J., Hayes M., Canache D. Biological and Psychological Influences on Political Trust. Handbook on Political Trust. Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, pp. 143–159. DOI:10.4337/9781782545118.00020
31. Newton K., Zmerli S. Three forms of trust and their association. *European Political Science Review*, 2011. Vol. 3(2), pp. 169–200. DOI:10.1017/S1755773910000330
32. Osin E., Leontiev D. Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 1, pp. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
33. Pereira A., Falomir-Pichastor J.M., Berent J., Staerklé C., Butera F. In the Name of Democracy: The Value of Democracy Explains Leniency Towards Wrongdoings as a Function of Group Political Organization. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45(2), pp. 191–203. DOI:10.1002/ejsp.2081
34. Rahn W.M., Rudolph T.J. A Tale of Political Trust in American Cities. *Public Opinion Quarterly*, 2005. Vol. 69(4), pp. 530–560. DOI:10.1093/poq/nfi056
35. Rivetti P., Cavatorta F. Functions of Political Trust in Authoritarian Settings. Handbook on Political Trust. Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, pp. 53–68. DOI:10.4337/9781782545118.00014
36. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. Guilford Press, 2017.
37. Ryan R.M., DeHaan C.R. The Social Conditions for Human Flourishing: Economic and Political Influences on Basic Psychological Needs. In: The Oxford Handbook of Self-Determination Theory. Ed. by R.M. Ryan. Oxford Academic, 2023. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.57
38. Sarieva I. How to Measure Perceived Political Efficacy? A Three-Component Scale. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15(3), pp. 477–490.
39. Schyns P., Koop C. Political Distrust and Social Capital in Europe and the USA. *Social Indicators Research*, 2010. Vol. 96, pp. 145–167. DOI:10.1007/s11205-009-9471-4

40. Slemp G.R., Kern M.L., Patrick K.J., Ryan R.M. Leader Autonomy Support in the Workplace: A Meta-Analytic Review. *Motivation and Emotion*, 2018. Vol. 42(5), pp. 706–724. DOI:10.1007/s11031-018-9698-y
41. Smets K., Van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013. Vol. 32(2), pp. 344–359. DOI:10.1016/j.electstud.2012.12.006
42. Staerkle C., Falomir-Pichastor J., Pereira A., Berent J., Butera F. Global Value Perceptions: The Legitimising Functions of Western Representations of Democracy. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45(7), pp. 896–906. DOI:10.1002/ejsp.2159
43. Tay L., Herian M.N., Diener E. Detrimental Effects of Corruption and Subjective Well-Being: Whether, How, and When. *Social Psychological and Personality Science*, 2014. Vol. 5, pp. 751–759. DOI:10.1177/1948550614528544
44. Thomas E.F., Duncan L., McGarty C., Louis W.R., Smith L.G.E. MOBILISE: A Higher-Order Integration of Collective Action Research to Address Global Challenges. *Political Psychology*, 2020. Vol. 43(S1), pp. 107–164. DOI:10.1111/pops.12811
45. The Polity Project. URL:<https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (Accessed 13.11.2023).
46. Vansteenkiste M., Soenens B., Ryan R.M. Basic Psychological Needs Theory: A Conceptual and Empirical Review of Key Criteria. The Oxford Handbook of Self-Determination Theory. Ed. by R.M. Ryan. Oxford Academic, 2023. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.5
47. Vargas-Salfate S., Paez D., Khan S.S., Liu J.H., Gil de Zúñiga H. System Justification Enhances Well-Being: A Longitudinal Analysis of the Palliative Function of System Justification in 18 Countries. *British Journal of Social Psychology*, 2018. Vol. 57, pp. 567–590. DOI:10.1111/bjso.12254
48. Vargas-Salfate S., Paez D., Liu J.H., Pratto F., de Zúñiga H.G. A Comparison of Social Dominance Theory and System Justification: The Role of Social Status in 19 Nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018. Vol. 44, pp. 1060–1076. DOI:10.1177/0146167218757455
49. Varieties of Democracy (V-Dem) [Электронный ресурс]. URL:<https://v-dem.net/> (Accessed 13.11.2023).

Информация об авторах

Гулеевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политики-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Чернов Даниил Николаевич, стажер-исследователь лаборатории политики-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dnchernov@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences, Professor, Head of Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Daniil N. Chernov, Research Assistant, Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dnchernov@hse.ru

Получена 24.04.2024

Received 10.04.2020

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз

Прусова И.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Горохова А.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Цель. Анализ роли воспринимаемых угроз в поддержке политики равного и неравного распределения доходов.

Контекст и актуальность. Глобальные кризисы влияют на социально-экономическое благополучие людей, вызывая различные страхи. Результаты многочисленных исследований показывают, что переживание личных, социальных угроз, представление о мире как опасном или конкурентном приводят к поддержке установок, легитимизирующих неравенство в экономической сфере. Однако в таких работах не рассматривались страны постсоветского пространства, в которых, наряду с меритократическими ценностями, принцип эгалитаризма также может выполнять защитную функцию. В связи с этим возникает вопрос о роли воспринимаемых угроз в поддержке различных принципов распределения доходов в российском контексте.

Дизайн исследования. В настоящем исследовании была построена модель, в рамках которой переживание личных угроз (страх смерти), социальных угроз (социально-экономического неравенства и бедности), представление о мире как опасном или конкурентном (вера в опасный мир и вера в конкурентный мир) рассматривались в качестве предикторов поддержки политики равного и неравного распределения доходов, социально-демографические характеристики рассматривались в качестве контрольных переменных.

Участники. В исследовании приняли участие 582 жителя России (49% мужчин, 51% женщин) в возрасте от 18 до 74 лет ($M = 37,38$; $SD = 11,27$).

Методы (инструменты). Участникам исследования предлагалось заполнить русскоязычные версии методик: «Отношение к смерти» (П.Т.П. Вонг и др.; К.А. Чистопольская и др.), «Вера в опасный мир» и «Вера в конкурентный мир» (Дж. Даккит и др.; О.А. Гулевич и др.), «Шкала финансовой угрозы» для измерения переживания угрозы бедности и социально-экономического неравенства (З. Марьянович и др.; И.С. Прусова и др.) и «Поддержка равного/неравного распределения доходов» (Дж.Р. Клюгель и Е.Р. Смит; И.С. Прусова и др.).

Результаты. Результаты моделирования структурными уравнениями показали, что протестированная модель находит полное соответствие данным: $\chi^2 (378) = 847$; RMSEA = 0,046 [0,042; 0,050]; SRMR = 0,051; TLI = 0,937; CFI = 0,944. Страх смерти и вера в конкурентный мир вносят положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов, в то время как вера в опасный мир и переживание угрозы социально-экономического неравенства – в поддержку политики равного распределения доходов.

Основные выводы. Ответ на воспринимаемые угрозы не является универсальным и напрямую зависит от специфики данных угроз. Переживание личных угроз актуализирует стремление к материальной выгоде, что находит выражение в поддержке политики неравного распределения доходов. Переживание социальных угроз может приводить к поддержке политики равного распределения доходов как гарантии сохранения социального порядка в условиях повышенной неопределенности.

Ключевые слова: социальные верования; политика распределения доходов; страх смерти; вера в конкурентный мир; вера в опасный мир; социально-экономические угрозы.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Для цитаты: Прусова И.С., Горокхова А.С. Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160104>

Support of Equal and Unequal Income Distribution: the Role of Perceived Threats

Irina S. Prusova

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Anna S. Gorokhova

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Objective. Analysis of the role of perceived threats in support of equal and unequal income distribution.

Background. Global crises affect people's socio-economic well-being by causing various fears. Internal threats, subjective perception of threats and societal threats lead to the support of attitudes that legitimize inequality in the economic sphere. Previous research did not examine post-Soviet countries where egalitarianism, along with meritocracy, could also represent a defense ideology. This induces the question about the role of perceived threats in support of different principles of income distribution in the Russian context.

Study design. The current study tested a model in which internal, societal threats, subjective perception of threats were included as predictors, support for equal and unequal distribution – as dependent variables, and socio-demographic characteristics – as control variables.

Participants. 582 participants in Russia (49% of men, 51% of women) aged from 18 to 74 years ($M = 37,38$; $SD = 11,27$) took part in the study.

Measurements. Study participants completed questionnaires on the fear of death (Wong et al.; Chistopol'skaya et al.), belief in a dangerous world and belief in a competitive world (Duckitt et al.; Gulevich et al.), support of equal or unequal income distribution (Kluegel & Smith; Prusova et al.), and financial threat scale to measure threats of socio-economic inequality and poverty (Marjanovic et al.; Prusova et al.).

Results. The results of the structural equation modeling showed the adequate fit of this model: $\chi^2 (378) = 847$; RMSEA = 0,046 [0,042; 0,050]; SRMR = 0,051; TLI = 0,937; CFI = 0,944. Fear of death and belief in a competitive world positively contribute to support of unequal income distribution,

while belief in a dangerous world and threat of socio-economic inequality enhanced support for equality in income distribution.

Conclusions. *The response to perceived threats is not universal and directly depends on the specifics of the threat. Internal threats actualize the desire for material profit, leading to support of unequal income distribution. Societal threats lead to support of equal income distribution as a guarantee of preserving social order under increased uncertainty.*

Keywords: *social beliefs; equal and unequal income distribution; fear of death; belief in a competitive world; belief in a dangerous world; socio-economic threats.*

Funding. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

For citation: Prusova I.S., Gorokhova A.S. Support of Equal and Unequal Income Distribution: the Role of Perceived Threats. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160104> (In Russ.).

Введение

Согласно Докладу о мировом неравенстве, уровень глобального неравенства остается высоким (10% населения располагает 52% глобального дохода и 76% глобального богатства) [13]. Результаты опросов общественного мнения в России показывают, что угроза социальной несправедливости и неравенства выступает одним из ключевых страхов среди россиян [2]. Социально-экономическое неравенство может как приводить к ряду негативных последствий в экономической (снижение темпов развития, объема инвестиций) и социальной (снижение эффективности системы здравоохранения, возможностей для социальной мобильности и рост преступности) сферах, так и оказывать влияние на психологическое благополучие людей [32; 40].

Парадоксальным образом в странах с высоким уровнем социально-экономического неравенства отмечается его недооценка в обществе и, более того, поддержка установок, легитимизирующих неравенство [14; 15]. Среди таких установок можно выделить ориентацию на социальное доминирование

(поддержка существующей в обществе иерархии и неравенства), принятие существующей системы отношений в экономической сфере (представление о том, что экономическое неравенство естественно и законно, а рыночные исходы — справедливы), меритократию (представление о том, что успех и восходящая мобильность являются результатом личных усилий), политику неравного распределения доходов (представление о том, что социально-экономическое равенство недостижимо и негативно влияет на общество) и консерватизма (поддержка традиционных общественных институтов и свободного рынка) [22]. Результаты метаанализа показывают, что представленные установки можно рассматривать как взаимозаменяемые [23].

В рамках теории обоснования существующей системы отношений распространенность установок, легитимизирующих неравенство, обусловлена тем, что их поддержка приводит к реализации паллиативной функции, восстановлению воспринимаемого контроля и субъективного благополучия [22]. Предполагается, что социальная иерархия предлагает

«определенную» и «предсказуемую» форму организации общества и понятный механизм для достижения благополучия [17; 18].

В изучении установок, легитимизирующих неравенство, в контексте со владания с глобальными кризисами особый интерес приобретает анализ воспринимаемых угроз как потенциального источника снижения воспринимаемого контроля [23]. При изучении вклада воспринимаемых угроз в поддержку установок, легитимизирующих неравенство, Дж. Джост предлагает три кластера угроз: переживание личных угроз (страх смерти), социетальных угроз (экономического кризиса, бедности, неравенства) и социальные верования (вера в опасный мир и вера в конкурентный мир) [22]. При столкновении с представленными угрозами отмечается сдвиг в сторону большей поддержки установок, направленных на сохранение существующего порядка и неравенства как устоявшейся формы организации общества (в том числе ориентации на социальное доминирование, меритократии, принятия существующей системы отношений в разных сферах, политики неравногораспределения доходов и политического консерватизма) [23]. Причем отмечается относительно устойчивый эффект переживания социетальных ($r = 0,47$) и личных ($r = 0,50$) угроз и представлений о мире как опасном или конкурентном ($r = 0,29$) [22].

Однако в отдельных исследованиях отмечаются противоречивые результаты относительно последствий воспринимаемых угроз [5; 23]. Например, в одних исследованиях страх смерти (тревога от осознания неизбежности смерти) как пример переживания личной угрозы приводит к большей поддержке политического консерватизма,

в других — либерализма, или вовсе отмечается отсутствие связи между переменными [23]. В России переживание страха смерти вносит положительный вклад в поддержку доминирования (одобрение иерархических отношений между группами), но при этом отмечается отсутствие эффекта в отношении антиэгалитаризма (поддержка межгруппового неравенства) [5]. Различия в полученных результатах могут соотноситься с особенностями содержания культурного мировоззрения [12]. В рамках теории управления страхом смерти актуализация мыслей о смерти приводит к поляризации культурного мировоззрения (имеющихся у людей взглядов): например, в ситуации угрозы либералы демонстрируют сдвиг в сторону поддержки либеральных идей, консерваторы — консервативных [12].

Вера в опасный мир (представление об обществе как об опасном месте, где «плохие» люди представляют угрозу для ценностей и образа жизни «хороших» людей), как пример социальных верований, в одних исследованиях показывает положительную связь с принятием существующей системы отношений в экономической сфере, а в других — отрицательную связь с принятием существующей системы отношений в социальной сфере [23; 30]. Представление о мире как об угрожающем и непредсказуемом месте может приводить к поиску решений, которые связаны со снижением воспринимаемой опасности [16]. В зависимости от рассматриваемой сферы такие решения могут различаться. Например, вера в опасный мир может повышать сензитивность к проблемам в социальной сфере как индикаторам несовершенства существующего устройства (рост социально-незащищенных групп на-

селения, повышение преступности) и, как следствие, приводить к снижению готовности принимать устоявшийся порядок [23; 30]. В экономической сфере, наоборот, социальная иерархия как устоявшийся порядок, а вместе с ней и потенциальные возможности для изменения занимаемого положения (например, воспринимаемой восходящей социальной мобильности) могут восприниматься как более эффективные решения для совладания с неопределенностью [27].

При этом вера в конкурентный мир (представление об устройстве общества, в котором ключевую роль играют конкуренция и борьба за ресурсы) показывает относительно устойчивые результаты в поддержке установок, легитимизирующих неравенство (в том числе оправдания экономической системы, ориентации на социальное доминирование и экономического консерватизма) [23]. Содержание представленной угрозы включает как определенный источник, так и единственно возможный тип взаимодействия в виде «конкуренции» для совладания с ней [16]. В этом случае неравенство и социальная иерархия предлагают систему координат для достижения желаемого положения и оценки потенциальных возможностей для его изменения. Для снижения воспринимаемой угрозы ключевым решением выступает достижение высокого положения в социальной иерархии с большим количеством ресурсов, что проявляется в поддержке установок, легитимизирующих такое устройство общества [16].

Переживание социальных угроз (неравенства, бедности, безработицы, экономического кризиса) также в одних исследованиях приводит к большей поддержке политического консерватиз-

ма, а в других — левых взглядов в экономической сфере [22]. Социетальные угрозы могут выступать индикатором нестабильности существующей системы. В рамках теории компенсаторного контроля актуализация социетальной угрозы приводит к универсальному ответу в виде поддержки установок, способствующих восстановлению контроля [26]. Результаты исследований в России показывают, что в условиях коллективной угрозы отмечается увеличение поддержки контроля в политической и экономической сферах, что при этом соотносится с консерватизмом в политической сфере, но либерализмом — в экономической [4; 33].

Помимо особенностей реакции на разные воспринимаемые угрозы, большую роль играет и содержание установок, легитимизирующих неравенство, которое в разных культурных контекстах может различаться [11]. Например, принятие существующей системы отношений в США положительно связано с экономическим, социальным и политическим консерватизмом, во Франции — с поддержкой левых взглядов на политическом континууме, в то время как в странах постсоветского пространства отмечается отсутствие связи между представленными переменными [11]. В США и Франции на уровне социальных представлений содержание принятия существующей системы отношений соотносится с исторически сложившимися принципами «желаемого» устройства общества (меритократии или эгалитаризма), в то время как в странах постсоветского пространства отсутствие связи может свидетельствовать о трансформационном периоде в определении ценностей и принципов распределения доходов [11; 29]. Например, результаты опросов

общественного мнения показывают, что равные доли россиян связывают с принципом «социальной справедливости» как то, что «положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями», так и то, что «уровень жизни должен быть одинаковым» [7]. При этом в странах постсоветского пространства отмечается отсутствие связи между ценностями эгалитаризма и меритократии, что проявляется в отсутствии дихотомии данных принципов на уровне представлений [4; 38].

В исследованиях вклада воспринимаемых угроз в поддержку установок, легитимизирующих неравенство, больший фокус уделяется меритократии и неравенству, что оставляет открытым вопрос об эгалитарных ценностях и принципе равного распределения, особенно в странах с историей социалистического устройства [22]. Учитывая особенности культурного контекста в России, разной интерпретации ценностей эгалитаризма и меритократии, содержания установок, легитимизирующих неравенство, в рамках настоящего исследования основной фокус сосредоточен на изучении политики распределения доходов, включающей два независимых принципа — равного и неравного распределения доходов. Таким образом, цель настоящего исследования — изучить роль воспринимаемых угроз в поддержке политики равного/неравного распределения доходов в России.

Для реализации цели настоящего исследования была эмпирически проверена модель, в которой переживание личных (страх смерти), социetalных (социально-экономического неравенства и бедности) угроз, представления о мире как опасном (вера в опасный мир) и конкурентном (вера в конкурентный мир) рассматривались в каче-

стве предикторов, поддержка равного и неравного распределения — в качестве зависимых переменных, социально-демографические характеристики — в качестве контрольных переменных. Как показывают кросс-культурные исследования, социально-демографические характеристики (пол, возраст, доход) могут влиять на поддержку установок, легитимизирующих неравенство [9; 31; 39]. Например, результаты исследований показывают, что в большей степени неравенство «оправдывают» женщины, люди с низким уровнем дохода и образования [9; 31; 39].

Метод

Схема проведения исследования.

Участникам исследования предлагалось заполнить онлайн-опрос, разработанный на платформе SurveyMonkey. В рамках опроса участникам исследования предлагалось заполнить форму информированного согласия, после чего такие методики, как «Отношение к смерти», «Вера в опасный мир», «Вера в конкурентный мир», «Шкала финансовой угрозы» для измерения переживания угрозы бедности и социально-экономического неравенства, «Поддержка равного/неравного распределения доходов».

Выборка исследования. Опрос был проведен в мае 2023 года, рекрутирование респондентов проводилось на платформе «Яндекс.Толока». В исследовании приняли участие 582 россиян (51% женщин, 49% мужчин) в возрасте от 18 до 74 лет ($M = 37,38; SD = 11,27$). Участники исследования получали небольшое денежное вознаграждение за участие. В итоговой выборке медианный доход на человека в месяц составил от 30000 до 40000 рублей. Почти половина респондентов (44%) имели законченное высшее образование и еще 9%

находились в процессе его получения на момент заполнения анкеты. Треть респондентов (30%) закончили среднее специальное образование, и еще 11% – среднее. Большинство респондентов (91%) считают себя людьми русской национальности.

Методики исследования

Для измерения *страха смерти* использовалась шкала «Страх смерти» из методики «Отношение к смерти», разработанной П.Т.П. Вонг и др. (1994) и адаптированной К.А. Чистопольской и др. (2017), состоящая из 4 утверждений ($\alpha = 0,92$; например, «Перспектива собственной смерти вызывает у меня беспокойство») [8; 41]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 – «абсолютно не согласен», а 7 – «абсолютно согласен».

Для измерения *веры в опасный мир* использовалась методика, разработанная Дж. Даккитом и др. (2002) и адаптированная О.А. Гулевич и др. (2014), состоящая из 5 утверждений ($\alpha = 0,84$; например, «В этом мире, где все выступают против всех, нужно быть безжалостным») [1; 16]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 – «совершенно не согласен», а 7 – «совершенно согласен».

Для измерения *веры в конкурентный мир* использовалась короткая версия методики, разработанной Дж. Даккитом и др. (2002) и адаптированной О.А. Гулевич и др. (2014), состоящая из 5 утверждений ($\alpha = 0,80$; например, «Все говорят о том, что наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос») [1; 16]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 – «абсолютно не согласен», 7 – «полностью согласен».

Для измерения переживания социальных угроз (бедность ($\alpha = 0,86$) и

социально-экономическое неравенство ($\alpha = 0,88$)) использовалась переведенная на русский язык шкала финансовой угрозы, разработанная З. Марьянович и др. (2013) и адаптированная И.С. Прусовой и др. в предварительном исследовании, включающая 3 вопроса (например, «Насколько сильно вы переживаете из-за [проблемы]?») [28]. Респонденты отвечали на вопросы по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем нет», а 5 – «очень сильно».

Для измерения *поддержки равного/неравного распределения доходов* использовалась переведенная на русский язык методика убеждений о неравенстве, разработанная Дж.Р. Клюгель и Е.Р. Смит (1986) и адаптированная И.С. Прусовой и др. в предварительном исследовании, состоящая из 2-х субшкал: поддержка неравного распределения доходов (4 утверждения; $\alpha = 0,89$; например, «Равное распределение доходов сделает жизнь скучной, потому что все люди будут жить одинаково») и поддержка равного распределения доходов (3 утверждения; $\alpha = 0,78$; например, «Равное распределение доходов необходимо, так как потребности каждой семьи в еде, жилье и т.д. одинаковы») [27]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 – «абсолютно не согласен», а 7 – «абсолютно согласен».

Для измерения *дохода* использовалась шкала из 14 категорий от «0» до «более 200000». Участникам исследования было необходимо отметить уровень дохода семьи.

Для измерения *образования* респондентам предлагалось отметить релевантный уровень – от «начального образования» до «два и более высших образований», соответствующий последней полученной ступени образования.

Результаты

Анализ данных проводился в RStudio с использованием процедур корреляционного и регрессионного анализа [35]. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 1. Было получено, что поддержка как равного, так и неравного распределения доходов позитивно связана со страхом смерти. Однако поддержка неравногораспределения доходов позитивно связана с верой в конкурентный мир и негативно — с переживанием угроз бедности и социально-экономического неравенства, в то время как поддержка политики равного распределения доходов позитивно связана с верой в опасный мир, переживанием угроз социально-экономического неравенства и бедности. Согласно результатам корреляционного анализа, переживания угроз бедности и социально-экономического неравенства позитивно связаны, и в том числе отмечаются положительные корреляции со страхом смерти и верой в опасный мир. В области социальных верований было обнаружено, что вера в опасный мир позитивно связана с верой в конкурентный мир и страхом смерти. Относительно социально-демографических характеристик можно отметить, что люди с более высоким доходом в большей мере поддерживают политику неравного распределения доходов и верят в «конкурентное» устройство мира. При этом мужчины в меньшей степени испытывают страх смерти, но в большей — верят в «конкурентное» устройство мира.

Для изучения вклада воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения доходов использовалось моделирование структурными уравнениями (Structural equation modeling) (RStudio, lavaan, 06-

8) [35]. Для оценки параметров модели SEM использован метод максимального правдоподобия и оптимизатор NLMINB (Estimator ML, Optimization method NLMINB). Переменные модели рассматривались как латентные, измерение которых осуществлялось через оценку ряда наблюдаемых индикаторов посредством шкал. Для оценки качества модели учитывались значения ряда показателей: сравнительный индекс соответствия ($CFI \geq 0,90$), индекс Такера-Льюиса ($TLI \geq 0,90$), среднеквадратическая ошибка аппроксимации ($RMSEA < 0,06$), стандартизованный корень среднеквадратического остатка ($SRMR \leq 0,08$), отношение хи-квадрата к числу степеней свободы ($\chi^2/df < 3$) [37]. Результаты моделирования структурными уравнениями, представленные в табл. 2 и рисунке, показали, что исследуемая модель продемонстрировала хорошее соответствие данным $\chi^2 (378) = 847$; $RMSEA = 0,046$ [0,042; 0,050]; $SRMR = 0,051$; $TLI = 0,937$; $CFI = 0,944$. В рамках исследования было получено, что вера в опасный мир вносит положительный вклад в поддержку равного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,18$; $p = 0,001$), а вера в конкурентный мир — в поддержку неравногораспределения доходов ($\beta_{std} = 0,37$; $p < 0,001$). Страх смерти вносит положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,13$; $p = 0,005$). Переживание угрозы социально-экономического неравенства вносит положительный вклад в поддержку политики равного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,40$; $p < 0,001$). Относительно контрольных переменных отмечается положительный вклад только дохода в поддержку политики неравного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,08$; $p = 0,043$).

Таблица 1

Описательные статистики и интеркорреляции между воспринимаемыми угрозами, принципами распределения доходов и социально-демографическими переменными

№	Переменные	M	SD	a	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Страх смерти	4,11	1,89	0,92									
2	Вера в опасный мир	4,32	1,30	0,84	0,22**								
3	Вера в конкурентный мир	3,29	1,27	0,80	0,06	0,17**							
4	Угроза бедности	3,11	0,91	0,86	0,25***	0,28***	-0,04						
5	Угроза неравенства	2,97	0,88	0,88	0,20***	0,31***	-0,03	0,74***					
6	Политика неравного распределения	3,40	1,58	0,89	0,10*	-0,01	0,32***	-0,12*	-0,16***				
7	Политика равного распределения	4,00	1,43	0,78	0,13**	0,25***	0,00	0,27***	0,33***	-0,24***			
8	Доход	4,02	1,24		0,02	-0,04	0,10*	-0,01	-0,06	0,13**	-0,14***		
9	Образование	3,60	1,11		0,02	-0,01	-0,03	0,02	0,06	-0,00	-0,07	0,22***	
10	Пол				0,12**	0,03	-0,11**	-0,02	-0,02	-0,03	0,01	-0,01	0,12**

Примечания: В оценке корреляций использован коэффициент г Пирсона. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. Пол (1 = Мужчина; 2 = Женщина), жирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции между переменными.

Таблица 2

Вклад воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравногораспределения дохода

Независимые переменные	Поддержка неравногораспределения					Поддержка равногораспределения						
	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>CI</i>	<i>z</i>	<i>p</i>	<i>Bstd</i>	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>CI</i>	<i>z</i>	<i>p</i>	<i>Bstd</i>
Страх смерти	0,11	0,04	[0,03; 0,18]	2,83	0,005	0,13	0,03	0,03	[-0,03; 0,09]	0,98	0,327	0,05
Вера в опасный мир	-0,10	0,08	[-0,25; 0,06]	-1,24	0,216	-0,06	0,22	0,07	[0,09; 0,36]	3,28	0,001	0,48
Вера в конкурентный мир	0,69	0,10	[0,49; 0,90]	6,64	< 0,001	0,37	-0,05	0,07	[-0,19; 0,10]	-0,67	0,505	-0,04
Угроза бедности	0,09	0,20	[-0,29; 0,48]	0,48	0,629	0,05	-0,17	0,17	[-0,50; 0,15]	-1,05	0,292	-0,12
Угроза социально-экономического неравенства	-0,34	0,19	[-0,71; 0,02]	-1,83	0,067	-0,19	0,57	0,16	[0,26; 0,89]	3,54	< 0,001	0,40
Пол	0,00	0,12	[-0,24; 0,25]	0,01	0,990	0,00	-0,02	0,11	[-0,22; 0,19]	-0,17	0,868	-0,01
Доход	0,12	0,06	[0,00; 0,24]	2,02	0,043	0,08	-0,08	0,05	[-0,17; 0,02]	-1,61	0,108	-0,07
Образование	-0,03	0,05	[-0,13; 0,07]	-0,63	0,530	-0,03	-0,05	0,04	[-0,14; 0,03]	-1,21	0,228	-0,05
<i>R</i> ²				0,18						0,19		

Примечания: *B* – нестандартизированный регрессионный коэффициент, *SE* – стандартная ошибка, *CI* – 95% доверительный интервал, *z* – *z*-оценка, *p* – уровень значимости, *Bstd* – стандартизованный регрессионный коэффициент; жирным шрифтом выделены статистически значимые связи между переменными.

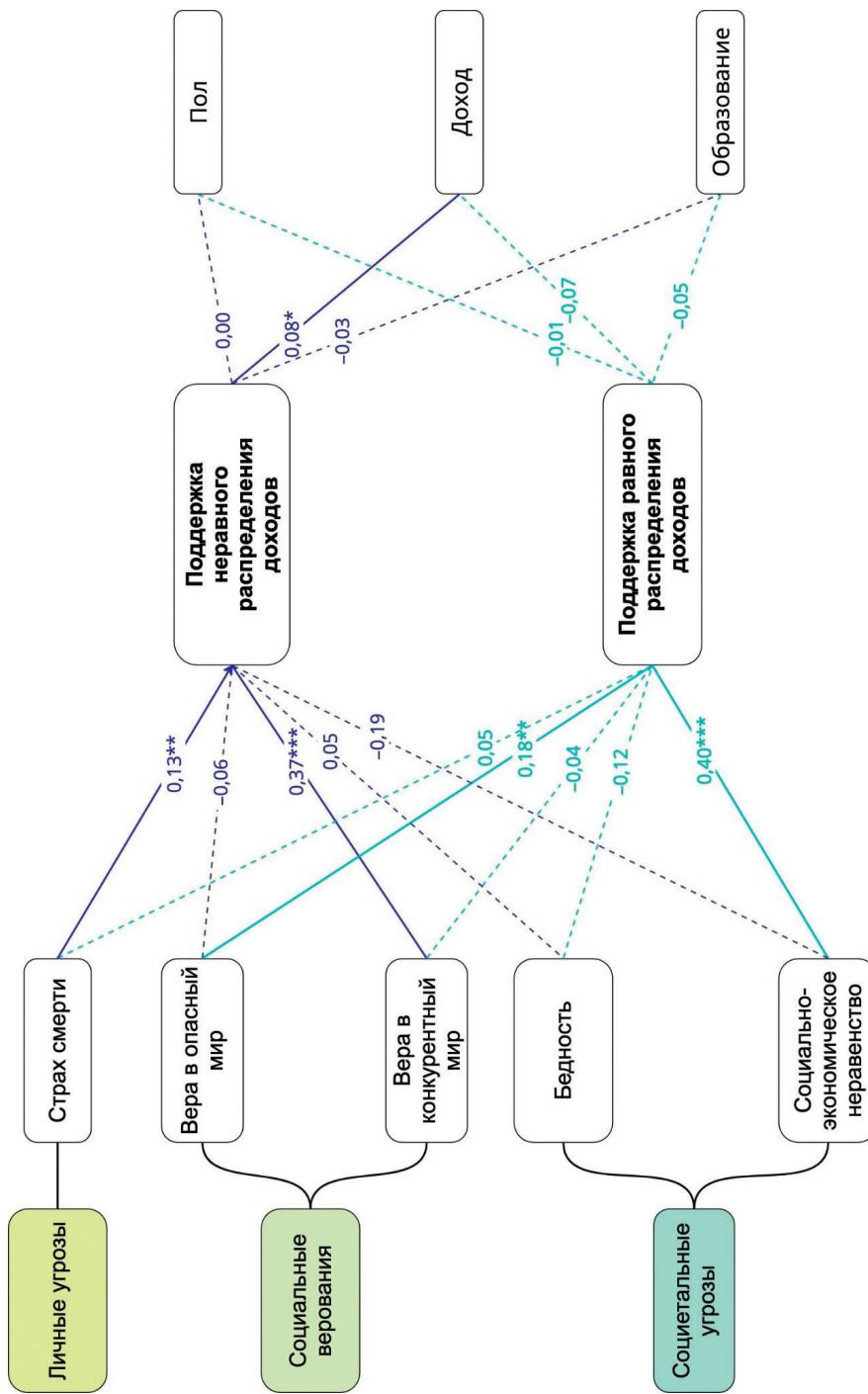

Рис. Вклад воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения доходов

Обсуждение результатов

Цель настоящего исследования состояла в изучении вклада воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения доходов. Было получено, что воспринимаемые угрозы приводят к поддержке разных принципов распределения: страх смерти и вера в конкурентный мир вносят положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов, в то время как восприятие социетальных угроз и вера в опасный мир — политики равного распределения доходов.

Страх смерти как пример переживания личной угрозы вносит положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов. Результаты прошлых исследований также свидетельствуют о том, что страх смерти приводит к поддержке неравенства, повышению привлекательности денег и статусных товаров [10; 25]. Неравенство выполняет компенсаторную функцию восстановления контроля, предлагая простые решения для «повышения» выживаемости благодаря большему количеству ресурсов при достижении высокого положения в социальной иерархии [21]. В рамках теории управления страхом смерти неравенство также можно рассматривать через перспективу культурного буфера, который включает культурное мировоззрение и самооценку. С одной стороны, принцип неравного распределения и меритократические ценности могут выступать основаниями культурного мировоззрения, которое в условиях страха смерти поляризуется, с другой — дополнительным источником для «поддержания» самооценки, предлагая простые решения для достижения успеха и воспринимаемой самоэффективности [10].

Социальные верования вносят вклад в поддержку разных принципов рас-

пределения доходов: вера в конкурентный мир вносит положительный вклад в поддержку неравного распределения доходов, в то время как вера в опасный мир — равного распределения доходов. Люди, воспринимающие мир как поле конкурентной борьбы за ресурсы, могут видеть в социальной иерархии потенциальную «защиту» в условиях социально-экономической нестабильности, которая предлагает простую систему координат и понятный механизм для достижения благополучия [22]. Такой способ организации отношений предполагает, что высокий статус предоставляет доступ к ресурсам, которые могут обеспечить безопасность от экономических угроз [16].

Для людей, представляющих мир как угрожающее и непредсказуемое место, политика равного распределения доходов может выступать гарантией социального порядка, стабильности, то есть простым решением для восстановления чувства безопасности [22]. Согласно результатам прошлых исследований, коллективные угрозы приводят к большей поддержке патернализма и контроля со стороны государства в разных сферах [33]. По данным опросов общественного мнения, в 2022 году в ситуации геополитических изменений большинство (55%) россиян поддержали идею о том, что государство должно сокращать различие в доходах между людьми [3].

При анализе вклада переживания социетальных угроз было получено, что только социально-экономическое неравенство вносит положительный вклад в поддержку политики равного распределения доходов. Полученные результаты могут свидетельствовать о большей актуальности представленной угрозы в сравнении с бедностью. Например, результаты опросов общественного мнения показывают, что при определении

ключевых страхов в 2023 году россияне отметили социально-экономическое неравенство [2]. В том числе для угрозы бедности альтернативные решения и установки могут быть более релевантными, как, например, политики перераспределения или патернализма [34]. В отношении угрозы социально-экономического неравенства результаты соотносятся с прошлыми исследованиями в поддержке политики перераспределения (более эффективное распределение богатства между гражданами) как одного из примеров про-эгалитарной политики [20; 36]. Возможность столкновения с угрозой социально-экономического неравенства может приводить к низкой готовности оценивать существующее неравенство как легитимное и справедливое и, как следствие, приводить к большей поддержке политики равного распределения доходов [24].

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что ответ на воспринимаемые угрозы не является универсальным и напрямую зависит от специфики угрозы. Вера в конкурентный мир и страх смерти актуализируют стремление к материальной выгоде для защиты в условиях экономической нестабильности, и политика неравного распределения доходов выступает гарантией доступа к необходимым ресурсам [23]. Представление о мире как опасном и переживание угрозы социально-экономического неравенства вызывают большую поддержку политики равного распределения доходов, которая выступает доступным решением для сохранения социального порядка в условиях повышенной неопределенности [23]. Кроме того, в восприятии людей разные принципы распределения представляют не одно основание с разными полюсами, а независимые измерения социально-

го устройства. В российском контексте эгалитарные и меритократические ценности не являются взаимоисключающими, из-за чего люди могут одновременно поддерживать разные установки в ответ на воспринимаемые угрозы [38].

В рамках настоящего исследования можно выделить ряд ограничений и направлений для будущих исследований. Во-первых, в исследовании приняли участие люди с относительно низким уровнем социально-экономического статуса, что может быть связано с большей чувствительностью к вопросу распределения дохода [19]. Результаты прошлых исследований показывают, что люди с низким уровнем дохода в большей степени поддерживают политику равного распределения доходов [19]. В последующих исследованиях необходимо обратиться к расширению социально-экономических групп для анализа. Во-вторых, исследование проводилось в ситуации экономического кризиса, о чем свидетельствуют негативные тенденции на макроэкономическом уровне в виде роста инфляции и снижения темпов роста ВВП [6]. Это также могло привести к повышению роли рассматриваемых установок вне зависимости от рассматриваемых угроз [23]. Для анализа динамики выявленных связей требуется проведение лонгитюдных исследований с учетом социально-экономических показателей. В-третьих, в рамках исследования рассматривалось восприятие только бессубъектных экономических угроз на социальном уровне, для более комплексного анализа в последующих работах необходимо обратиться к анализу субъектных экономических угроз, в которых более отчетливо проявляется источник угрозы (мошенничество, санкции, финансовые пирамиды) [24]. В-четвертых, в исследовании рассматривались политики равного и

неравного распределения доходов, и перспективой для будущих исследований выступает анализ меритократических и эгалитарных ценностей россиян на уровне культурного мировоззрения для оценки поляризации в ситуации угрозы.

Выводы

На основе настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Политика равного распределения доходов позволяет справиться с переживанием социально-экономических угроз (социально-экономического неравенства) и представлением о мире как опасном месте. Принцип эгалитарного распределения доходов выступает гарантией социального порядка и стабильности, предлагая необходимые ресурсы для восстановления чувства безопасности.

2. Политика неравного распределения доходов позволяет справиться с переживанием личных угроз (страха смерти) и представлением о мире как конкурентом месте. Социальная иерархия предлагает простую систему координат, где обладание высоким статусом, с одной стороны, предполагает доступ к необходимым ресурсам для достижения преимущества в ситуации конкуренции, а с другой стороны, выступает дополнительным источником для поддержания позитивного представления о себе для совладания с личными угрозами.

3. Принципы равного и неравного распределения доходов в российском контексте представляют не континuum, а автономные основания, что может свидетельствовать о специфике социально-экономического контекста.

Литература

- Гулевич О.А., Аникеенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 2. С. 68–89.
- Индекс страхов – ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (дата обращения: 28.04.2024).
- Неравенство доходов: мониторинг – Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring> (дата обращения: 28.04.2024).
- Прусова И.С. Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве // Социальная психология и общество. 2021. Том. 12. № 3. С. 103–127. DOI:10.17759/sps.2021120308
- Прусова И.С., Богатырева Н.И., Агадуллина Е.Р. Роль потребностей в поддержании легитимизирующих социально-политический статус-кво установок в российском контексте // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Том 19. № 4. С. 781–797. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-4-781-797
- Росстат представляет вторую оценку ВВП за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/F72U7n> (дата обращения: 24.06.2024).
- Социальная справедливость: мониторинг – Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 29.04.2024).
- Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озаль С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4(29). С. 43–55.
- Agadullina E.R. The Role of Income in System Justification // Psychology in Russia: State of the Art. 2023. Vol. 16. № 1. P. 66–76. DOI:10.11621/PIR.2023.0104

10. Arndt J., Solomon S., Kasser T., Sheldon K.M. The Urge to Splurge: A Terror Management Account of Materialism and Consumer Behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 2004. Vol. 14. № 3. P. 198–212. DOI:10.1207/s15327663jcp1403_2
11. Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. Political Conservatism and Left – Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 3. P. 409–417. DOI:10.1111/pops.12000
12. Burke B.L., Kosloff S., Landau M.J. Death goes to the polls: A meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 2. P. 183–200. DOI:10.1111/pops.12005
13. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. World Inequality Report 2022, World Inequality Lab [Electronic resource]. URL: wir2022.wid.world (дата обращения: 30.08.2024).
14. Cho Y., Fang Z., Sim N.C.S. Meritocratic beliefs and economic growth: A mediating effect of economic inequality // *Asia and the Global Economy*. 2023. Vol. 3. № 2. P. 1–9. DOI:10.1016/j.aglobe.2023.100072
15. Du H., King R.B. What predicts perceived economic inequality? The roles of actual inequality, system justification, and fairness considerations // *British Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 61. № 1. P. 19–36. DOI:10.1111/bjso.12468
16. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83. № 1. P. 75–93. DOI:10.1037/0022-3514.83.1.75
17. Friesen J.P., Kay A.C., Eibach R.P., Galinsky A.D. Seeking structure in social organization: Compensatory control and the psychological advantages of hierarchy // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. № 4. P. 590–609. DOI:10.1037/a0035620
18. Fritzsche I. Agency Through the We: Group-Based Control Theory // *Current Directions in Psychological Science*. 2022. Vol. 31. № 2. P. 194–201. DOI:10.1177/09637214211068838
19. García-Castro J.D., González R., Frigoletto C., Jiménez-Moya G., Rodríguez-Bailón R., Willis G. Changing attitudes toward redistribution: The role of perceived economic inequality in everyday life and intolerance of inequality // *The Journal of social psychology*. 2023. Vol. 163. № 4. P. 566–581. DOI:10.1080/00224545.2021.2006126
20. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // *Economics & Politics*. 2018. Vol. 30. № 1. P. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
21. Goode C., Keefer L.A., Molina L.E. A compensatory control account of meritocracy // *Journal of Social and Political Psychology*. 2014. Vol. 2. № 1. P. 313–334. DOI:10.5964/jspp.v2i1.372
22. Jost J.T. Left and right: The psychological significance of a political distinction. Oxford University Press, 2021. P. 392.
23. Jost J.T., Stern C., Rule N.O., Sterling J. The politics of fear: Is there an ideological asymmetry in existential motivation? // *Social cognition*. 2017. Vol. 35. № 4. P. 324–353. DOI:10.1521/soco.2017.35.4.324
24. Kahn D.T., Björklund F., Hirschberger G. The Intent and Extent of Collective Threats: A Data-Driven Conceptualization of Collective Threats and Their Relation to Political Preferences // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2022. Vol. 151. № 5. P. 1178–1198. DOI:10.1037/xge0000868
25. Kasser T., Sheldon K.M. Of wealth and death: materialism, mortality salience, and consumption behavior // *Psychological science*. 2000. Vol. 11. № 4. P. 348–351. DOI:10.1111/1467-9280.00269
26. Kay A.C., Gaucher D., Napier J.L., Callan M.J., Laurin K. God and the Government: Testing a Compensatory Control Mechanism for the Support of External Systems // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 18–35. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.18
27. Kluegel J.R., Smith E.R. Beliefs about Inequality: Americans' Views of What Is and What Ought to Be. Social Institutions and Social Change. New York: A. de Gruyter, 1986. P. 342.

28. Marjanovic Z., Greenglass E.R., Fiksenbaum L., Bell C.M. Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession // Journal of Economic Psychology. 2013. Vol. 36. P. 1–10. DOI:10.1016/j.jeop.2013.02.005
29. Marketing Democracy: Changing Opinion about Inequality and Politics in East Central Europe. Mason D.S., Kluegel J.R. (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 302.
30. Nilsson A., Jost J.T. The authoritarian-conservatism nexus // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. Vol. 34. P. 148–154. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.03.003
31. Owuamalam C.K., Caricati L., Rubin M., Matos A.S., Spears R. Why do women support socio-economic systems that favour men more? A registered test of system justification- and social identity-inspired hope explanations // European Journal of Social Psychology. 2021. Vol. 51. № 7. P. 1073–1095. DOI:10.1002/ejsp.2754
32. Polacko M. Causes and Consequences of Income Inequality — An Overview // Statistics, Politics and Policy. 2021. Vol. 12. № 2. P. 341–357. DOI:10.1515/spp-2021-0017
33. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia // International Journal of Psychology. 2020. Vol. 55. № 2. P. 305–314. DOI:10.1002/ijop.12571
34. Ronaghi M., Scorsone E. The Impact of Governance on Poverty and Unemployment Control Before and After the Covid Outbreak in the United States // Journal of Poverty. 2023. Vol. 28. № 1. P. 1–21. DOI:10.1080/10875549.2023.2173708
35. Rosseel Y. Journal of Statistical Software lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // Journal of Statistical Software. 2012. Vol. 48. № 2. P. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
36. Schmidt-Catran A.W. Economic inequality and public demand for redistribution: Combining cross-sectional and longitudinal evidence // Socio-Economic Review. 2016. Vol. 14. № 1. P. 119–140. DOI:10.1093/ser/mwu030
37. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review // The Journal of Educational Research. 2006. Vol. 99. № 6. P. 323–338. DOI:10.3200/JOER.99.6.323-338
38. Smith M.L., Matějů P. Two decades of value change: The crystallization of meritocratic and egalitarian beliefs in the Czech Republic // Social Justice Research. 2012. Vol. 25. P. 421–439. DOI:10.1007/s11211-012-0164-9
39. Vargas-Salface S., Paez D., Khan S.S., Liu J.H., Gil de Zúñiga H. System justification enhances well-being: A longitudinal analysis of the palliative function of system justification in 18 countries // The British journal of social psychology. 2018. Vol. 57. № 3. P. 567–590. DOI:10.1111/bjso.12254
40. Wienk M.N.A., Buttrick N.R., Oishi S. The social psychology of economic inequality, redistribution, and subjective well-being // European Review of Social Psychology. 2022. Vol. 33. № 1. P. 45–80. DOI:10.1080/10463283.2021.1955458
41. Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile — Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (Ed.) // Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application. Taylor & Francis, 1994. P. 121–148. DOI:10.4324/9781315800813

References

1. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales]. *Psichologiya. Zhurnal Vysshhei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 68–89. (In Russ.).
2. Indeks strakhov — VCIOM [Elektronnyj resurs] [Fears index]. Available at: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (Accessed 28.04.2024). (In Russ.).

3. Neravenstvo dokhodov: monitoring — Analiticheskii obzor VCIOM [Elektronnyi resurs] [Income inequality: monitoring]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring> (Accessed 28.04.2024). (In Russ.).
4. Prusova I.S. Razrabotka metodiki dlya izmereniya predstavlenii ob ideal'nom gosudarstve [Developing a methodology for measuring perceptions of the ideal state]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 103–127. DOI:10.17759/sps.2021120308 (In Russ.).
5. Prusova I.S., Bogatyreva N.I., Agadullina E.R. Rol' potrebnostei v podderzhaniii legitimiziruyushchikh sotsial'no-politicheskii status-kvo ustanovok v rossiiskom kontekste [The role of needs in maintaining attitudes that legitimize the socio-political status quo in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psichologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022. Vol. 19, no. 4, pp. 781–797. (In Russ.).
6. Rosstat predstavlyayet vtoruyu otsenku VVP za 2022 god [Elektronnyj resurs] [Rosstat presents the second GDP estimate for 2022 year]. URL: <https://goo.su/F72U7n> (Accessed 24.06.2024). (In Russ.).
7. Sotsial'naya spravedlivost': monitoring — Analiticheskii obzor VCIOM [Elektronnyi resurs] [Social justice: monitoring]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (Accessed 29.04.2024). (In Russ.).
8. Sozdanie kratkikh russkoyazychnykh versii oprosnikov «Otnoshenie k smerti» i «Strakh lichnoi smerti» [Construction of short russian versions of death attitude profile-revised and fear of personal death scale]. Chistopol'skaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Ozol' S.N., Chubina S.A. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017. Vol. 8, no. 4(29), pp. 43–55. (In Russ.).
9. Agadullina E.R. The Role of Income in System Justification. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 66–76. DOI:10.11621/PIR.2023.0104
10. The Urge to Splurge: A Terror Management Account of Materialism and Consumer Behavior. Arndt J., Solomon S., Kasser T., Sheldon K.M. *Journal of Consumer Psychology*, 2004. Vol. 14, no. 3, pp. 198–212. DOI:10.1207/s15327663jcp1403_2
11. Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. Political Conservatism and Left – Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 3, pp. 409–417. DOI:10.1111/pops.12000
12. Burke B.L., Kosloff S., Landau M.J. Death goes to the polls: A meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 2, p. 183–200. DOI:10.1111/pops.12005
13. World Inequality Report 2022, World Inequality Lab [Electronic resource]. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. URL: wir2022.wid.world (Accessed 30.08.2024).
14. Cho Y., Fang Z., Sim N.C.S. Meritocratic beliefs and economic growth: A mediating effect of economic inequality. *Asia and the Global Economy*, 2023. Vol. 3, no. 2, pp. 1–9. DOI:10.1016/j.aglobe.2023.100072
15. Du H., King R.B. What predicts perceived economic inequality? The roles of actual inequality, system justification, and fairness considerations. *British Journal of Social Psychology*, 2022. Vol. 61, no. 1, pp. 19–36. DOI:10.1111/bjso.12468
16. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 1, pp. 75–93. DOI:10.1037/0022-3514.83.1.75
17. Seeking structure in social organization: Compensatory control and the psychological advantages of hierarchy. Friesen J.P., Kay A.C., Eibach R.P., Galinsky A.D. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2014. Vol. 106, no. 4, pp. 590–609. DOI:10.1037/a0035620
18. Fritzsche I. Agency Through the We: Group-Based Control Theory. *Current Directions in Psychological Science*, 2022. Vol. 31, no. 2, pp. 194–201. DOI:10.1177/09637214211068838

19. Changing attitudes toward redistribution: The role of perceived economic inequality in everyday life and intolerance of inequality. García-Castro J.D., González R., Frigolett C., Jiménez-Moya G., Rodríguez-Bailón R., Willis G. *The Journal of social psychology*, 2023. Vol. 163, no. 4, pp. 566–581. DOI:10.1080/00224545.2021.2006126
20. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 2018. Vol. 30, no. 1, pp. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
21. Goode C., Keefer L.A., Molina L.E. A compensatory control account of meritocracy. *Journal of Social and Political Psychology*, 2014. Vol. 2, no. 1, pp. 313–334. DOI:10.5964/jspp.v2i1.372
22. Jost J.T. Left and right: The psychological significance of a political distinction. Oxford University Press, 2021. 392 p.
23. The politics of fear: Is there an ideological asymmetry in existential motivation? Jost J.T., Stern C., Rule N.O., Sterling J. *Social cognition*, 2017. Vol. 35, no. 4, pp. 324–353. DOI:10.1521/soco.2017.35.4.324
24. Kahn D.T., Björklund F., Hirschberger G. The Intent and Extent of Collective Threats: A Data-Driven Conceptualization of Collective Threats and Their Relation to Political Preferences. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2022. Vol. 151, no. 5, pp. 1178–1198. DOI:10.1037/xge0000868
25. Kasser T., Sheldon K.M. Of wealth and death: materialism, mortality salience, and consumption behavior. *Psychological science*, 2000. Vol. 11, no. 4, pp. 348–351. DOI:10.1111/1467-9280.00269
26. God and the Government: Testing a Compensatory Control Mechanism for the Support of External Systems. Kay A.C., Gaucher D., Napier J.L., Callan M.J., Laurin K. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95, no. 1, pp. 18–35. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.18
27. Kluegel J.R., Smith E.R. Beliefs about Inequality: Americans' Views of What Is and What Ought to Be. Social Institutions and Social Change. New York: A. de Gruyter, 1986. 342 p.
28. Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession. Marjanovic Z., Greenglass E.R., Fiksenbaum L., Bell C.M. *Journal of Economic Psychology*, 2013. Vol. 36, pp. 1–10. DOI:10.1016/j.jeop.2013.02.005
29. Marketing Democracy: Changing Opinion about Inequality and Politics in East Central Europe. Mason D.S., Kluegel J.R. (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, 2000. 302 p.
30. Nilsson A., Jost J.T. The authoritarian-conservatism nexus. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 34, pp. 148–154. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.03.003
31. Why do women support socio-economic systems that favour men more? A registered test of system justification- and social identity-inspired hope explanations. Owuamalam C.K., Caricati L., Rubin M., Matos A.S., Spears R. *European Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 51, no. 7, pp. 1073–1095. DOI:10.1002/ejsp.2754
32. Polacko M. Causes and Consequences of Income Inequality – An Overview. *Statistics, Politics and Policy*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 341–357. DOI:10.1515/spp-2021-0017
33. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia. *International Journal of Psychology*, 2020. Vol. 55, no. 2, pp. 305–314. DOI:10.1002/ijop.12571
34. Ronaghi M., Scorsone E. The Impact of Governance on Poverty and Unemployment Control Before and After the Covid Outbreak in the United States. *Journal of Poverty*, 2023. Vol. 28, no. 1, pp. 1–21. DOI:10.1080/10875549.2023.2173708
35. Rosseel Y. Journal of Statistical Software lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012. Vol. 48, no. 2, pp. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
36. Schmidt-Catran A.W. Economic inequality and public demand for redistribution: Combining cross-sectional and longitudinal evidence. *Socio-Economic Review*, 2016. Vol. 14, no. 1, pp. 119–140. DOI:10.1093/ser/mwu030

37. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. *The Journal of Educational Research*, 2006. Vol. 99, no. 6, pp. 323–338. DOI:10.3200/JOER.99.6.323-338
38. Smith M.L., Matějů P. Two decades of value change: The crystallization of meritocratic and egalitarian beliefs in the Czech Republic. *Social Justice Research*, 2012. Vol. 25, pp. 421–439. DOI:10.1007/s11211-012-0164-9
39. System justification enhances well-being: A longitudinal analysis of the palliative function of system justification in 18 countries. Vargas-Salfate S., Paez D., Khan S.S., Liu J.H., Gil de Zúñiga H. *The British journal of social psychology*, 2018. Vol. 57, no. 3, pp. 567–590. DOI:10.1111/bjso.12254
40. Wienk M.N.A., Buttrick N.R., Oishi S. The social psychology of economic inequality, redistribution, and subjective well-being. *European Review of Social Psychology*, 2022. Vol. 33, no. 1, pp. 45–80. DOI:10.1080/10463283.2021.1955458
41. Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile — Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (Ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. Taylor & Francis, 1994, pp. 121–148. DOI:10.4324/9781315800813

Информация об авторах

Прудова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, заместитель руководителя Департамента психологии, доцент Департамента психологии, заведующий Научно-учебной лабораторией психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Горохова Анна Сергеевна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Information about the authors

Irina S. Prusova, PhD in Psychology, Deputy Head of School of Psychology, Associate Professor of School of Psychology, Head of Lab for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Anna S. Gorokhova, Research Intern in Lab for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Получена 30.04.2024

Received 30.04.2024

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

Examining the Effect of Workplace Incivility on Affective Job Insecurity: Insights from Vietnam

The-Ngan Ma

VNU University of Economics and Business, Ha Noi, Viet Nam

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6378-3757, e-mail: nganmt@vnu.edu.vn

Vu Hong Van

University of Finance-Marketing, Ho Chi Minh City, Viet Nam

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6376-7143, e-mail: vhvan@ufm.edu.vn

Dao Thi Ha Anh

VNU University of Economics and Business, Ha Noi, Viet Nam

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4475-6152, e-mail: daohaanh@vnu.edu.vn

Nguyen The Kien

VNU University of Economics and Business, Ha Noi, Viet Nam

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9404-5239, e-mail: nguyenthekien@vnu.edu.vn

Objective. This study examines the impact of workplace incivility from coworkers and supervisors on employees' affective job insecurity in Vietnam and explores the moderating role of collectivist value orientation.

Background. While workplace incivility negatively affects employees' psychological well-being and job security, most research has focused on Western contexts. This study addresses the gap by investigating these dynamics in Vietnam, where collectivist values and high power distance are prevalent.

Study Design. The study employs a cross-sectional design with survey data collected from employees in various Vietnamese organizations. The relationships are analyzed using hierarchical regression.

Participants. The study sample consists of 359 employees from diverse industries in Vietnam.

Measurements. Workplace incivility was measured using the Workplace Incivility Scale, affective job insecurity through a seven-item scale, and collectivist value orientation using a six-item scale.

Results. Both coworker and supervisor incivility significantly increase affective job insecurity, with supervisor incivility having a stronger effect. Collectivist value orientation moderates the relationship between coworker incivility and job insecurity but not supervisor incivility.

Conclusions. The study highlights the stronger impact of supervisor incivility on job insecurity and the role of cultural values in shaping responses to incivility, suggesting that HR practices should align with collectivist values in Vietnamese organizations.

Keywords: supervisor incivility; coworker incivility; affective job insecurity; collectivist value orientation.

For citation. Ma T.N., Vu H.V., Dao T.H.A., Nguyen T.K. Examining the Effect of Workplace Incivility on Affective Job Insecurity: Insights from Vietnam. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160105> (In Russ.).

Влияние недоброжелательного отношения коллег на эмоциональное состояние сотрудников: опыт Вьетнама

Ма Т.Н.

Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, Вьетнам

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6378-3757>, e-mail: nganmt@vnu.edu.vn

Ву Х.В.

Университет финансов и маркетинга, г. Хошимин, Вьетнам

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6376-7143>, e-mail: vhvan@ufm.edu.vn

Дао Т.Х.А.

Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, Вьетнам

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4475-6152>, e-mail: daohaanh@vnu.edu.vn

Нгуен Т.К.

Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, Вьетнам

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9404-5239>, e-mail: ngyuenthekien@vnu.edu.vn

Цель. Анализ влияния недоброжелательного отношения со стороны коллег и руководителей на выраженность чувства безопасности сотрудника на рабочем месте; выявление характера воздействия коллективистической ценностной ориентации на восприятие межличностных отношений работников во Вьетнаме.

Контекст и актуальность. Неприязнь со стороны членов рабочего коллектива негативно влияет на психологическое благополучие сотрудников, а также на их чувство безопасности на рабочем месте. Большинство исследований по этой теме проведено в западных странах без учета культурных особенностей азиатских сообществ. Данное исследование восполняет этот пробел, так как в нем изучается характер взаимоотношений сотрудников во Вьетнаме — страны с преобладанием коллективистических ценностей и большой дистанцией власти.

Дизайн исследования. Онлайн-опрос сотрудников вьетнамских организаций различных сфер деятельности. Данные исследования анализировались с помощью иерархической регрессии.

Участники. 359 сотрудников предприятий различных отраслей промышленности Вьетнама. Респонденты различались по полу, возрасту, уровню образования, опыту работы.

Методы (инструменты). Неприязнь на рабочем месте измерялась с помощью шкалы «Недоброжелательность на рабочем месте»; чувство незащищенности сотрудника на рабочем месте — с помощью опросника, разработанного Хуангом и Ли; коллективистская ценностная ориентация — с помощью шкалы Паттерсона и Коули.

Результаты. Неприязнь со стороны коллег и руководителя значительно понижает у сотрудника доверие к ним и ощущение уверенности в их поддержке, тем самым уменьшая чувство безопасности на рабочем месте, причем неприязнь со стороны руководителя оказывает более сильное влияние на работника. Коллективистская ценностная ориентация модерирует связь между недоброжелательностью сослуживцев и отсутствием чувства безопасности на работе у сотрудника: влияние недоброжелательности со стороны коллег выше среди людей с высокой коллективистской ориентацией по сравнению с сотрудниками с низкой коллективистской ориентацией; при проявлении недоброжелательности со стороны руководителя отсутствие чувства безопасности у сотрудника не зависит от степени выраженности у него коллективистской ориентации.

Выводы. На отсутствие чувства безопасности у сотрудника на рабочем месте более сильное влияние оказывает недоброжелательность со стороны руководителя по сравнению с рядовыми членами организации. В формировании у сотрудников реакции на недоброжелательность значительную роль играют культурные ценности общества. Полагаем, что практика управ-

ления персоналом должна соответствовать коллективистическим ценностям, принятым во вьетнамских организациях.

Ключевые слова: недоброжелательность со стороны руководителя; недоброжелательное отношение к коллегам; неуверенность в себе; коллективистическая ценностная ориентация.

Для цитаты: Ма Т.Н., Ву Х.В., Дао Т.Х.А., Нгуен Т.К. Влияние недоброжелательного отношения коллег на эмоциональное состояние сотрудников: опыт Вьетнама // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160105>

Introduction

Workplace incivility is characterized as a mild form of inappropriate workplace conduct where the individual exhibiting such behavior possesses unclear intentions to cause harm [3]. Over the course of the last two decades, scholars and researchers have dedicated significant attention and effort to the examination and analysis of this behavior. Workplace incivility is attributed to having a negative nature, as it adversely impacts the work environment and interpersonal relationships among employees [2; 3; 8]. Various negative consequences have been demonstrated including burnout [22], emotional exhaustion [49], job stress [9; 14; 43], organizational citizenship behavior [1; 66], and work engagement [20].

Nevertheless, the body of literature on workplace incivility continues to exhibit certain limitations. First, while there is a diversity of perpetrators of incivility [7; 23; 59], a majority of prior studies have explored workplace incivility without explicitly identifying the sources (e.g., coworkers and supervisors) [5; 14; 32; 33]. To deepen our understanding of workplace incivility, researchers should investigate how the effects of incivility differ when it originates from coworkers versus supervisors [21; 23; 59].

Second, existing studies, primarily conducted in western countries, fail to capture cultural characteristics of Asian societies [25; 74]. Incivility is currently an important issue in Asian organizations and deserves more academic attention [2]. When

national culture influences an individual's attitudes and behaviors, translating results from a Western context to an Asian one becomes challenging due to distinct social, cultural, and political disparities [25]. Specifically, in Vietnamese organizations with higher power distance and collectivism value, employees are more inclined to accept power inequality within the hierarchical structure [27; 68]. This study aims to fill this gap by comparing the impact of incivility from coworkers and supervisors when linking to affective job insecurity.

The theoretical framework for this study is based on the dyadic relational perspective [16; 42; 54; 62] and Hofstede's cultural framework [27; 28]. The dyadic relational perspective highlights the significance of power dynamics between the two parties when assessing the outcomes of their interaction, particularly in negative events [16; 42; 54]. This suggests that the severity of workplace incivility is influenced by the relative power of the perpetrator. In this context, we examine how supervisor incivility, which stems from a position of higher authority, may have a stronger impact on employees compared to coworker incivility which occurs between peers. In addition, collectivism, a dimension in Hofstede's cultural framework, may play a central role in shaping employees' reactions to workplace behavior. Employees with strong collectivist values are more likely to prioritize group harmony and interpersonal relationships [27; 28] which can amplify their emotional

response to incivility, thereby influencing the extent to which it contributes to job insecurity. Together, these theoretical lenses provide a robust framework for understanding how workplace incivility, influenced by both relational power dynamics and cultural values, affects affective job insecurity in Vietnamese organizations.

Literature review

Workplace Incivility and Job Insecurity

Scholars define job insecurity as the perceived inability to maintain desired job continuity, accompanied by concerns about job permanence and stability [12; 18; 71]. It embodies the extent to which employees perceive their jobs, or crucial aspects thereof, to be under threat and feel powerless to address it [29; 63]. A notable differentiation among various conceptualizations of job insecurity lies in the emphasis on cognitive versus affective aspects: cognitive job insecurity pertains to the perception of the likelihood of adverse changes in one's job, such as job loss or the erosion of attractive job attributes; affective job insecurity encompasses the emotional dimensions of the job insecurity experience, including feelings of concern, worry, or anxiety about potential job loss or the loss of specific job characteristics [47]. To our knowledge, Hershcovis and colleagues stand as the sole researchers who have undertaken the primary investigation into how workplace incivility leads to job insecurity [24]. However, this study does not differentiate between the cognitive and affective dimensions of job insecurity. Our study complements Hershcovis et al.'s work by exploring the relationship between incivility and affective job insecurity.

Coworker incivility holds the potential to significantly impact employees on a psychological level influencing their perceptions of job security. When individuals are

subjected to disrespectful or rude behavior from their coworkers, it cultivates a negative work environment characterized by hostility and disrespect colleagues [51]. This toxic atmosphere can evoke emotional distress, anxiety, and concern about job stability [58]. The persistence of uncivil behavior can further intensify these emotions, prompting employees to question their value and significance within the organization [23; 24]. In addition, coworker incivility can erode trust within the workplace, exacerbating affective job insecurity. Experiencing disrespectful behavior undermines confidence in the reliability and support of coworkers, leaving employees feeling isolated and vulnerable [23; 24]. This erosion of trust amplifies feelings of insecurity as employees grapple with uncertainty in their workplace relationships [20].

Hypothesis 1: Coworker incivility will be positively related to job insecurity.

Supervisor incivility extends far beyond its immediate impact, potentially setting off a chain of negative consequences such as receiving low ratings or facing disciplinary actions. Schilpzand, de Pater [59] support this view, suggesting that uncivil behavior from supervisors might not be an isolated incident but rather a symptom of deeper issues within the organizational structure. Specifically, when individuals in positions of authority engage in uncivil behavior, it sends a clear message to the recipient that their importance within the organization is diminished and their job security may be in jeopardy. Hershcovis and Barling [23] as well as Kivimaki, Ferrie [35] reinforce this idea, emphasizing how supervisor incivility can create feelings of vulnerability and uncertainty among employees. Furthermore, the presence of supervisor incivility may exacerbate these feelings of insecurity by indicating broader organizational dysfunction or a lack of support from management

[24]. Employees who perceive uncivil behavior from their supervisors as a sign of organizational instability are likely to experience heightened concerns about their job stability and the potential consequences of remaining in such a work environment. This increased uncertainty significantly contributes to the development of affective job insecurity among employees, underscoring the negative impact of supervisor incivility on both organizational morale and employee well-being.

Hypothesis 2: Supervisor incivility will be positively related to job insecurity.

Because incivility often brings along other unfavorable events [30; 59], targets may weigh the consequence of incivility based on instigators' relative power [54]. The more power the instigator has, the more ability he or she can impose disadvantages on the target which results in more adverse consequence. It is suggested that supervisors possess more power than coworkers due to their greater ability to control organizational resources or relationships [17; 62]. Therefore, supervisor incivility may be appraised as more threat to employees, which results in higher levels of job insecurity.

Thus, the following hypothesis is proposed:

Hypothesis 3: The effect of supervisor incivility on job insecurity will be greater than that of coworker incivility.

The Moderating Effects of Individualism—Collectivism Orientation

Individualism-collectivism (I/C), one of the dimensions of Hofstede's cultural framework, reflects the extent to which individuals in a society prioritize group cohesion, shared goals, and mutual support over individual pursuits [26; 28]. This dimension underscores the importance of social har-

mony, cooperation, and interdependence within a community [48]. Understanding the degree of collectivism within a culture provides valuable insights into social structures, decision-making processes, and interpersonal dynamics, contributing to a more nuanced comprehension of cross-cultural interactions and workplace behaviors [72].

While many researchers explore I/C orientation as a national cultural variable ([e.g., 19; 40; 55]), the current study consider it at the individual level. Our study contributes to the rising movement of viewing I/C orientation as an individual cultural value [64; 65]. According to Hofstede's cultural framework, individuals with high collectivism tend to identify closely with their extended families, work groups, or communities, often placing group interests above personal aspirations [26; 28]. Loyalty, cooperation, and a sense of duty to the collective are esteemed values for such individuals. In contrast, low collectivism (or individualism) indicates a greater emphasis on individualism, where personal achievements, autonomy, and individual rights take precedence [56].

Expanding upon established research [13; 34; 75], individuals with a pronounced collectivist orientation are inclined to prioritize group cohesion and interpersonal harmony within organizational settings. Hofstede's cultural framework underscores this notion, suggesting that collectivist individuals are more sensitive to their organizational status and interpersonal dynamics [28]. Consequently, instances of coworker incivility may be perceived as a direct affront to their social standing and group identity [10; 41]. Thus, we posit that the impact of coworker incivility on job insecurity will be accentuated among employees with high collectivist orientation compared to those with low orientation, given their heightened sensitivity to relational dynam-

ics and social norms [11; 31; 36]. The hypothesis presented here is:

Hypothesis 4: Collectivist value orientation will moderate the effect of coworker incivility on job insecurity in such a way that the effect is stronger among employees with high (vs. low) orientation.

Similarly, drawing upon the literature on collectivism and workplace behavior [4; 45], individuals with a strong collectivist orientation tend to accord significant importance to hierarchical harmony and deference to authority figures within organizational hierarchies [13; 72]. Consequently, instances of supervisor incivility may be perceived as particularly injurious to their sense of security and belonging within the organizational framework [15; 44]. Therefore, we propose that the impact of supervisor incivility on job insecurity will be more pronounced among employees with high collectivist orientation compared to those with low orientation, given their proclivity towards group cohesion and deference to authority [23; 51; 53]. The hypothesis presented here is:

Hypothesis 5: Collectivist value orientation will moderate the effect of supervisor incivility on job insecurity in such a way that the effect is stronger among employees with high (vs. low) orientation.

Methods

Participants and Procedure

Survey data were gathered from service personnel within Vietnamese enterprises. Prior to conducting the survey, these establishments were approached to gauge their members' willingness to participate. Employees were briefed on the study's general objectives and assured that their involvement was optional. Each organization received an email outlining the research's purpose along with a link to an online survey. This correspondence also guaranteed

anonymity and confidentiality for all participants. The HR manager was tasked with assessing service staff interest in the survey to ensure voluntary participation and subsequently distributing surveys randomly among employees.

The survey invited 398 employees, with 370 responding, resulting in a 93% response rate. However, 11 responses were unusable due to missing data, resulting in a final sample of 359 employees. Among the respondents, 41% identified as male, and 93% held Bachelor's degrees or higher. The age distribution was predominantly concentrated between 23 and 33 years, accounting for 68% of the sample. Eighteen percent of participants were aged 34 years or older while the smallest proportion was aged 22 years or younger with 14%. In terms of work experience, 47% reported 1 to 6 years, 48% reported 7 to 15 years, and only 5% reported more than 15 years.

The sample encompassed a diverse array of industries, including insurance, information technology, banking, educational services, legal services, logistics, and manufacturing, among others. The largest proportions were from the insurance sector (28%) and information technology (21%). Employing a multi-industry sampling approach aimed to mitigate contextual biases associated with any single field. Notably, all survey participants were non-managerial employees.

Measures

Supervisor and Coworker Incivility. The Workplace Incivility Scale [WIS; 8] was utilized to gauge the frequency of employees' encounters with uncivil behaviors from both superiors and coworkers over the preceding six months. This scale comprises seven items, such as "made demeaning or derogatory remarks about you," "addressed you in unprofessional terms," and "paid little attention to your statements or showed

little interest in your opinion.” Each item was rated on a 5-point Likert-type scale (1 = never; 5 = very often). Cronbach’s α coefficients were 0,86 for supervisor incivility and 0,91 for coworker incivility, indicating high internal consistency.

Affective Job Insecurity. Affective job insecurity was assessed using a seven-item measure developed by Huang, Lee [29]. An example item is “I wish I had more job security in this company.” Participants provided responses on a 5-point rating scale, ranging from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree). The scale demonstrated high reliability, indicated by a Cronbach’s coefficient of 0,90.

Collectivist value orientation. The assessment of collectivist value orientation utilized a six-item measure developed by Patterson, Cowley [50]. Participants provided responses on a 5-point rating scale, ranging from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree). For instance, participants rated items such as “Individuals should remain loyal to their group even in challenging times.” The reliability of the scale was high, with a Cronbach’s α coefficient of 0,75.

Control variables. According to Cheng and Chan [6] demographic variables can influence individuals’ perceptions of job insecurity. To address potential confound-

ing factors, we integrated gender and age as control variables in our study design.

Results

Preliminary Analyses

Descriptive Statistics. Table 1 displays the means, standard deviations, and correlations among the variables in the study. The zero-order correlations of supervisor incivility and coworker incivility with affective job insecurity were 0,36 and 0,35, respectively (both $p < 0,01$). Regarding the control variables, age was found to have a negative significant correlation with affective job insecurity ($r = -0,19$; $p < 0,01$).

Tests of Hypotheses

Hierarchical regression analyses were conducted to test Hypotheses 1, 2, and 3. Initially, a baseline model containing only control variables was examined. Subsequently, coworker and supervisor incivility were introduced into the model to assess their respective effects. In addition, the standardized regression coefficients were compared to evaluate the relative impact of coworker and supervisor incivility. For interpretation purposes, all independent variables, as well as the moderating variable in the subsequent step, were centered around their means.

Table 1

Descriptive Statistics and Correlations

Level	Mean	SD	1	2	3	4	5
Individual							
1. Age	30,00	5,31					
2. Gender ^a	0,41	0,49	-0,07				
3. Supervisor incivility	1,74	0,69	0,07	-0,13*			
4. Coworker incivility	1,69	0,71	-0,02	-0,01	0,72**		
5. Job insecurity	2,05	0,73	-0,19**	0,02	0,36**	0,35**	
6. Collectivist value orientation	2,03	0,65	0,12*	-0,07	0,19**	0,16**	0,31**

Notes. ^a Gender: 1 = male; 0 = female. Degree: 4 = Master Degree; 5 = Doctorate Degree. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Table 2 presents the regression results for supervisor and coworker incivility regarding affective job insecurity. Model 2 revealed positive associations between both supervisor and coworker incivility and employees' affective job insecurity ($\beta = 0,28, p < 0,001$ and $\beta = 0,15, p < 0,05$, respectively). Thus, our data supported Hypotheses 1 and 2.

To assess differences in the effects of incivility from coworkers and supervisors, we utilized standardized regression coefficients [60]. As demonstrated in Model 2, the standardized regression coefficient for coworker incivility was lower than that for supervisor incivility. Therefore, our data supported Hypothesis 3.

In testing Hypotheses 4 and 5, a preliminary model (Model 3) was first developed to test the direct effects of collectivist value orientation on the outcome variable. In the final step (Model 4), the interaction terms were added to test whether collectivist value orientation has moderating effects on the outcome. The results in Model 3 revealed a significant effect of collectivist value orientation on employees' affective job insecurity ($\beta = 0,27, p < 0,001$). In Model 4, the interaction effect of collectivist value ori-

entation with coworker incivility was significant ($\beta = 0,20; p < 0,01$). However, collectivist value orientation did not moderate the effect of supervisor incivility ($\beta = 0,05$, not significant). Thus, Hypotheses 5 was not supported by our data.

A plot was used to examine the nature of the interaction effect between collectivist value orientation and coworker incivility. Figure 1 shows that the effect of coworker incivility was stronger for employees with high collectivist value orientation compared to those with low collectivist value orientation. Thus, our data supported Hypothesis 5.

Discussion

Theoretical Implications

The current study delves into the nuanced effects of both coworker and supervisor incivility on employees' affective job insecurity, offering insights into the distinct contributions of each source of uncivil behavior. Moreover, by investigating the moderating influence of collectivist value orientation, this research expands our understanding of how cultural factors intersect with interpersonal dynamics in the

Table 2

Regression Data for Supervisor and Coworker Incivility on Affective Job Insecurity

Independent and control variable	Anger			
	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4
Age	-0,19***	-0,21***	-0,23***	-0,21***
Gender ^a	0,01	0,04	0,06	0,04
Supervisor incivility		0,28***	0,24***	0,23***
Coworker incivility		0,15*	0,13	0,11
Collectivist value orientation (CO)			0,27***	0,26***
Interaction				
Coworker incivility × CO				0,20**
Supervisor incivility × CO				0,05
R ²	0,04	0,19	0,26	0,32
ΔR ²		0,15	0,05	0,06

Notes. ^a Gender: 1 = male; 0 = female; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

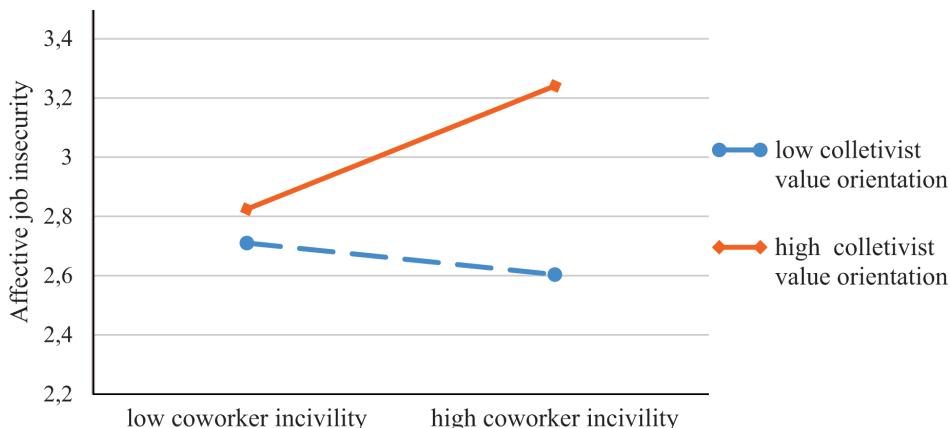

Fig. 1. Interactions between collectivist value orientation and coworker incivility with affective job insecurity as the dependent variable

workplace. These findings not only deepen theoretical understanding but also have practical implications for organizational leaders seeking to foster a more supportive and inclusive work environment.

Our research contributes to the workplace incivility literature in the following ways. First, the results indicated that coworker and supervisor incivility induce employee's affective job insecurity. To our knowledge, Hershcovis et al.'s [24] study stands as the sole investigation into the relationship between workplace incivility. However, the authors did not differentiate between the sources of uncivil behavior and focused primarily on cognitive job insecurity. Thus, our findings shed light on the significant impact of both coworker and supervisor incivility on employees' affective job insecurity, a dimension often overlooked in prior research.

Second, our findings revealed that supervisor incivility has a stronger effect on employee affective job insecurity compared to coworker incivility. This suggests that supervisor incivility is more detrimental than coworker incivility in terms of its impact on employee affective job insecurity. This finding aligns with a study by Cho et al. [7] which

found that the effect of customer incivility on emotional exhaustion was strongest, followed by supervisor incivility, and finally coworker incivility. Our results are consistent with the dyadic relational perspective [16; 42; 54; 62] which suggests that the relative power between parties should be considered in social interactions. According to this perspective, the more power the instigator has, the greater their ability to impose disadvantages on the target, resulting in more adverse consequences. It is suggested that supervisors possess more power than coworkers due to their greater control over organizational resources or relationships [17; 62].

Third, the results indicated that collectivist value orientation moderates the effect of coworker incivility on employee's affective job insecurity. This finding represents a groundbreaking exploration into the interplay between cultural values and workplace incivility. To the best of our knowledge, this is the first time the interaction effect of collectivist value orientation and coworker incivility has been examined. Thus, our study expands the nomological network of coworker incivility by introducing collectivist value orientation as a potential moderator. This novel contribution

underscores the importance of considering cultural factors in understanding and addressing workplace incivility.

Fourth, our study findings from Vietnam offer valuable insights into workplace incivility within a cultural context that has been underrepresented in prior research [2; 25]. Conducted in Vietnam, where cultural values such as collectivism and high power distance are prominent [28; 68], our research enriches our understanding of workplace incivility in an Asian country. This adds to the understanding of workplace incivility which has primarily been studied in Western cultures characterized by individualism and low power distance.

Furthermore, our hypothesis regarding the moderating effect of collectivist value on the relationship between supervisor incivility and affective job insecurity was not supported. However, this should be interpreted cautiously because it could result from insufficient statistical power to identify moderation effects [61] as the current sample size was relatively small. Therefore, it is incumbent upon future researchers to address this limitation by employing larger sample sizes to enhance the robustness and generalizability of findings. By ensuring adequate statistical power, subsequent investigations can more effectively elucidate the nuanced interplay between collectivist value orientation, supervisor incivility, and affective job insecurity. Moreover, employing diverse methodological approaches, such as longitudinal designs or experimental manipulations, can provide additional insights into these dynamic relationships.

Practical Implications

This study provides practical implications that can help organizations address workplace incivility. First, it underscores the importance of providing training and support for employees who may experience incivility in their interactions with colleagues and supervisors.

Civility training for employees may be helpful because both positive and negative reciprocity between the two parties of the interaction depend on the quality of social relationships [69]. By equipping employees with the skills and resources to effectively manage workplace incivility, organizations can mitigate its negative impact on employee well-being and job performance [46; 67].

Second, our study suggests that HR practices aimed at addressing workplace incivility should take employees' collectivist value orientation into account. By aligning civility initiatives with employees' cultural norms and values, organizations can improve the efficacy of interventions and cultivate a positive organizational climate that fosters mutual respect and collaboration among employees [73]. For instance, in workplaces where employees exhibit a strong collectivist orientation, promoting norms that emphasize harmonious social interactions becomes paramount for creating a positive work atmosphere [56]. Therefore, civility training initiatives in such settings should prioritize enhancing peer interactions. Conversely, in environments where employees demonstrate lower levels of collectivism, the focus of civility training may need to be adjusted to emphasize improving interactions with colleagues and supervisors [38; 39].

Third, organizations should implement clear policies to address workplace incivility. Establishing well-defined behavioral expectations, along with consequences for violations, is essential to maintaining a respectful and productive work environment. A zero-tolerance policy toward incivility, coupled with a reporting mechanism that allows employees to safely report instances of disrespectful behavior, can significantly reduce the occurrence of incivility [70]. To encourage employees to use this reporting system, organizations must ensure confidentiality and create a straightforward, non-threatening process.

Finally, the study underscores the role of job insecurity as a significant outcome of workplace incivility, particularly when incivility stems from supervisors. To mitigate the uncertainty and anxiety caused by job insecurity, organizations should communicate clearly about job stability and potential career development opportunities [57]. Moreover, it is essential for organizations to offer support systems, such as counseling services and employee assistance programs, to help employees cope with the emotional and psychological effects of job insecurity [37]. These measures can support employees in managing stress and improve their overall job satisfaction.

Conclusion

In conclusion, this study advances our understanding of workplace incivility by examining its sources and cultural contexts. The findings show that both coworker and supervisor incivility significantly increase employees' affective job insecurity, with supervisor incivility having a more substantial impact. This supports the dyadic relational perspective, which emphasizes the influence of power dynamics in social interactions. Additionally, the study reveals that collectivist value orientation moderates the effect of coworker incivility on job insecurity, highlighting the role of cultural factors in shaping employees' responses to incivility. However, the moderating effect of collectivist values on the relationship between supervisor incivility and job insecurity was not supported, possibly due to sample size limitations. By focusing on Vietnamese organizations, this research addresses gaps in the literature and provides valuable insights into workplace incivility within a high power distance and collectivist cultural context. These findings underscore the need for culturally sensitive HR practices and interventions to mitigate the

adverse effects of incivility and promote a supportive work environment. Future research should continue to explore these dynamics across diverse cultural settings.

Limitation

There are several limitations in this study that must be considered when evaluating the results. First, the use of self-reported data highlights issues of common-method bias [52]. There are also two related concerns: (1) causality only can be speculated; and (2) because of relying on self-report, this study needs triangulation (i.e., using other methods of measurement) to reach greater confidence that internal validity is established [60].

Second, our research focused solely on the influence of coworker and supervisor incivility on affective job insecurity, overlooking other potential sources of workplace incivility such as customer or client interactions. Future studies could explore the differential impacts of incivility from various sources on employee outcomes to provide a more comprehensive understanding of workplace dynamics. Furthermore, while our study examined the moderating effect of collectivist value orientation on the relationship between coworker incivility and affective job insecurity, we did not investigate other potential moderators. Future research could explore additional individual and contextual factors that may influence the impact of incivility on employee outcomes, such as personality traits, organizational climate, or cultural dimensions beyond collectivism. Finally, expanding the research to include diverse cultural settings beyond Vietnam could enhance the generalizability of the findings. Cross-cultural comparisons would help identify universal versus culture-specific aspects of workplace incivility and its effects, thereby contributing to a more comprehensive global understanding of the phenomenon.

References

1. Al-Romeedy B.S., El-Sisi S. Does workplace incivility affect travel agency performance through innovation, organizational citizenship behaviors, and organizational commitment? *Tourism Review*, 2024. Vol. 79, no. 8, pp. 1474–1491. DOI:10.1108/TR-06-2023-0389
2. Alias M., Ojo A.O., Ameruddin N.F.L. Ameruddin. Workplace incivility: the impact on the Malaysian public service department. *European Journal of Training and Development*, 2022. Vol. 46, no. 3/4, pp. 356–372. DOI:10.1108/EJTD-02-2020-0031
3. Andersson L.M., Pearson C.M. Tit for tat? The spiraling effect of incivility in the workplace. *Academy of Management Review*, 1999. Vol. 24, no. 3, pp. 452–471. DOI:10.5465/amr.1999.2202131
4. Astakhova M.N. The Curvilinear Relationship between Work Passion and Organizational Citizenship Behavior. *Journal of Business Ethics*, 2015. Vol. 130, no. 2, pp. 361–374. DOI:10.1007/s10551-014-2233-5
5. Chen Y.Y., et al. Self-love's lost labor: A self-enhancement model of workplace incivility. *Academy of Management Journal*, 2013. Vol. 56, no. 4, pp. 1199–1219. DOI:10.5465/amj.2010.0906
6. Cheng G.H.-L., Chan D.K.-S. Who Suffers More from Job Insecurity? A Meta-Analytic Review. *Applied Psychology*, 2008. Vol. 57, no. 2, pp. 272–303. DOI:<https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2007.00312.x>
7. Cho M., et al. Workplace incivility and its effect upon restaurant frontline service employee emotions and service performance. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2016. Vol. 28, no. 12, pp. 2888–2912. DOI:10.1108/IJCHM-04-2015-0205
8. Cortina L.M., et al. Incivility in the workplace: Incidence and impact. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2001. Vol. 6, no. 1, pp. 64–80. DOI:10.1037/1076-8998.6.1.64
9. Cortina L.M., Hershcovis M.S., Clancy K.B.H. The Embodiment of Insult: A Theory of Biobehavioral Response to Workplace Incivility. *Journal of Management*, 2021. Vol. 48, no. 3, pp. 738–763. DOI:10.1177/0149206321989798
10. Cortina L.M., Hershcovis M.S., Clancy K.B.H. The Embodiment of Insult: A Theory of Biobehavioral Response to Workplace Incivility. *Journal of Management*, 2022. Vol. 48, no. 3, pp. 738–763. DOI:10.1177/0149206321989798
11. Daniels M.A., Greguras G.J. Exploring the Nature of Power Distance: Implications for Micro- and Macro-Level Theories, Processes, and Outcomes. *Journal of Management*, 2014. Vol. 40, no. 5, pp. 1202–1229. DOI:10.1177/0149206314527131
12. Davy J.A., Kinicki A.J., Scheck C.L. A Test of Job Security's Direct and Mediated Effects on Withdrawal Cognitions. *Journal of Organizational Behavior*, 1997. Vol. 18, no. 4, pp. 323–349.
13. De Clercq D., Haq I.U., Azeem M.U. Why happy employees help: How meaningfulness, collectivism, and support transform job satisfaction into helping behaviours. *Personnel Review*, 2019. Vol. 48, no. 4, pp. 1001–1021. DOI:10.1108/PR-02-2018-0052
14. Durmuş A., et al. The effect of nurses' perceived workplace incivility on their presenteeism and turnover intention: The mediating role of work stress and psychological resilience. *International Nursing Review*, 2024. Vol. 71, no. 4, pp. 960–968. DOI:<https://doi.org/10.1111/inr.12950>
15. Dyne L.V., et al. Collectivism, propensity to trust and self-esteem as predictors of organizational citizenship in a non-work setting. *Journal of Organizational Behavior*, 2000. Vol. 21, no. 1, pp. 3–23. DOI:10.1002/(SICI)1099-1379(200002)21:1<3::AID-JOB47>3.0.CO;2-6
16. Grandey A.A., Kern J.H., Frone M.R. Verbal abuse from outsiders versus insiders: Comparing frequency, impact on emotional exhaustion, and the role of emotional labor. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2007. Vol. 12, no. 1, pp. 63–79. DOI:10.1037/1076-8998.12.1.63
17. Grandey A.A., et al. Emotion display rules at work in the global service economy: the special case of the customer. *Journal of Service Management*, 2010. Vol. 21, no. 3, pp. 388–412. DOI:10.1108/09564231011050805
18. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job Insecurity: Toward Conceptual Clarity. *The Academy of Management Review*, 1984. Vol. 9, no. 3, pp. 438–448. DOI:10.2307/258284

19. Guo J., et al. Individualism and Collectivism as Predictors of Creative Potentials and Real-Life Creativity in China and US. *Creativity Research Journal*, 2025. Vol. 37, no. 1, pp. 120–131. DOI:10.1080/10400419.2023.2217028
20. Guo J., Qiu Y., Gan Y. Workplace incivility and work engagement: The mediating role of job insecurity and the moderating role of self-perceived employability. *Managerial and Decision Economics*, 2022. Vol. 43, no. 1, pp. 192–205. DOI:<https://doi.org/10.1002/mde.3377>
21. Han S., et al. A meta-analysis integrating 20 years of workplace incivility research: Antecedents, consequences, and boundary conditions. *Journal of Organizational Behavior*, 2022. Vol. 43, no. 3, pp. 497–523. DOI:<https://doi.org/10.1002/job.2568>
22. He Y.M., et al. Explaining the negative impact of workplace incivility on work and non-work outcomes: The roles of negative rumination and organizational support. *Stress and Health*, 2021. Vol. 37, no. 2, pp. 297–309. DOI:10.1002/smj.2988
23. Hershcovis M.S., Barling J. Towards a multi-foci approach to workplace aggression: A meta-analytic review of outcomes from different perpetrators. *Journal of Organizational Behavior*, 2010. Vol. 31, no. 1, pp. 24–44. DOI:10.1002/job.621
24. Hershcovis M.S., et al. Targeted workplace incivility: The roles of belongingness, embarrassment, and power. *Journal of Organizational Behavior*, 2017. Vol. 38, no. 7, pp. 1057–1075. DOI:10.1002/job.2183
25. Hoang Nguyen Tran Q. Workplace Incivility and Its Demographic Characteristics: A Cross-Cultural Comparison Between Chinese and Vietnamese Working Adults. *SAGE Open*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 21582440231184858. DOI:10.1177/21582440231184858
26. Hofstede G. Culture and Organizations. *International Studies of Management & Organization*, 1980. Vol. 10, no. 4, pp. 15–41. DOI:10.1080/00208825.1980.11656300.
27. Hofstede G. Motivation, leadership, and organization: Do American theories apply abroad? *Organizational Dynamics*, 1980. Vol. 9, no. 1, pp. 42–63. DOI:10.1016/0090-2616(80)90013-3
28. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. 3 ed. 2010, New York ; London: McGraw-Hill.
29. Huang G.-H., et al. Affective Job Insecurity: A Mediator of Cognitive Job Insecurity and Employee Outcomes Relationships. *International Studies of Management & Organization*, 2010. Vol. 40, no. 1, pp. 20–39.
30. Islam Z.U., et al. How and when perceived job search incivility leads to reduced job search behavior. *Personnel Review*, 2023. Vol. 52, no. 4, pp. 1273–1290. DOI:10.1108/PR-07-2019-0401
31. Jaw B.S., et al. The impact of culture on Chinese employees' work values. *Personnel Review*, 2007. Vol. 36, no. 1, pp. 128–144. DOI:10.1108/00483480710716759
32. Jorgensen F., et al. Kick me while I'm down: Modeling employee differences of the impact of workplace incivility on employees' health and wellbeing. *Human Resource Management Review*, 2024. Vol. 34, no. 1, pp. 100999. DOI:<https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2023.100999>
33. Kavaklı B.D., Yıldırım N. The relationship between workplace incivility and turnover intention in nurses: A cross-sectional study. *Journal of Nursing Management*, 2022. Vol. 30, no. 5, pp. 1235–1242. DOI:<https://doi.org/10.1111/jonm.13594>
34. Kirkman B.L., Lowe K.B., Gibson C.B. A quarter century of Culture's Consequences: a review of empirical research incorporating Hofstede's cultural values framework. *Journal of International Business Studies*, 2006. Vol. 37, no. 3, pp. 285–320. DOI:10.1057/palgrave.jibs.8400202
35. Kivimaki M., et al. Justice at work and reduced risk of coronary heart disease among employees – The Whitehall II Study. *Archives of Internal Medicine*, 2005. Vol. 165, no. 19, pp. 2245–2251. DOI:10.1001/archinte.165.19.2245
36. Lam S.S.K., Schaubroeck J., Aryee S. Relationship between organizational justice and employee work outcomes: a cross-national study. *Journal of Organizational Behavior*, 2002. Vol. 23, no. 1, pp. 1–18. DOI:10.1002/job.131
37. Langlieb A.M., Langlieb M.E., Xiong W. EAP 2.0: reimagining the role of the employee assistance program in the new workplace. *International Review of Psychiatry*, 2021. Vol. 33, no. 8, pp. 699–710. DOI:10.1080/09540261.2021.2013172

38. Leiter M.P., et al. Getting better and staying better: Assessing civility, incivility, distress, and job attitudes one year after a civility intervention. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2012. Vol. 17, no. 4, pp. 425–434. DOI:10.1037/a0029540
39. Leiter M.P., et al. The impact of civility interventions on employee social behavior, distress, and attitudes. *Journal of Applied Psychology*, 2011. Vol. 96, no. 6, pp. 1258–1274. DOI:10.1037/a0024442
40. Lin Y., Zhang Y.C., Oyserman D. Seeing meaning even when none may exist: Collectivism increases belief in empty claims. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2022. Vol. 122, no. 3, pp. 351–366. DOI:10.1037/pspa0000280
41. Liu P., An X., Li X. You are an outsider! How and when observed leader incivility affect hospitality employees' social categorization and deviant behavior. *International Journal of Hospitality Management*, 2022. Vol. 106, no. pp. 103273. DOI:<https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2022.103273>
42. Matsumoto D., et al. Mapping expressive differences around the world — The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2008. Vol. 39, no. 1, pp. 55–74. DOI:10.1177/0022022107311854
43. Miner-Rubino K., Reed W.D. Testing a Moderated Mediational Model of Workgroup Incivility The Roles of Organizational Trust and Group Regard. *Journal of Applied Social Psychology*, 2010. Vol. 40, no. 12, pp. 3148–3168. DOI:10.1111/j.1559-1816.2010.00695.x
44. Moorman R.H., Blakely G.L. Individualism-collectivism as an individual difference predictor of organizational citizenship behavior. *Journal of Organizational Behavior*, 1995. Vol. 16, no. 2, pp. 127–142. DOI:<https://doi.org/10.1002/job.4030160204>
45. Mulki J.P., et al. Regulation of emotions, interpersonal conflict, and job performance for salespeople. *Journal of Business Research*, 2015. Vol. 68, no. 3, pp. 623–630. DOI:<https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2014.08.009>
46. Naeem R.M., et al. Supervisor incivility and counterproductive work behavior: the role of job and personal resources. *Personnel Review*, 2024. Vol. 53, no. 4, pp. 857–876. DOI:10.1108/PR-09-2022-0603
47. Narango A., et al. When minor insecurities project large shadows: A profile analysis of cognitive and affective job insecurity. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2021. Vol. 26, no. 5, pp. 421–436. DOI:10.1037/ocp0000294
48. Owuamalam C.K., et al. Cultural group norms for harmony explain the puzzling negative association between objective status and system justification in Asia. *European Journal of Social Psychology*, 2023. Vol. 53, no. 2, pp. 245–267. DOI:<https://doi.org/10.1002/ejsp.2901>
49. Parray Z.A., Islam S.U., Shah T.A. Exploring the effect of workplace incivility on job outcomes: testing the mediating effect of emotional exhaustion. *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 161–179. DOI:10.1108/JOEP-07-2022-0178
50. Patterson P.G., Cowley E., Prasongsukarn K. Service failure recovery: The moderating impact of individual-level cultural value orientation on perceptions of justice. *International Journal of Research in Marketing*, 2006. Vol. 23, no. 3, pp. 263–277. DOI:<https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2006.02.004>
51. Pearson C.M., Andersson L.M., Porath C.L. Assessing and attacking workplace incivility. *Organizational Dynamics*, 2000. Vol. 29, no. 2, pp. 123–137. DOI:10.1016/S0090-2616(00)00019-X
52. Podsakoff P.M., et al. Common method biases in behavioral research: A critical review of the literature and recommended remedies. *Journal of Applied Psychology*, 2003. Vol. 88, no. 5, pp. 879–903. DOI:10.1037/0021-9010.88.5.879
53. Porath C.L., Overbeck J.R., Pearson C.M. Picking Up the Gauntlet: How Individuals Respond to Status Challenges. *Journal of Applied Social Psychology*, 2008. Vol. 38, no. 7, pp. 1945–1980. DOI:10.1111/j.1559-1816.2008.00375.x
54. Porath C.L., Pearson C.M. Emotional and Behavioral Responses to Workplace Incivility and the Impact of Hierarchical Status. *Journal of Applied Social Psychology*, 2012. Vol. 42, no. S1, pp. E326–E357. DOI:10.1111/j.1559-1816.2012.01020.x

55. Qin X., et al. Collectivism Impairs Team Performance When Relational Goals Conflict With Group Goals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2022. Vol. 50, no. 1, pp. 119–132. DOI:10.1177/01461672221123776
56. Rego A., Cunha M.P. How individualism—collectivism orientations predict happiness in a collectivistic context. *Journal of Happiness Studies*, 2009. Vol. 10, no. 1, pp. 19–35. DOI:10.1007/s10902-007-9059-0
57. Riekhoff A.-J., Ojala S., Pyöriä P. Career stability in turbulent times: A cross-cohort study of mid-careers in Finland. *Acta Sociologica*, 2021. Vol. 64, no. 4, pp. 437–458. DOI:10.1177/0001699320983422
58. Rodwell D., Frith H. ‘A ward full of emotional, aggressive people’: Social climate and interpersonal relationships in forensic settings caring for patients with borderline personality disorder. *International Journal of Mental Health Nursing*, 2024. Vol. n/a, no. n/a, pp. DOI:<https://doi.org/10.1111/inm.13308>
59. Schilpzand P., de Pater I.E., Erez A. Workplace incivility: A review of the literature and agenda for future research. *Journal of Organizational Behavior*, 2016. Vol. 37, no. pp. S57–S88. DOI:10.1002/job.1976
60. Schwab D.P. *Research methods for organizational studies*, 2013. New York, NY: Psychology Press.
61. Shieh G. Detecting Interaction Effects in Moderated Multiple Regression With Continuous Variables Power and Sample Size Considerations. *Organizational Research Methods*, 2009. Vol. 12, no. 3, pp. 510–528. DOI:10.1177/1094428108320370
62. Sliter M., et al. The differential effects of interpersonal conflict from customers and coworkers: Trait anger as a moderator. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2011. Vol. 16, no. 4, pp. 424–440. DOI:10.1037/a0023874
63. Son S., Yang T.S., Park J. How organizational politics and subjective social status moderate job insecurity—silence relationships. *Journal of Management & Organization*, 2022. Vol. 29, no. 2, pp. 266–286. DOI:10.1017/jmo.2022.54
64. Strydom D.B. Ethical leadership and performance: The effect of follower individualism—collectivism. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2021. Vol. 21, no. 2, pp. 261–283. DOI:10.1177/14705958211013395
65. Tano A.Y., et al. Leader-member exchange and organizational citizenship behaviour: The moderator effects of subordinates’ horizontal collectivism orientation and team-member exchange. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2023. Vol. 23, no. 3, pp. 507–530. DOI:10.1177/14705958231212050
66. Taylor S.G., Bedeian A.G., Kluemper D.H. Linking workplace incivility to citizenship performance: The combined effects of affective commitment and conscientiousness. *Journal of Organizational Behavior*, 2012. Vol. 33, no. 7, pp. 878–893. DOI:10.1002/job.773
67. Tomé Pires C., et al. Relationship between structural empowerment and work engagement in the health-care sector in Portugal: the mediating role of civility. *Management Research: Journal of the Iberoamerican Academy of Management*, 2025. Vol. 23, no. 1, pp. 90–111. DOI:10.1108/MRJIAM-05-2023-1421
68. Truong T.D., Hallinger P., Sanga K. Confucian values and school leadership in Vietnam: Exploring the influence of culture on principal decision making. *Educational Management Administration & Leadership*, 2016. Vol. 45, no. 1, pp. 77–100. DOI:10.1177/1741143215607877
69. Umar M., Fatima H., Shah S.A.A. Enhancing customer civility: Integrating civility climate behaviors and self-service technology. *Tourism and Hospitality Research*, 2024. Vol. 0, no. 0, pp. 14673584241299738. DOI:10.1177/14673584241299738
70. Unim B., et al. Translation and validation of the Italian version of the incivility in nursing education-revised scale. *Applied Nursing Research*, 2023. Vol. 73, pp. 151728. DOI:<https://doi.org/10.1016/j.apnr.2023.151728>

71. van Vuuren C.V., Klandermans P.G. *Individual reactions to job insecurity: An integrated model, in European perspectives in psychology. Vol. 3. Work and organizational, social and economic, cross-cultural.* Oxford, England: John Wiley & Sons, 1990, pp. 133–146.
72. Ye Z., Liu H., Gu J. Relationships between conflicts and employee perceived job performance. *International Journal of Conflict Management*, 2019. Vol. 30, no. 5, pp. 706–728. DOI:10.1108/IJCMA-01-2019-0010
73. Yıldız İ., Sürücü L. Leader–member exchange as a mediator of the relationship between authentic leadership and employee creativity. *Journal of Management & Organization*, 2021. Vol. 29, no. 1, pp. 159–172. DOI:10.1017/jmo.2021.23
74. Zhan X., Li Z., Luo W. An identification-based model of workplace incivility and employee creativity: evidence from China. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 2019. Vol. 57, no. 4, pp. 528–552. DOI:<https://doi.org/10.1111/1744-7941.12204>
75. Zhao L., Lee J., Moon S. Employee response to CSR in China: the moderating effect of collectivism. *Personnel Review*, 2019. Vol. 48, no. 3, pp. 839–863. DOI:10.1108/PR-05-2017-0146

Information about the authors

The-Ngan Ma, PhD in Business Administration, Lecturer, Department of Technology Management, VNU University of Economics and Business, Ha Noi, Vietnam, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6378-3757>, e-mail: nganmt@vnu.edu.vn

Vu Hong Van, PhD in Business Administration, Lecturer, Department of Fundamental Management, University of Finance-Marketing, Ho Chi Minh City, Vietnam, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6376-7143>, e-mail: vhvan@ufm.edu.vn

, PhD in Business Administration, Lecturer, Department of Human Resource Management, VNU University of Economics and Business, Ha Noi, Vietnam, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4475-6152>, e-mail: daohaanh@vnu.edu.vn

Nguyen The Kien, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Statistics and Economic Research Methods, VNU University of Economics and Business, Ha Noi, Vietnam, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9404-5239>, e-mail: nguyenthekien@vnu.edu.vn

Информация об авторах

Ma Те Нган, доктор делового администрирования, преподаватель, кафедра технологического менеджмента, Университет экономики и бизнеса, Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, Вьетнам, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6378-3757>, e-mail: nganmt@vnu.edu.vn

By Хонг Van, доктор делового администрирования, преподаватель, кафедра фундаментального менеджмента, Университет финансов и маркетинга, г. Хошимин, Вьетнам, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6376-7143>, e-mail: vhvan@ufm.edu.vn

Дао Тхи Ха Ань, доктор делового администрирования, преподаватель, кафедра управления человеческими ресурсами, Университет экономики и бизнеса, Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, Вьетнам, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4475-6152>, e-mail: daohaanh@vnu.edu.vn

Нгуен Тхе Киен, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики и методов экономических исследований, Университет экономики и бизнеса, Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, Вьетнам, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9404-5239>, e-mail: nguyenthekien@vnu.edu.vn

Получена 27.07.2024

Received 27.07.2024

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

«Дети войны»: трудности социализации и особенности восприятия мира

Самохвалова А.Г.

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@kosgos.ru

Вишневская О.Н.

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Тихомирова Е.В.

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru

Шипова Н.С.

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Цель. Выявление трудностей социализации и особенностей восприятия мира в условиях гибридной войны у подростков, проживающих на территориях военных действий и в отдаленных регионах.

Контекст и актуальность. В эпоху войн психика ребенка, несомненно, подвержена травматизации. Социокультурный контекст гибридной войны, интегрирующий военные и невоенные методы деструктивного воздействия, разрушает систему ценностей, веру в позитивное будущее, подвергает риску процессы социализации подрастающего поколения. Крайне важным в современных условиях становится выявление трудностей социализации и специфики образа мира у «детей войны».

Дизайн исследования. В исследовании проверялась гипотеза о наличии общих трудностей социализации у «детей войны», проживающих в эпицентрах военных действий и на отдаленных территориях; а также с помощью критерия Манна-Уитни определялись различия у подростков в реакциях на травматический стресс, в проявлении коммуникативных трудностей и агрессивности, в субъективно-эмоциональном отношении к миру.

Участники. В исследовании приняли участие 94 подростка 15–17 лет ($M = 16,1$; $SD = 2,65$), проживающие с начала специальной военной операции по настоящее время в Луганской Народной Республике ($N = 47$) и в Костромской области ($N = 47$).

Методы (инструменты). Шкала CPTS-RI Р. Пинос, А. Стейнберг «Детская шкала для диагностики тяжести реакций на травматический стресс», в адаптации Е.С. Молчановой; опросник «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» А.Г. Самохваловой; проективный тест «Руки» (hand-test) Э. Вагнера, в адаптации Т.Н. Курбатовой; методика «Мир, в котором я живу... Какой он?» М.А. Одинцовой.

Результаты. Выявлены общие барьеры социализации, свойственные «детям войны», — низкая общительность, безынициативность, ожидание негативного отношения к себе, трудности

планирования, склонность к агрессии. Выявлены и различия: для подростков из Луганской Народной Республики свойственны потребность в поддержке авторитетных взрослых, высокий уровень самоконтроля в социальных ситуациях, низкий уровень коммуникативной креативности, склонность к осмыслению мира и готовность изменять его; для костромских подростков — тенденция сепарации от взрослых, вербальные и невербальные трудности, неготовность признавать свои ошибки, демонстративность, эмоционально-позитивное отношение к миру без глубокого его осмысливания.

Основные выводы. Социокультурный контекст гибридной войны создает особую, травмирующую ситуацию развития для подростка, вызывая трудности общения и социального взаимодействия, формируя специфический образ «опасного мира».

Ключевые слова: подростки; «дети войны»; социализация; травматический стресс; коммуникативные трудности; образ мира.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-28-00725 «“Дети эпохи гибридной войны”: трудности социализации, образ будущего, ресурсы психологического благополучия».

Для цитаты: Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н., Тихомирова Е.В., Шипова Н.С. «Дети войны»: трудности социализации и особенности восприятия мира // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 105–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/sp.2025160106>

“Children of War”: Difficulties of Socialization and Peculiarities of Perception of the World

Anna G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@kosgos.ru

Oksana N. Vishnevskaya

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Elena V. Tikhomirova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru

Natalya S. Shipova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Objective. Identification of the difficulties of socialization and peculiarities of perception of the world in the conditions of a hybrid war among adolescents living in a zone of military conflict and in territories remote from military operations.

Background. The child's psyche is most susceptible to trauma in conditions of military conflict. The sociocultural context of a hybrid war, combining military and non-military methods of destructive influence on the individual, puts the process of socialization of the younger generation at risk. It is extremely important in modern conditions to identify the difficulties of socialization and the specificity of the image of the world among “children of war”.

Study design. The study tested the hypothesis about the presence of general difficulties in socialization among “children of war” living in the epicenters of military operations and in remote areas; and

also using the Mann-Whitney test, differences were determined in reactions to traumatic stress, in the manifestation of communication difficulties and aggressiveness, in the subjective-emotional attitude to the world in adolescents of the two groups.

Participants. The sample included 94 respondents aged 15 to 17 years ($M = 16,1; SD = 2,65$) and consisted of two groups: teenagers living from the beginning of the special military operation to the present time in the Lugansk People's Republic ($N = 47$), as well as Kostroma teenagers ($N = 47$).

Measurements. The methodological design included the "Children's Scale for Diagnosing the Severity of Traumatic Stress Reactions" (CPTS-RI Scale), R. Pinos, A. Steinberg, adapted by E.S. Molchanova; questionnaire "Difficulties in communicating with peers and adults" A.G. Samokhvalova; projective test "Hands" (hand-test) by E. Wagner, adapted by T.N. Kurbatova; technique "The world I live in... What is it like?" M.A. Odintsova.

Results. General barriers to socialization characteristic of "children of war" have been identified – the presence of basic and meaningful difficulties that arise in communicating with peers and adults, aggressive tendencies of social interaction. Differences have also been established: Lugansk teenagers are characterized by a tendency to get closer to adults, high self-control in communication, fear of using new methods of communication, meaningfulness of the world and a willingness to change it; for Kostroma teenagers – a tendency to separate from adults, verbal and non-verbal difficulties, unwillingness to admit their mistakes, demonstrativeness, an emotionally positive attitude towards the world without deep understanding of it.

Conclusions. The sociocultural context of a hybrid war creates a special, traumatic developmental situation for a teenager, causing difficulties in communication and social interaction, forming a specific image of a "dangerous world".

Keywords: teenagers; "children of war"; socialization; traumatic stress; communication difficulties; image of the world.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-28-00725 «Children of the era of hybrid war»: difficulties of socialization, image of the future, resources for psychological well-being».

For citation: Samokhvalova A.G., Vishnevskaya O.N., Tikhomirova E.V., Shipova N.S. "Children of War": Difficulties of Socialization and Peculiarities of Perception of the World. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 105–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160106> (In Russ.).

Введение

Войну называют «наследственным проклятием человечества» [10]. Смерть, ранения, сексуальное насилие, голод, болезни и инвалидность являются примерами наиболее драматических физических последствий войны, а депрессия, тревога и посттравматический стресс – наиболее серьезные проявления эмоциональных расстройств [35]. Война рассматривается как источник не ситуативной, а пролонгированной травмы, связанной с влиянием на человека повторяющихся

ся, вариативных, множественных, предсказуемых травматических событий. Последствием пролонгированной травматизации является комплексное посттравматическое стрессовое расстройство личности, включающее в себя нарушения регуляции эмоций, самовосприятия и нарушения в отношениях [20].

Послевоенные травмы – это мощный негативный человеческий опыт, который навсегда меняет людей, их образ жизни [38]. На основе метаанализа 129 эмпирических исследований ученые установили,

что 22% жителей регионов, охваченных военными действиями, в течение последующих 10 лет страдали от тревоги, депрессии, посттравматического стрессового расстройства, биполярного расстройства и шизофрении [37]. Установлено, что наиболее подвержены таким расстройствам женщины, безработные, одинокие и пожилые люди [39]; молодежь в возрасте 18–24 лет [9; 13; 43]. Однако самой уязвимой категорией, на наш взгляд, являются дети, ведь именно детская психика особенно подвержена травматизации в условиях военного конфликта.

В психологической науке изучение феномена «дети войны» стало активно развиваться в рамках неопсиходиагностики на фоне Второй мировой войны. В 1942 году А. Фрейд описала особенности переживания экстремальных условий войны детьми — непосредственными участниками событий военного времени, сфокусировав внимание на долгосрочных негативных последствиях как для физического, так и психосоциального развития [34]. Было показано, что причиной возникновения психологических расстройств служит фрустрация базовых потребностей детей в привязанности, эмоциональной стабильности, постоянстве воспитательного воздействия и любви.

Социализация «детей войны» происходит в специфической социальной ситуации развития, в которой сочетаются такие травмирующие факторы, как непосредственная угроза жизни и здоровью ребенка, его близких, смерть близких, физические травмы, болезни членов семьи [17]. Постстрессовыми проявлениями у дошкольников могут быть различные формы регressiveного поведения (страх смерти и разлуки с родителями, страх незнакомых людей, энурез, утрата навыков). У школьников возможны проблемы в учебной деятельности и

межличностном общении, нарушения поведения, сочетающие агрессивные и депрессивные тенденции, возникновение чувства «вины выжившего», психосоматические проявления [7].

Проводившиеся ранее исследования детей ($N = 286$, 7–18 лет), проживающих в зоне военного конфликта (Донецкая и Луганская области), показали наличие у большей части респондентов соматических и психосоматических проблем. В 62,3% случаев выявлены были астено-невротические расстройства с преобладанием в клинической структуре головных болей, эмоциональной лабильности, повышенной утомляемости, астении, напряжения [24].

Исследование 605 чеченских детей (от 6 до 15 лет), вынужденных переселенцев, переживших военные события дважды (1994–1996 и 1999–2000 гг.), выявило у респондентов множественные симптомы ПТСР. Среди них — депрессивность; дистресс, возникавший при столкновении с чем-то, напоминающим травму пережитого; гипербдитильность с раздражительностью и вспышками агрессии; неспособность радоваться, испытывать положительные эмоции; сверхсеръезность, состояния оцепенения, а также гиперактивность, психогенный энурез, тики [8; 15].

Современные исследователи подчеркивают, что детство и юность являются особенно сензитивными периодами развития личности, в связи с чем травматичный опыт переживаний, токсический и пролонгированный стресс, приходящиеся на данные этапы онтогенеза, создают негативный фон для психосоциального развития, предсказывая негативные эффекты для функционирования этих детей во взрослой жизни. Агрессивная, «недружественная», «отвергающая», избыточно напряженная среда, в том числе информационная, препятствует эффективно-

му решению возрастных задач, создает предпосылки для развития личностных деформаций, психопатий в будущем [27].

Подчеркивается возможность получения травмы детьми — не только непосредственными участниками военизированных конфликтов, но и их «свидетелями», в том числе находящимися вдалеке от военных действий, но наблюдающими «картины» войны в средствах массовой информации, общаяющимися с беженцами-одноклассниками, получающими тревожную информацию от взрослого сообщества, родителей. Тревожность родителей, значимых взрослых, их беспокойство транслируются детям [31]. Это нередко приводит к нарушениям регуляционных механизмов, развитию депрессии, фобических состояний, увеличению риска суицида [36].

У мирных жителей, в том числе детей, ставших свидетелями войны, нередко возникают психические травмы, связанные с гибелью близкого человека, пережитым эмоциональным насилием и синдромом «вторичной жертвы» [6]. В условиях длительного военного конфликта возникает чувство безнадежности, блокирующее поиск возможностей и ресурсов для его разрешения [29], что существенно может затруднять процесс социализации ребенка и построения им жизненных перспектив. Кроме того, дети, пережившие коллективную травму войны, менее инициативны в установлении межличностных контактов, испытывают страх самораскрытия, не склонны доверять [41]. Результаты исследования, проведенного в 13 странах после Второй мировой войны, показали, что граждане, столкнувшиеся с войной в детском возрасте, даже по истечении 60 лет проявляли более низкий уровень генерализованного доверия по сравнению с теми, у кого не было такого опыта. Причем этот

негативный эффект с одинаковой силой проявлялся как в странах, проигравших войну, так и в странах-победителях [30].

В современном исследовательском поле проблема влияния войны на психику детей стала активно развиваться на фоне усиления международной напряженности: развития прямых военных конфликтов, терроризма, биотerrora, «скрытой» информационной войны, социально-этнического отчуждения, психологических атак. Возникает понятие гибридных войн, или «новых войн XXI века», сочетающих военные и невоенные («скрытые») формы ведения противоборства [10], основной мишенью которых становится не столько физическое уничтожение подрастающего поколения, сколько разрушение его менталитета, традиционных ценностей, национальных идей и смыслов, снижающее ресурсность страны, общества, жизнестойкость отдельного человека [4]. Основной мишенью деструктивного воздействия становится «культурный код», психологическое состояние общества как совокупности массовых и коллективных переживаний, представлений, ценностей и установок, влияющих на функционирование всех социальных институтов [20].

В работах Л.И. Божович показано, что личность должна не только приспосабливаться к среде, а прежде всего активно воздействовать и на среду, и на саму себя [1]. Невозможность оказывать влияние на социум, а в некоторых ситуациях и на себя в условиях гибридной войны существенно затрудняет развитие личности, под угрозой оказываются психологическое благополучие детей, процессы их успешной социализации, интериоризации гуманных социокультурных норм. У нового поколения происходит деформация образа будущего, появляется неуверенность в себе и мире, снижаются уровень базового доверия и

мотивация достижений. При этом высокая вовлеченность современных детей в интернет-среду и недостаточно высокий уровень самоконтроля делают их незащищенными перед кибератаками и иными сетевыми формами и технологиями гибридной войны. Ситуация социальной нестабильности, ценностного хаоса и разобщенности общества создает «благоприятные» условия для развертывания деятельности националистических, экстремистских, криминальных сообществ, ориентированных на вовлечение подрастающего поколения в свою социальную сеть и идеологию [26; 42]. Именно поэтому проблемы успешной социализации и формирования позитивного образа мира у подрастающего поколения становятся приоритетной государственной задачей.

В связи с актуальностью проблематики **целью исследования** стало выявление у подростков трудностей социализации и особенностей восприятия мира в условиях гибридной войны. В исследовании проверялась **гипотеза** о наличии общих трудностей социализации у «детей гибридной войны», а также о существовании различий в реакциях на травматический стресс, в проявлении коммуникативных трудностей и агрессивности, в субъективно-эмоциональном отношении к миру у подростков, проживающих в зоне военного конфликта и на отдаленных от военных действий территориях.

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось индивидуально в личном контакте подростка с психологом, с помощью диагностического комплекса, который был представлен респондентам в виде печатных бланков. Было получено информированное согласие как самого подростка, так и сопровождающего лица. Темы, напрямую свя-

занные с войной, которые потенциально могли нанести психологический вред, не поднимались. Психолог-диагност, проводивший обследование, владеет компетенциями в области индивидуального, кризисного консультирования, что позволяло вести диагностическую беседу в экологичном для респондента формате.

Выборка исследования. В исследовании, проведенном в 2024 году, приняли участие 94 подростка от 15 до 17 лет ($M = 16,1$). Выборка включала две группы сравнения:

В первую группу ($N = 47$, из них 18 юношей, 29 девушек) вошли дети из Луганской Народной Республики (ЛНР), имеющие постоянное место жительства и обучения в зоне открытых военных действий, приехавшие на летний отдых в Костромскую область. Дети являются обучающимися общеобразовательных школ ЛНР, которые с 2022 года переведены на программы, соответствующие российскому образовательному стандарту; подростки говорят как на русском, так и на украинском языках. Владение русской речью позволило использовать опросники, апробированные и валидизированные на русских выборках;

Во вторую группу ($N = 47$, из них 15 юношей, 32 девушки) вошли костромские школьники, учащиеся общеобразовательных организаций, отдыхающие в загородном детском центре.

Методики исследования. Методический дизайн включал инструменты, замеряющие вариативные реакции подростков на травматический стресс, а также различные аспекты социализации личности (специфика общения со сверстниками и взрослыми, наличие агрессивных тенденций, субъективно-эмоциональное отношение к миру, в котором живет подросток); представлен следующими методиками:

— Детская Шкала CPTS-RI Р. Пинос, А. Стейнберг (2002) в адаптации Е.С. Молчановой, позволяющая диагностировать у ребенка 6–17 лет тяжесть реакций на травматический стресс, учитывая травматический опыт (объективные и субъективные реакции ребенка); напоминания об этом опыте (их частота и интенсивность); возникающие вторичные проблемы и стрессы в повседневной жизни ребенка [14];

— Методика для подростков «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» А.Г. Самохваловой (2017), позволяющая выявлять актуальные коммуникативные трудности четырех групп — базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные, возникающие у подростка в ситуациях непосредственного общения со сверстниками и взрослыми [22];

— Проективный тест «Руки» (hand-test) Э. Вагнера, Б. Брайклина, З. Питровского (1962), адаптированный Т.Н. Курбатовой для детей старше 12 лет, предназначенный для диагностики агрессивности (индекс агрессивности поведения возрастает в тех случаях, когда доминантные и агрессивные аттитуды преобладают над аттитюдами, означающими социальное сотрудничество или зависимость), а также выявляющий некоторые тенденции межличностного взаимодействия: доминантность, активность, страх, привязанность, коммуникативность, зависимость, демонстративность, ущербность, отстраненность [11];

— Методика «Мир, в котором я живу... Какой он?» М.А. Одинцовой (модификация теста оценки субъективно-эмоционального отношения ребенка к миру И.А. Буровихиной, созданного для подростков 13-17 лет), позволяющая выявлять эмоциональный, когнитивный и волевой компоненты образа мира, в котором подросток живет [16].

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics V.19.0. Были использованы описательные статистики, критерий оценки достоверности различий U-Манна-Уитни, а также ранжирование на основе частоты встречаемости изучаемых переменных.

Результаты

В табл. 1 представлены результаты дескриптивного анализа переменных, которые отражают степень выраженности реакции на травматический стресс, а также актуальные коммуникативные трудности подростков, проживающих в зоне боевых действий и на отдаленных территориях.

Сравнение показателей с нормативными значениями демонстрирует, что коммуникативные трудности у подростков из ЛНР находятся в зоне высоких значений и превышают нормативные значения в два раза, в то время как у подростков из Костромы (отдаленного региона) выраженная коммуникативных трудностей соответствует возрастным особенностям [22].

В наших исследованиях уже было установлено, что реакция на травматический стресс значимо выше у подростков, проживающих на территориях, приближенных к эпицентрам военного конфликта [21]. Безусловно, жизнь в условиях военного конфликта представляет собой значительный стресс для подростков, но она также может стать катализатором для развития адаптационных стратегий и укрепления психологической устойчивости. Важно отметить, что эффективность этих механизмов может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей подростков и доступности внешней поддержки. В данной выборке часть

Таблица 1

Степень выраженности реакций на травматический стресс и актуальные коммуникативные трудности подростков (по данным дескриптивной статистики)

Группы сопоставления	M	SD	Минимум	Максимум	Нормативные значения по методике	Уровень выраженности показателей в эмпирических группах
Реакция на травматический стресс						
Школьники из ЛНР	54	10,5	36	76	< 50 – реакция не выражена > 50 – реакция выражена	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	45	8,8	29	66		Зона средних значений
Базовые коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	25	6,7	13	52	M = 14,8	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	15	5,8	4	28	Sd = 6,1	Зона средних значений
Содержательные коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	25	6,9	13	51	M = 11,53	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	15	5,2	3	24	Sd = 5,6	Верхняя граница нормы
Инструментальные коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	22	5,8	13	39	M = 12,66	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	14	6,5	3	27	Sd = 6,4	Зона средних значений
Рефлексивные коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	22	5,1	13	39	M = 12,35	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	14	5,1	3	25	Sd = 5,6	Зона средних значений

Примечания: M – среднее значение; Sd – стандартное отклонение; ЛНР – Луганская Народная Республика.

детей отмечали, что чувствуют постоянную поддержку и помощь со стороны. Результаты исследования показали, что у подростков из Костромы также присутствуют реакции на травматический стресс среднего уровня выраженности. Это полностью соотносится с данными мировых исследований, показывающими, что во время военизированного конфликта страдают не только непосредственные участники, но и невольные свидетели, проживающие на отдаленных территориях, но погруженные в информационную среду и получающие информацию от друзей и близких.

На следующем этапе были проанализированы различия в выраженности переменных у респондентов двух групп (табл. 2).

У 60% подростков, проживающих в ЛНР, наблюдается сильная выраженность *реакций на травматический стресс*. Это проявляется в том, что почти каждый день им «хотелось находиться в одиночестве, без друзей» (55%), они «стараются не разговаривать о том, что случилось, не думать об этом и не испытывать чувств, связанных с теми событиями» (57%), им «бывает тяжело засыпать или они часто просыпаются по ночам», поскольку вновь и вновь переживают травматичные

Таблица 2

**Значимые различия в выраженности изучаемых переменных у подростков
(критерий U Манна-Уитни)**

Переменные	Средний ранг		Значения критерия U Манна-Уитни
	Школьники из ЛНР	Школьники из Костромы	
Реакция на травматический стресс			
Степень выраженности реакции на травматический стресс	2626,5	1651,5	616,5***
Коммуникативные трудности			
Базовые трудности	2986,5	1291,5	256,5***
Содержательные трудности	3076	1202	167***
Инструментальные трудности	2909,5	1368,5	333,5***
Рефлексивные трудности	3047	1231	196***
Компоненты образа мира			
Когнитивный компонент	2665	1613	578***
Эмоциональный компонент	1931	2347	803*
Волевой компонент	2595,5	1682,5	647***

Примечания: * — значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — значимость на уровне $p \leq 0,01$; *** — значимость на уровне $p \leq 0,001$; ЛНР — Луганская Народная Республика.

эмоции (32%). У костромских подростков выраженность реакций на травматический стресс значимо ниже (18%). Это проявляется в негативных образах своего будущего, в осознании своей вины за прошедшее. На психофизиологическом уровне нередко возникает бессонница.

Также было установлено, что у девушки реакция на травматический стресс проявляется ярче, чем у юношей, незави-

симо от удаленности/близости проживания от зоны военного конфликта (табл. 3).

Степень выраженности *коммуникативных трудностей* всех групп у школьников из ЛНР значимо выше, чем у их костромских сверстников. Мы выделили наиболее часто встречающиеся в общей трудности, занимающие первые пять ранговых позиций в каждой выборке (табл. 4).

Таблица 3

**Значимые различия в выраженности реакций на травматический стресс
у юношей и девушек (критерий U Манна-Уитни)**

Группы испытуемых	Средний ранг	Значения критерия U Манна-Уитни
Юноши из ЛНР	332,5	161,5*
Девушки из ЛНР	795,5	
Юноши из Костромы	267,5	147,5*
Девушки из Костромы	860,5	

Примечания: * — значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — значимость на уровне $p \leq 0,01$; *** — значимость на уровне $p \leq 0,001$; ЛНР — Луганская Народная Республика.

Таблица 4

Частота встречаемости коммуникативных трудностей

Ранговая позиция, присвоенная по частоте встречаемости отдельных коммуникативных трудностей	Школьники из ЛНР	Школьники из Костромы
<i>Базовые трудности</i>		
1R	трудности эмпатии	эгоцентризм
2R	трудности в установлении контакта	безынициативность
3R	безынициативность	раздражительность
4R	неуверенность в себе, раздражительность	трудности в установлении контакта
5R	ожидание негативного отношения и предвзятости	трудности эмпатии
<i>Содержательные трудности</i>		
1R	трудности целеполагания	импульсивность
2R	трудности планирования	трудности прогнозирования
3R	трудности прогнозирования	неспособность предвидеть конфликт
4R	трудности ориентации в ситуации общения	трудность выбора способов влияния
5R	импульсивность	трудности ориентации в ситуации общения
<i>Инструментальные трудности</i>		
1R	трудности построения диалога	трудности самоконтроля
2R	неумение точно выражать мысли	экстралингвистические трудности
3R	бедность неверbalных проявлений	недифференцированность неверbalных проявлений
4R	кинесические трудности	неумение ясно выражать свои мысли
5R	трудность в принятии ведущей роли в общении	просодические трудности
<i>Рефлексивные трудности</i>		
1R	неспособность адекватно оценить себя	неготовность признать собственные ошибки и исправлять их
2R	трудность понимания своих чувств, возникших в процессе общения	трудность самоанализа ситуации общения
3R	трудность понимания ожиданий и намерений партнера	трудность оценки последствий собственных действий
4R	неготовность исправлять свои ошибки	стереотипность общения
5R	трудность оценки последствий собственных действий	трудность понимания ожиданий и намерений партнера

Примечания: R – присвоенные ранги; ЛНР – Луганская Народная Республика.

Значимых различий в проявлении агрессивных действий в социальном взаимодействии подростков двух групп не выявлено, однако у школьников из ЛНР чаще наблюдаются тенденции к открытому агрессивному поведению. У 42% подростков установлена реальная вероятность проявления агрессии; у 36% вероятность проявления агрессии существует, но только в особо опасных, угрожающих ситуациях. У школьников из Костромы реальная вероятность проявлении агрессии отмечена у 27% подростков. При этом важно отметить общие тенденции и различия в основных показателях, которые раскрывают особенности поведения подростков. В частности, показатели «Активность» и «Агрессивность» выражены в обеих группах. Кроме того, у луганских подростков выражен показатель «Коммуникативность», у костромских — «Демонстративность».

Субъективная оценка отдельных компонентов образа мира у подростков двух групп различна. Так, у луганских школьников более выражены когнитивный ($M = 36$) и волевой ($M = 34$) компоненты. Они характеризовали мир как наполненный смыслами, отмечали мудрость и загадочность мира, в котором живут. В отличие от них школьники из Костромы отмечали, что мир достаточно простой и нередко лишен смысла. При оценке волевого компонента установлено, что подростки из ЛНР полагают, что мир «дарит опыт» и «зависит от воли человека». В отличие от них школьники из Костромы отмечают, что мир «зависит от обстоятельств» и скорее «мир творит меня, чем я его». Для костромичей мир более эмоционально окрашен ($M = 37$): приятный, нравственный и радостный. Школьники из ЛНР отмечали, что образ мира не всегда может быть приятным, и кроме радости в нем бывает много грусти. При этом высокую степень опасности мира отмечали подростки обеих групп.

Обсуждение результатов

Полученные данные показывают, что длительное присутствие подростков в зоне вооруженного конфликта создает условия для хронического стресса и тревоги за свою жизнь и жизнь близких, что приводит к развитию вариативных симптомов травматического стресса: на физиологическом уровне — болевые синдромы, нарушения сна, постоянное чувство тревоги; на эмоциональном — неуравновешенность, вспышки гнева, страх; на поведенческом — избегание общения, скрытность, отказ от взаимодействия. Причем из личных бесед с подростками и большой доли однотипных ответов у разных по возрасту и полу подростков стало очевидным, что источником этих деструктивных переживаний является именно ситуация войны. Можно говорить о наличии симптоматики комплексного ПТСР у детей, проживающих в эпицентре военных действий [19]. Причем эти подростки в период пребывания в Костроме не любили рассказывать о травмирующих событиях, отказывались смотреть новости, комментировать военную ситуацию. Это соотносится с более ранними исследованиями жертв войны, где показано, что вторичные психические травмы, наносимые новостями о погибших и раненых среди вооруженных сил и гражданского населения, вызывают эффект «усталости от сопереживания» [33].

У подростков, проживающих вдали от очагов военного конфликта, источник травматизации не очевиден, поскольку степень тяжести реакций на травматический стресс невысока. Возникающие у некоторых подростков негативные образы будущего и ситуативное чувство вины, скорее, можно считать нормативными проявлениями возраста, связанными с одиночеством, межличностными конфликтами, буллингом и др. Некоторые подростки обеспокоены новостями о конфликте, особенно те, у кого родственники

или знакомые принимают участие в СВО. Однако вне прямого воздействия насилия и постоянного страха за свою жизнь и жизни близких риск выраженных реакций на травматический стресс снижается.

Анализ актуальных коммуникативных трудностей показал, что чрезмерно высокий самоконтроль луганских подростков нередко препятствует самовыражению в общении, затрудняет эмпатию, приводит к стереотипности, ригидности коммуникативных действий и лексики, упрямству. Это, вероятно, связано с тем, что переживание неопределенности и экзистенциальной угрозы, особенно в случаях, когда оно сопряжено с чувством гнева, запускает психологические защиты, направленные на восстановление чувства контроля, что приводит к парадоксальному повышению уверенности в своих суждениях о происходящем (в речи возрастают лингвистические маркеры уверенности: «все», «никто», «каждый», «всегда», «никогда», «должны» и т.п.) [28].

Вместе с тем включенность в совместную деятельность с респондентами позволила нам заметить, что подростки пытаются совладать с возникающими трудностями. Доминирующими способами преодоления коммуникативных трудностей у подростков обеих групп являются смех, юмор, ирония (в том числе и самоирония), а также уход от реальности в мечты, фантазии. Этот факт мы связываем с травмирующим контекстом социальной ситуации развития подростков, поскольку смех, смешное позволяет субъекту переместить ситуацию угрозы культурной целостности в нереальный мир — в карнавал, в перевертыш; смех — это смена видения, позволяющая видеть мир с такого расстояния, с какого он будет выглядеть безопасным и смешным [3]. Конструктивное мечтание позволяет осмыслить свою жизнь и поступки, выстроить временную перспективу будущего [18].

Выраженная агрессивность респондентов двух групп, на наш взгляд, может быть признаком напряженности и конфликтности во внутреннем мире подростка или отражением его реакции на сложные внешние обстоятельства. В контексте современной ситуации, судя по данным корреляционного анализа, агрессивное поведение подростков связано с переживанием стресса, нестабильности, страха или неопределенности. При этом сочетание агрессивности с активностью в условиях социальной нестабильности может выступать ресурсом социализации, средством самоутверждения и поиска стабильности через действие [23].

Высокая коммуникативность школьников из ЛНР позволяет им чувствовать поддержку сверстников, расширять социальный капитал, что усиливает их социальную адаптацию и уменьшает чувство изоляции. Однако более охотно подростки общаются в своем привычном кругу, в то время как с малознакомыми, «чужими» сверстниками вступают в контакт неохотно, испытывают вариативные коммуникативные трудности. Это можно объяснить тем, что у жертв войны снижается генерализованное доверие и провоцируется ингруповой фаворитизм [32].

Демонстративность, свойственная подросткам из Костромы, проявляется в стремлении к самоутверждению, в желании привлечь внимание окружающих. Дефицит внимания подростки восполняют наигранными и протестными моделями поведения. Это соответствует, с одной стороны, возрастным задачам, так как в 15–17 лет центральным личностным новообразованием является самоопределение, формирование новой «внутренней позиции взрослого человека» [5], которую они хотят продемонстрировать. С другой стороны, в контексте напряженной социальной ситуации демонстратив-

ное поведение может быть реакцией на внутренние переживания и выражаться попыткой справиться со сложностями окружающей действительности и использовать все свои имеющиеся ресурсы [25].

Интересно, что луганские школьники, в отличие от костромских сверстников, воспринимают мир более динамичным, изменчивым, наполненным смыслом, а также готовы к его преобразованию, признавая зависимость образа мира от собственной активности, с оптимизмом смотрят в будущее. Т.А. Нестик отмечает, что переживания гнева, характерные для участников военного конфликта, влияют на когнитивные процессы, провоцируя сверхоптимизм и иллюзию контроля, недооценку риска и склонность к рискованному поведению [12]. Кроме того, подростки, живущие в условиях длительного конфликта, вынуждены быстро адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Способность адаптироваться к жизненным трудностям и развитие устойчивости могут влиять на формирование более многогранного и разностороннего понимания «образа мира» [2].

Ограничениями исследования являются небольшой объем группы сопоставления, что затрудняет экстраполяцию результатов; использование опросных и проективных методик, что не позволяет глубоко изучить сложность переживаний подростков в условиях войны. Перспективами исследования являются увеличение выборки, включение в нее респондентов, проживающих на приграничных с военными действиями территориях, использование качественных методов исследования, а также разработка технологий психологической помощи «детям войны».

Выводы

1. Социальный контекст гибридной войны, сочетающий военные и нево-

енные способы деструктивного воздействия на подрастающее поколение, является постоянно действующим, травмирующим фактором социализации подростков, вызывая трудности общения и взаимодействия, обусловливая формирование образа «опасного мира». У подростков, проживающих в зоне военного конфликта, реакция на травматический стресс выражена сильнее. Она проявляется ярче у девушек, чем у юношей, причем независимо от близости проживания к зонам военного конфликта.

2. Общими трудностями социализации у подростков, проживающих на территории военного конфликта и в отдаленном регионе, являются трудности установления контакта, безынициативность, ожидание предвзятости и негативного отношения к себе; трудности целеполагания, прогнозирования, трудности выбора способов влияния, ориентации в ситуации общения; агрессивные тенденции социального взаимодействия.

3. Существуют различия коммуникативных трудностей, форм социального взаимодействия и субъективно-эмоционального отношения к миру у подростков двух групп. Для луганских подростков характерны тенденция сближения со взрослыми, высокий самоконтроль в общении, трудности эмпатии, выстраивания диалога, слушания, обратной связи, страх использования новых способов общения; активность и коммуникативность в социальном взаимодействии, ингруппововой фаворитизм; осмыленность мира и готовность изменять его. Для костромских подростков — тенденция сепарации от взрослых, трудности самоконтроля, вербальные и невербальные трудности, неготовность признавать свои ошибки; демонстративность в социальном взаимодействии; эмоционально-позитивное отношение к миру.

Литература

1. Божович Л.И., Неймарк М.С. «Значащие переживания» как предмет психологии // Вопросы психологии. 1972. № 1. С. 130–134.
2. Валиуллина М.Е. Образ мира и защитные механизмы Эго у девушки с различной эмоциональной устойчивостью // Вестник ТГГПУ. 2016. № 1(43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-i-zaschitnye-mehanizmy-ego-u-devushek-s-razlichnoy-emotsionalnoy-ustoychivostyu> (дата обращения: 18.03.2024).
3. Веракса Н.Е., Баянова Л.Ф., Артемьева Т.В. Психология смеха в структурно-диалектическом подходе // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3. С. 93–101. DOI:10.17759/chp.2023190311
4. Гончаренко А.Р. «Российская гибридная война»: взгляд Запада на внешнеполитический курс России // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20). С. 163–176.
5. Гуткина Н.И. Концепция Л.И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 116–128. DOI:10.17759/chp.2018140213
6. Дымова Е.Н. Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 1–16. DOI:10.17759/cpsc.2021100301
7. Еремина Л.Ю. Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций // Системная психология и социология. Научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 61–71.
8. Захарова Н.М., Цветкова М.Г. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413
9. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Тарабрина Н.В. [и др.]. / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с.
10. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софонов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
11. Курбатова Т.Н., Мулер О.Н. Проективная методика исследования личности «Hand-тест»: Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1995. 64 с.
12. Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140401
13. Нестик Т.А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО [Электронный ресурс] // СоциоДиггер. 2023. Т. 4. № 9(28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 02.03.2024).
14. Никольская И.М., Добряков И.В. Выявление насилия в отношении детей. Руководство для специалистов, работающих в системе защиты детей. Бишкек: Блиц, 2014. 40 с.
15. Овдун Д.А., Палихов М.С. Жизненный цикл: детство и чеченская война // Смальта. 2017. № 6. С. 72–74.
16. Одинцова М.А. Психология жизнестойкости: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. 292 с.
17. Олейник А.Д. Психологические последствия войн для детей // Материалы II Межвузовской научно-практической конференции «Международно-правовые и социально-психологические последствия мировых войн» (г. Москва, 29 марта 2017 г.) / Отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: МЮИ, 2017. С. 94–101.
18. Осин Е.Н., Егорова П.А., Кедрова Н.Б. Конструктивные функции мечты: от теоретической модели к эмпирической валидизации. Часть 1 кинопредпочтений // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19. № 4. С. 56–66. DOI:10.17759/chp.2023190406

19. Падун М.А. Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 3. С. 69–87. DOI:10.17759/cpp.2021290306
20. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России / Нестик Т.А. [и др.] // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
21. Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н., Шипова Н.С. Реакции подростков на стресс военного времени // Психология личности: методология, теория, практика / Отв. ред. Д.В. Ушаков и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. С. 726–732.
22. Самохвалова А.Г., Екимчик О.А. Коммуникативные трудности подростка: исследование психометрических качеств опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 60. С. 7.
23. Самохвалова А.Г., Метц М.В. Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 149–166. DOI:10.17759/sps.2020110310
24. Состояние соматического и психического здоровья детей из зоны антитеррористической операции / Коренев Н.М. [и др.] // Здоровье ребенка. 2017. Т. 12. № 1. С. 1–5.
25. Учаева А.А. Взаимосвязь акцентуаций характера и копинг-стратегий у подростков // Сборник статей лауреатов XIX Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи «Юность Большой Волги» (г. Чебоксары, 26 мая 2017 г.). Чебоксары: Бюджетное образовательное учреждение Чувашской Республики дополнительного образования «Центр молодежных инициатив» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, 2017. С. 403–405.
26. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // Advances in Group Processes / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
27. Betancourt T. A Longitudinal Study of Psychosocial Adjustment and Community Reintegration among Former Child Soldiers in Sierra Leone // Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists. 2010. Vol. 7(3). P. 60–62. DOI:10.1192/S1749367600005853
28. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse / Simchon A. [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. 2021. Vol. 97. P. 104221
29. Cohen-Chen S., Van-Zomeren M., Halperin E. Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict // The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal. 2015. Vol. 1. P. 89–101.
30. Conzo P., Salustri F. A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust // European Economic Review. 2019. Vol. 120. P. 1–24. DOI:10.1016/j.euroecorev.2019.103313
31. Elvevåg B., DeLisi L.E. The mental health consequences on children of the war in Ukraine: A commentary // Psychiatry research. 2022. Vol. 317. P. 114798. DOI:10.1016/j.psychres.2022.114798
32. Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review. Research Papers in Economics [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (дата обращения: 29.10.2023).
33. Figley C.R. Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview // Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized / C.R. Figley (Ed.). New York: Brunner/Mazel, 1995. P. 1–20.
34. Freud A., Burlingham D.T. War and Children. New York: Medical War Books, 1943. 181 p.
35. Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V. Common mental disorders in postconflict settings // Lancet. 2003. Vol. 361. P. 2128–2130.
36. Living in the crossfire: Effects of exposure to political violence on Palestinian and Israeli mothers and children / Guttman-Steinmetz S. [et al.] // International Journal of Behavioral Development. 2012. Vol. 36. P. 71–78. DOI:10.1177/0165025411406861

37. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis / Charlson F.J. [et al.] // Lancet. 2019. Vol. 394. P. 240–248.
38. Pacek P., Truszczyński O. Hybrid war and its psychological consequences // Torun International Studies. 2020. Vol. 1(13). P. 23–30. DOI:10.12775/TIS.2020.002
39. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological studies / Morina N. [et al.] // Journal of affective disorders. 2018. Vol. 239. P. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
40. Psychic numbing and mass atrocity / Slovic P. [et al.] // The behavioral foundations of public policy / E. Shafir (eds.). New York: Princeton University Press, 2013. P. 126–142.
41. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat / Thomson R. [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2018. Vol. 115(29). P. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
42. The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure (1st ed.) / Haslam C. [et al.]. London: Routledge, 2018. 510 p. DOI:10.4324/9781315648569
43. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel / Kurapov A. [et al.] // Journal of Loss and Trauma. 2022. Vol. 28(2). P. 167–174. DOI: 10.1080/15325024.2022.2084838

References

1. Bozhovich L.I., Neimark M.S. «Znachashchie perezhivaniya» kak predmet psikhologii [“Meaningful experiences” as a subject of psychology]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1972, no. 1, pp. 130–134. (In Russ.).
2. Valiullina M.E. Obraz mira i zashchitnye mekhanizmy Ego u devushek s razlichnoi emotSIONAL'noI ustOICHIVOST'yu [The image of the world and the protective mechanisms of the Ego in girls with different emotional stability]. *Vestnik TGGPU = Bulletin of the TGGPU*, 2016, no. 1(43). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-i-zashchitnye-mehanizmy-ego-u-devushek-s-razlichnoy-emotsionalnoy-ustoychivostyu> (Accessed 18.03.2024). (In Russ.).
3. Veraksa N.E., Bayanova L.F., Artem'eva T.V. Psikhologiya smekha v strukturno-dialekticheskom podkhode [Psychology of laughter in the structural-dialectical approach]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2023. Vol. 19, no. 3, pp. 93–101. DOI:10.17759/chp.2023190311 (In Russ.).
4. Goncharenko A.R. «Rossiiskaya gibridnaya voyna»: vzglyad Zapada na vneshnepoliticheskii kurs Rossii [“Russian hybrid war”: the West’s view of Russia’s foreign policy]. *Grazhdanin. Vyborg. Vlast’ = Citizen. Elections. Power*, 2021. Vol. 2, no. 20, pp. 163–176. (In Russ.).
5. Gutkina N.I. Kontseptsiya L.I. Bozhovich o stroenii i formirovaniii lichnosti (kul'turno-istoricheskii podkhod) [Concept by L.I. Bozhovich on the structure and formation of personality (cultural-historical approach)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 116–128. DOI:10.17759/chp.2018140213 (In Russ.).
6. Dymova E.N. Retrospektivnyi analiz posttraumatischeskogo stressa v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Retrospective analysis of post-traumatic stress during the Great Patriotic War]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301 (In Russ.).
7. Eremina L.Yu. Sistema sotsial'no-psikhologicheskoi raboty s det'mi, perezhivayushchimi posledstviya chrezvychainykh situatsii [System of socio-psychological work with children experiencing the consequences of emergency situations]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya = System psychology and sociology*, 2011, no. 4, pp. 61–71. (In Russ.).
8. Zakhарова Н.М., Тsvetkova M.G. Psikhicheskie i povedenchеские нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям [Mental and behavioral disorders among the civilian population of the region subjected to local military actions]. *Psychology and law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413

9. Intensivnyi stress v kontekste psikhologicheskoi bezopasnosti [Intense stress in the context of psychological safety] / Tarabrina N.V. [et al.] / In Kharlamenkova N.E. (ed.). Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2017. 344 p. (In Russ.).
10. Kaldor M. Novye i starye voiny: organizovannoe nasilie v global'nyuy epokhu [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow: Publ. Instituta Gaidara, 2015. 416 p. (In Russ.).
11. Kurbatova T.N., Muler O.N. Proektivnaya metodika issledovaniya lichnosti «Hand-test» [Projective methodology for personality research “Hand-test”]. Rukovodstvo po ispol'zovaniyu. Saint Petersburg: Imaton, 1995. 64 p. (In Russ.).
12. Nestik T.A. Vliyanie voennyykh konfliktov na psikhologicheskoe sostoyanie obshchestva: perspektivnye napravleniya issledovanii [The influence of military conflicts on the psychological state of society: promising areas of research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140401
13. Nestik T.A. Psikhologicheskoe sostoyanie rossiiskogo obshchestva v usloviyakh SVO [Psychological state of Russian society in the conditions of Northern Military District]. *SotsioDigger = SocioDigger*, 2023. Vol. 4, no. 9(28). Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (Accessed 02.03.2024). (In Russ.).
14. Nikol'skaya I.M., Dobryakov I.V. Vyvaylenie nasiliya v otnoshenii detei. Rukovodstvo dlya spetsialistov, rabotayushchikh v sisteme zashchity detei [Identifying violence against children. A guide for professionals working in the child protection system]. Bishkek: Publ. Blits, 2014. 40 p. (In Russ.).
15. Ovdun D.A., Palikhov M.S. Zhiznennyi tsikl: detstvo i chechenskaya voyna [Life cycle: childhood and the Chechen war]. *Smal'ta = Smalta*, 2017, no. 6, pp. 72–74. (In Russ.).
16. Odintsova M.A. Psikhologiya zhiznestoikosti: uchebnik [Psychology of resilience]. Posobie. Moscow: Publ. FIInta, 2015. 292 p. (In Russ.).
17. Oleinik A.D. Psikhologicheskie posledstviya voin dlya detei [Psychological consequences of wars for children]. Materialy Vtoroi Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mezhdunarodno-pravovye i sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya mirovykh vin» (g. Moskva, 29 marta 2017 g.) [Materials of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference “International Legal and Social-Psychological Consequences of World Wars”]. Moscow: Publ. MYU, 2017, pp. 94–101. (In Russ.).
18. Osin E.N., Egorova P.A., Kedrova N.B. Konstruktivnye funktsii mechty: ot teoreticheskoi modeli k empiricheskoi validizatsii. Chast' 1 kinopredpochtenii [Constructive functions of dreams: from theoretical model to empirical validation. Part 1 of film preferences]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2023. Vol. 19, no. 4, pp. 56–66. DOI:10.17759/chp.2023190406 (In Russ.).
19. Padun M.A. Kompleksnoe PTSR: osobennosti psikhoterapii posledstviy prolongirovannoj travmatizatsii [Complex PTSD: features of psychotherapy for the consequences of prolonged traumatization]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 3, pp. 69–87. DOI:10.17759/cpp.2021290306 (In Russ.).
20. Problema psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva i politicheskikh protsessov v sovremennoi Rossii [The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia] / Nestik T.A. [et al.]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2021. Vol. 67, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.).
21. Samokhvalova A.G., Vishnevskaya O.N., Shipova N.S. Reakcii podrostkov na stress voennogo vremeni [Adolescents' reactions to wartime stress]. Psihologiya lichnosti: metodologiya, teoriya, praktika / Otv. red. D.V. Ushakov i dr. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2024, pp. 726–732. (In Russ.).
22. Samokhvalova A.G., Ekimchik O.A. Kommunikativnye trudnosti podrostka: issledovanie psixometricheskikh kachestv oprosnika «Trudnosti v obshchenii so sverstnikami i vzroslyimi» [Communicative difficulties of a teenager: a study of the psychometric qualities of the questionnaire “Difficulties in communicating with peers and adults”]. *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2018. Vol. 11, no. 60. 7 p. (In Russ.).

23. Samokhvalova A.G., Metts M.V. Mezhkul'turnye kommunikativnye trudnosti podrostkov-migrantov pervogo i vtorogo pokolenii: kross-kul'turnyi aspekt [Intercultural communication difficulties of first- and second-generation migrant adolescents: a cross-cultural perspective]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 149–166. DOI:10.17759/sps.2020110310
24. Sostoyanie somaticheskogo i psichicheskogo zdorov'ya detei iz zony antiterroristicheskoi operatsii [The state of somatic and mental health of children from the anti-terrorist operation zone] / Korenev N.M. [et al.]. *Zdorov'e rebenka = Child's Health*, 2017. Vol. 12, no. 1, pp. 1–5. (In Russ.).
25. Uchaeva A.A. Vzaimosvyaz' aktsentuatsii kharaktera i coping-strategii u podrostkov [The relationship between character accentuations and coping strategies in adolescents]. Sbornik statei laureatov XIKh Mezhregional'nogo konferentsii-festivalya nauchnogo tvorchestva uchashcheyisa molodezhi «Yunost' Bol'shoi Volgi» (g. Cheboksary, 26 maya 2017 g.) [Collection of articles by laureates of the 19th Interregional Conference-Festival of Scientific Creativity of Students "Youth of the Greater Volga"]. Cheboksary: Publ. Byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie Chuvashskoi Respubliki dopolnitel'nogo obrazovaniya "Tsentr molodezhnykh initsiativ" Ministerstva obrazovaniya i molodezchnoi politiki Chuvashskoi Respubliki, 2017, pp. 403–405. (In Russ.).
26. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. *Advances in Group Processes* / In Thye S.R., Lawler E.J. (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
27. Betancourt T. A Longitudinal Study of Psychosocial Adjustment and Community Reintegration among Former Child Soldiers in Sierra Leone. *Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*, 2010. Vol. 7, no. 3, pp. 60–62. DOI:10.1192/S1749367600005853
28. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse / Simchon A. [et al.]. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021. Vol. 97, p. 104221. (In Russ.).
29. Cohen-Chen S., Van-Zomeren M., Halperin E. Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict. *The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal*, 2015. Vol. 1, pp. 89–101.
30. Conzo P., Salustri F. A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust. *European Economic Review*, 2019. Vol. 120, pp. 1–24. DOI:10.1016/j.euroecorev.2019.103313
31. Elvevåg B., DeLisi L.E. The mental health consequences on children of the war in Ukraine: A commentary. *Psychiatry research*, 2022. Vol. 317, p. 114798. DOI:10.1016/j.psychres.2022.114798
32. Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review. Research Papers in Economics [Elektronnyi resurs], 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (Accessed 29.10.2023).
33. Figley C.R. Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview. Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized / In Figley C.R. (Ed.). New York: Publ. Brunner/Mazel, 1995, pp. 1–20.
34. Freud A., Burlingham D.T. War and Children. New York: Publ. Medical War Books, 1943. 181 p.
35. Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V. Common mental disorders in postconflict settings. *Lancet*, 2003. Vol. 361, pp. 2128–2130.
36. Living in the crossfire: Effects of exposure to political violence on Palestinian and Israeli mothers and children / Guttmann-Steinmetz S. [et al.]. *International Journal of Behavioral Development*, 2012. Vol. 36, pp. 71–78. DOI:10.1177/0165025411406861
37. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis / Charlson F.J. [et al.]. *Lancet*, 2019. Vol. 394, pp. 240–248.
38. Pacak P., Truszczyński O. Hybrid war and its psychological consequences. *Toruń International Studies*, 2020. Vol. 1, no. 13, pp. 23–30. DOI:10.12775/TIS.2020.002
39. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological

- studies / Morina N. [et al.]. *Journal of affective disorders*, 2018. Vol. 239, pp. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
40. Psychic numbing and mass atrocity / Slovic P. [et al.]. *The behavioral foundations of public policy* / In Shafir E. (eds.). New York: Publ. Princeton University Press, 2013, pp. 126–142.
41. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat / Thomson R. [et al.]. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, 2018. Vol. 115, no. 29, pp. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
42. The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure (1st ed.) / Haslam C. [et al.]. London: Publ. Routledge, 2018. 510 p. DOI:10.4324/9781315648569
43. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel / Kurapov A. [et al.]. *Journal of Loss and Trauma*, 2022. Vol. 28, no. 2, pp. 167–174. DOI:10.1080/15325024.2022.2084838

Информация об авторах

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@kosgos.ru

Вишневская Оксана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Тихомирова Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru

Шипова Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Information about the authors

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@kosgos.ru

Oksana N. Vishnevskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Acmeology of Personality, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Elena V. Tikhomirova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru

Natalya S. Shipova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Получена 12.04.2024

Received 12.04.2024

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

Вовлеченность в парасоциальные отношения у женщин среднего возраста

Молокостова А.М.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП);
АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
(АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8848-039X>, e-mail: molokostova@yandex.ru*

Космачева М.Н.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6949-633X>, e-mail: kosm_mariy@mail.ru*

Цель. Эмпирическое исследование вовлеченности в парасоциальные отношения и удовлетворенности личными отношениями.

Контекст и актуальность. Ощущение эмоциональной связи с медийными личностями, сопротивление и идентификация с ними только усиливаются с популяризацией цифровых технологий и развитием социальных сетей. С одной стороны, парасоциальные отношения стали более распространенными в связи с длительной пандемией и изоляцией. С другой стороны, парасоциальные отношения могут подменять реальные социальные контакты, что связано с их доступностью, предсказуемостью и иллюзорным контролем. Несмотря на то, что проводятся социологические и маркетинговые исследования, психологи не проводят масштабного изучения этого явления.

Дизайн исследования. Сбор данных о социально-демографических характеристиках проводился с помощью онлайн-опроса. Вовлеченность в парасоциальные отношения, субъективная оценка межличностных отношений и выраженная субъективного ощущения одиночества были исследованы с помощью тестовых методик. Проводились корреляционный анализ и проверка достоверности различий особенностей межличностных отношений у лиц с разной вовлеченностью в парасоциальные отношения.

Участники. Женщины в возрасте от 30 до 44 лет, проживающие в Москве, Кирове и селах Кировской области, имеющие и не имеющие постоянного партнера. Средний возраст – 38 лет, всего 80 человек.

Методы (инструменты). Опросник социально-демографической особенности, Шкала любви и симпатии З. Рубина, модифицированная Л.Я. Гозманом* и Е.Ю. Алешиной; опросник «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского и шкала субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона. Проверка нормальности распределения осуществлялась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Проверка достоверности различий осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ осуществлялся с помощью коэффициента Пирсона.

Результаты. Различия в вовлеченности в парасоциальные отношения у респонденток с различным индексом дисгармоничности межличностных отношений не являются статистически значимыми. Различия в вовлеченности в парасоциальные отношения у женщин в зависимости от наличия у них постоянного партнера являются статистически значимыми на уровне тен-

денции. У женщин, имеющих постоянного партнера, парасоциальные отношения носят более позитивный характер, эмоциональная привязанность к медиаперсонам умеренная. Анализ взаимосвязи между вовлеченностью в парасоциальные отношения и субъективной оценкой удовлетворенности личными отношениями личности показал, что она не значима.

Основные выводы. Парасоциальные отношения присущи женщинам среднего возраста, как удовлетворенным, так и не удовлетворенным своей личной жизнью. Женщины, чувствующие себя одинокими, как и те, кто не ощущает себя одинокими, одинаково склонны к формированию вовлеченности в парасоциальные отношения. Вовлеченность в парасоциальные отношения не связана с дисгармоничностью межличностных отношений, однако на уровне тенденции связана с субъективным ощущением одиночества. Парасоциальные отношения более свойственны женщинам, не имеющим постоянного партнера, чем тем, у кого есть постоянный партнер.

Ключевые слова: парасоциальные отношения; парасоциальные связи; вовлеченность в парасоциальные отношения; гармоничность/дисгармоничность отношений; субъективное ощущение одиночества; привязанность.

Для цитаты: Молокостова А.М., Космачева М.Н. Вовлеченность в парасоциальные отношения у женщин среднего возраста // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 124–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160107>

Involvement in Parasocial Relationships among Middle-Aged Women

Anna M. Molokostova

*Moscow Institute of Psychoanalysis; V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations,
Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8848-039X>, e-mail: molokostova@yandex.ru

Maria N. Kosmacheva

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6949-633X>, e-mail: kosm_mariy@mail.ru

Objective. *An empirical study of the correlation between parasocial interacting and satisfaction with personal relationships.*

Background. *The feeling of emotional connection with media personalities, empathy and identification with them only increases with the popularization of digital technologies and the development of social networks. On the one hand, parasocial relationships have become more common due to the prolonged pandemic and isolation. On the other hand, parasocial relationships can replace real social contacts, which is associated with their accessibility, predictability and illusory control. Despite the fact that sociological and marketing research is being conducted, psychologists do not conduct a large-scale study of this phenomenon.*

Study design. *The collection of data on socio-demographic characteristics was carried out using an online survey. The involvement in parasocial relationships, the subjective assessment of interpersonal relationships and the severity of the subjective feeling of loneliness were investigated using test methods. A correlation analysis and verification of the reliability of differences in the characteristics of interpersonal relationships among individuals with different involvement in parasocial relationships were carried out.*

Participants. *Women aged 30 to 44 years old, living in Moscow, Kirov and villages of the Kirov region, with and without a permanent partner. The average age is 38 years, only 80 people.*

Measurements. The socio-demographic information questionnaire, Scale of Love and Sympathy by Z. Rubin, modified by L. Ya. Gozman** and E. Yu. Aleshina; the questionnaire "Subjective Assessment of Interpersonal Relationships" by S.V. Duhnovsky, the scale of subjective feeling of loneliness by D. Russell and M. Ferguson. Statistical data processing was conducted using the SPSS program. The normality of the distribution was checked using the Kolmogorov-Smirnov criterion. Verification of the validity of the differences was carried out using the Mann-Whitney U-test, correlation analysis was carried out using the Pearson coefficient.

Results. Differences in involvement in parasocial relationships among respondents with different interpersonal disharmony index are not statistically significant. Differences in women's involvement in parasocial relationships, depending on whether they have a permanent partner, are statistically significant at the trend level. Women with a permanent partner have more positive parasocial relationships, and emotional attachment to media personalities is moderate. An analysis of the relationship between involvement in parasocial relationships and a subjective assessment of satisfaction with personal relationships has shown that it is not significant.

Conclusions. Parasocial relationships are inherent in middle-aged women, both satisfied and dissatisfied with their personal lives. Women who feel lonely, as well as those who do not feel lonely, are equally prone to becoming involved in parasocial relationships. Involvement in parasocial relationships is not associated with disharmony of interpersonal relationships, however, at the level of tendency it is associated with a subjective feeling of loneliness. Parasocial relationships are more common for women who do not have a permanent partner than those who have a permanent partner.

Keywords: parasocial relationships; parasocial connections; involvement with parasocial relationships; harmony/disharmony of relationships; subjective feeling of loneliness; attachment.

For citation: Molokostova A.M., Kosmacheva M.N. Involvement in Parasocial Relationships among Middle-Aged Women. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 124–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160107>

Введение

Впервые термины «парасоциальное взаимодействие» и «парасоциальные отношения» упоминаются Д. Хортманом и Р. Волом в статье «Массовая коммуникация и парасоциальное взаимодействие: наблюдение за близостью на расстоянии» [21]. Согласно их концепции парасоциальное взаимодействие (PSI) – это процесс переживания пользователем близости с персонажем в процессе восприятия медиаконтента. В то время как парасоциальные отношения (PSR) – это процесс переживания долгосрочной связи с медиаперсоной, который выходит за рамки ситуации просмотра или прослушивания медиаконтента. Так как описание этих явлений было предложено одновременно, в социаль-

ной среде возникла некоторая концептуальная сложность в их трактовке. Так, ученые пришли к выводу, что парасоциальные взаимодействия могут приводить к парасоциальным отношениям, а парасоциальные отношения могут усиливать эмоциональную составляющую этого взаимодействия [6; 7; 8; 20].

Исследования PSI стали более популярны с популяризацией масс-медиа в начале 1970-х годов. Так, А.М. Рубин, И. Перс и Р. Паузлл (A.M. Rubin, E. Perse, R. Powell) разработали шкалу парасоциального взаимодействия, состоящую из двадцати утверждений о любимом дикторе новостей [24]. Исследователи выдвинули гипотезу о взаимосвязи парасоциальных отношений и чувства одиночества, которая тем не менее была опровергну-

та. На протяжении многих лет их шкала парасоциального взаимодействия была единственной методикой для изучения парасоциальных отношений и использовалась в исследованиях с адаптацией под их задачи. В дальнейших исследованиях эмпирически подтверждено, что женщины чаще, чем мужчины, выбирают некого персонажа для парасоциальной коммуникации, если он противоположного пола, также парасоциальные отношения более интенсивны у женщин [18].

Позднее Т. Коул и Л. Литс (T. Cole, L. Leets) изучали взаимосвязь между парасоциальными отношениями и стилями привязанности респондентов, заменив в утверждениях шкалы А. Рубина «диктора новостей» на «любимую телеведущую». Исследование показало, что респонденты с тревожно-амбивалентным стилем привязанности наиболее склонны к формированию парасоциальных отношений, лица с тревожно-избегающим стилем привязанности наименее склонны к развитию таких отношений, в то время как лица с дезорганизующим стилем привязанности демонстрируют средние показатели склонности к парасоциальным отношениям [16].

Основываясь на идее, что парасоциальный опыт должен сопровождаться немедленным чувством взаимопонимания и взаимодействия с медийной персоной, Т. Хартман и К. Голдхорн (T. Hartmann, C. Goldhoorn) предложили методику «Шкала парасоциального опыта (EPSI)». Исследователи доказывают, что интенсивность переживания парасоциального опыта зависит от того, как медиаперсоны взаимодействуют со зрителями, обращаются ли они к ним напрямую, являются ли привлекательными для зрителей. Их исследование подтверждает, что более интенсивный парасоциальный опыт в ситуациях с возможным наруше-

нием социальных норм и возможностью разоблачения присутствует в таком типе коммуникации, однако не приводит к нарушениям закона и преследованиям со стороны охранных органов [19]. Так, подтверждается то, что безопасные и надежные отношения с медиаперсоной не требуют усилий и коммуникативных навыков, делая обыденную жизнедеятельность более разнообразной и волнующей.

Подавляющее большинство исследований парасоциальных отношений и коммуникации проводили не психологи, а социологи и специалисты по медиакоммуникациям, их целью было исследование предпочтений персон, программ, продуктов или услуг. Лишь в 20-х годах XX века начались исследования сходства парасоциальных отношений и обычных социальных отношений, то есть социально-психологических особенностей явления. Так, Б.С. Тернер (B.S. Turner) подтверждает, что сходство личностных установок, внешнего вида и окружения с чертами потребителя контента являются наиболее важными факторами развития парасоциальных отношений [27].

У.Дж. Браун (W.J. Brown), основываясь на теории А.М. Рубина, И. Перса и Р. Пуэлла, которые определили вовлеченность в парасоциальное взаимодействие как когнитивное, эффективное и поведенческое участие в процессе восприятия информации СМИ, предложил теоретическую модель, включающую четыре процесса вовлечения пользователя во взаимодействие с медиаперсоной: транспортировку, парасоциальное взаимодействие, идентификацию и поклонение как крайнюю форму парасоциальных отношений [15].

Р. Тукачинский (R.H. Tukachinsky) определяет парасоциальные отношения как многомерное явление, которое может включать в себя разные уровни, от

романтической привязанности до чувства сильной зависимости от медийных персонажей. Автор назвал парасоциальное взаимодействие пара-дружбой, а парасоциальные отношения — пара-любовью [26].

Позднее исследования в сфере социально-психологических измерений общества были направлены на анализ личностных особенностей, связанных с построением парасоциальных отношений. Так, Дж. Райлс и К. Адамс (J.M. Riles, K. Adams) представили исследование, в котором показали, что односторонний характер парасоциальных отношений связан с усиленной тенденцией заботиться о себе и потаканием своим собственным социальным ценностям и взглядам [23].

Скорее всего, опосредованные отношения открывают легкодоступные и удобные возможности размышлять о себе самом через других, следовать своим идеалам без боязни быть непризнанным или отвергнутым. Так, парасоциальные отношения — это отношения с самим собой опосредованно, через некий виртуальный образ. Парасоциальные отношения все чаще трактуются как вариант социальных отношений, свойственный современному индивиду в разнообразном и информационно перенасыщенном мире.

Изучение парасоциальных отношений зачастую связывается также с темой одиночества. Основная идея такова: парасоциальные отношения могут удовлетворять потребность в принадлежности к сообществу и в контактах с другими, оставаясь в изоляции от реальных людей и групп. Безопасность и дозированность общения с медиаперсоной, выражющей близкие взгляды и мироощущение, согласующиеся с образом жизни индивида, имеющего малое количество социальных контактов. Характерной чертой, способо-

ствующей их возникновению, признается одиночество [17; 25].

Современные исследования свидетельствуют о том, что одиночество может служить предиктором парасоциальных отношений, но только для тех, кто чувствует сложности с идентичностью и признанием подобных других в своей социальной среде. В исследовании подростков Б.Дж. Бонд (B.J. Bond) показано, что по сравнению с гетеросексуальной молодежью те, кто идентифицировал себя как лесбиянок, геев или бисексуалов, демонстрировали большее чувство одиночества и вовлеченность в парасоциальные отношения одновременно. Показано, что те, кто в меньшей степени способен понять себя через других в реальном мире, будут искать эти возможности в медиасреде [14].

Исследователи Дж. Деррик, С. Габриэль и В. Типпин (J.L. Derrick, S. Gabriel, B. Tippin) подтвердили, что существует положительная взаимосвязь между низкой самооценкой и парасоциальными отношениями. Делается вывод, что парасоциальные отношения могут помочь понять, как люди формируют свою самооценку и поддерживают свои личностные границы [17]. Важными элементами парасоциальных отношений являются сочувствие и эмпатия. Пользователь ставит себя на место медийной персоны, чтобы понять, как он мог бы себя чувствовать в тех или иных конкретных ситуациях. Пользователи с высоким уровнем эмпатии демонстрируют большую лояльность к медиаперсонам.

В исследовании С. Джарзуны (C.L. Jarzyna) изучались парасоциальные отношения с целью определить, получают ли интроверты те преимущества, которые экстраверты получают от реальных отношений [22]. Обнаружена тенденция к развитию парасоциальных

отношений для компенсации внутренних социальных дефицитов у некоторых респондентов.

Отечественные психологи также начали изучать парасоциальные отношения в период распространения информационных технологий и сети Интернет. Мы присоединяемся к позиции А.Н. Новикова, который предлагает в исследовании парасоциальных отношений использовать традиционное для социологии и социальной психологии представление о социальном обмене как основополагающей черте социальных отношений [7]. В то же время есть исследователи, утверждающие, что парасоциальные отношения лишены составляющей социального обмена и базируются преимущественно на эмоциональных процессах [3; 5].

Чаще всего внимание российских исследователей направлено на понимание особенностей общения в социальных сетях [2; 3; 8]. Показано, что респонденты разных возрастных групп различаются по характеру потребностей и степени личностного раскрытия. Так, среднее и молодое поколения более эмоциональны и открыты, в то время как старшие пользователи предпочитают более сдержанное взаимодействие, и самопонимание для них является внутренним и не декларируемым процессом [8]. Виртуальные персонажи игр не воспринимаются как вымышленные, взаимодействие с ними не рефлексируется как уход от реальности. Более того, подтверждается, что переживание одиночества не вызывает повышенной активности в социальных сетях [2; 13]. Скорее всего, социальные сети расширяют не только возможность общения, но и могут быть источником новых эмоциональных бесед, разочарования и конфликтов. Так, ограничивая общение в сетях, личность защищает свой эмоциональный комфорт.

В исследовании Т.С. Самсонова и Д.П. Ткаченко подтверждается положительная взаимосвязь между парасоциальными отношениями и семейными дисфункциями, такими как тревога и избегание в близких отношениях. Так, парасоциальные отношения можно трактовать как попытку получить понятные ориентиры и расширить круг своего общения, а не как стремление заменить реальную коммуникацию контролируемым и безопасным общением [11].

Итак, существует значительное количество исследований российских авторов и на русскоязычной выборке, которые изучают взаимосвязь различных личностных черт и конструктов, в частности, одиночества, самооценки, эмпатии, убеждений с парасоциальными отношениями. В рамках дискуссии о том, являются ли парасоциальные отношения патологическим явлением или представляют собой один из видов социальных отношений в современном цифровизованном и перенасыщенном информацией обществе потребления, мы склоняемся к позиции авторов, утверждающих правомерность, нормальность и социальную приемлемость данного вида общения. Парасоциальные отношения могут быть отнесены к защитному поведению и могут приводить к зависимости от них, однако реальность такова, что общение «лицом к лицу» занимает меньшее место как в деловой сфере, так и при проведении досуга и в процессе получения информации разного рода.

Парасоциальные отношения чаще становятся объектом изучения в сфере социологии, политологии, маркетинга и рекламы, так как задачи по управлению покупательским и избирательным поведением требуют четкого понимания потребностей и пристрастий целевых групп. Однако изучение психологических осо-

бенностей индивида, вовлеченного в парасоциальные отношения, требует дополнительных эмпирических результатов, так как именно знание психологических механизмов и процессов лежит в основе рекламных и управлеченческих практик.

Цель — эмпирическое исследование взаимосвязи вовлеченности в парасоциальные отношения и удовлетворенности личными отношениями.

Гипотезы:

1) женщины с различной вовлеченностью в парасоциальные отношения характеризуются различной удовлетворенностью личными отношениями и степенью субъективного ощущения одиночества;

2) парасоциальные отношения более свойственны женщинам, не имеющим постоянного партнера;

3) существует взаимосвязь между вовлеченностью в парасоциальные отношения и субъективной оценкой удовлетворенности личными отношениями.

Задачи:

1) проанализировать степень вовлеченности в парасоциальные отношения в группе пользователей сети Интернет;

2) проанализировать взаимосвязь между особенностями парасоциальных отношений, в частности, вовлеченностью в парасоциальные отношения и удовлетворенностью личными отношениями, а также ощущением одиночества.

Метод

Методики. Опросник социально-демографических особенностей; Шкала любви и симпатии З. Рубина, адаптированная на русскоязычной выборке Л.Я. Гозманом* и Ю.Е Алешиной [1], применялась для оценки эмоциональной вовлеченности в парасоциальные отношения, так как мы полагаем, что отношение к медиаперсоне схоже с отношением к реальному человеку, это

любовь и симпатия по характеру переживаемых эмоций и чувств; исследование удовлетворенности личными отношениями проводилось с помощью опросника «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского [4] и шкалы субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона [9].

Проверка нормальности распределения осуществлялась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Проверка достоверности различий осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ осуществлялся с помощью коэффициента Пирсона.

Выборка. В исследовании приняли участие 80 женщин в возрасте от 30 до 44 лет, проживающие в Москве, Кирове и селах Кировской области, имеющие или не имеющие постоянного партнера. Выборка является однородной по социально-психологическим характеристикам респондентов: все имеют высшее или неоконченное высшее образование, работу, средний уровень дохода и религиозности, являются активными пользователями социальных сетей, потребителями познавательного и развлекательного контента в сети Интернет.

Результаты

В начале эмпирического исследования были собраны данные о месте проживания и количестве времени, проводимого женщинами среднего возраста в социальных сетях и на видеопорталах. Данные представлены в табл. 1. Большинство респонденток проживает в городе или мегаполисе, меньшая часть опрошенных проживает в селе.

Как следует из ответов респондентов, мегаполис и село предоставляют пользователям больше возможностей для реального общения. Село остается местом, связанным с физическим трудом и более частым реальным взаимодействием,

в то время как мегаполис способствует включению в разнообразные события. Видимо, малые города предоставляют более ограниченные возможности для реального общения и досуга. Вероятно, на результатах исследования отражается специфика конкретного города (Кирова), однако это предположение требует дополнительного исследования.

Как отражено в табл. 1, большинство женщин, проживающих в населенных пунктах любого типа, проводит от одного до трех часов в социальных сетях. В то же время значительно число респонденток, проводящих в социальных сетях более 3 часов.

Данный факт не дает понимания того, какие сайты и ресурсы предпочтительны в той или иной подгруппе жительниц разных населенных пунктов. Однако мы подтверждаем значимость временипрепровождения в интернете у женщин изучаемой возрастной группы от 30 до 44 лет.

В табл. 2 представлено количество респонденток всей выборки по уровню эмоциональной вовлеченности в отношения по шкале З. Рубина, по опроснику «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского и по шкале субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона.

Характеристики выборки по месту проживания и времени, проводимому в социальных сетях ($N = 80$)

Время, проводимое ежедневно в социальных сетях	Город	Мегаполис	Село
	40 человек, 50%	33 человека, 41%	7 человек, 9%
До 1 часа в сети Интернет, человек	13	6	2
От 1 до 3 часов в сети Интернет, человек	15	14	4
Больше 3 часов в сети Интернет, человек	12	13	1

Распределение результатов респондентов по шкале любви и симпатии З. Рубина, по методике «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского и по шкале субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона ($N = 80$)

Распределение женщин по уровню вовлеченности в парасоциальные отношения	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выраженность эмоциональных отношений по шкале любви и симпатии З. Рубина			
Количество	18 человек, 22,5%	53 человека, 66,25%	9 человек, 11,25%
Степень субъективного ощущения одиночества, %			
Количество	42 человека, 52,5%	26 человек, 32,5%	12 человек, 15%
Индекс дисгармоничности межличностных отношений, %			
Количество	15 человек, 18,75%	38 человек, 47,5%	27 человек, 33,75%

Как отражено в табл. 2, большинство респонденток (66,25%) имеют средний уровень вовлеченности в парасоциальные отношения, что может быть связано с тем, что в настоящее время социальные сети общедоступны и проведение досуга в сети Интернет определяется такими преимуществами, как легкость общения и разнообразие информации. Респондентки с удовольствием мониторят социальные сети медийных персон, их работы, выступления и т.д., однако такое взаимодействие не отличается одержимостью, они не переживают за жизнь кумиров больше, чем за свою. Увлечение медийной личностью опирается на те же схемы, которые используются при общении с реальными знакомыми, это прямое наблюдение, интерпретация настроения, высказываний и «считывание» эмоций. Медийные личности делятся мнением и жизненным опытом, рассказывают истории и дают советы, что позволяет эмоционально приблизиться к ним и считать их своими хорошими знакомыми. Обращение к социальным сетям физически и эмоционально безопасно и удобно, однако не приводит к уходу от реальной жизни.

Процент респонденток с высоким уровнем вовлеченности в парасоциальные отношения невелик, всего 11,25%. Этим женщинам присуща иллюзия личных отношений с медийными персонами, они демонстрируют тесную привязанность к медийной личности, она занимает их мысли и вызывает не менее сильные эмоции, чем реальные люди. Эмоции могут быть как положительными, так и отрицательными. Может иметь место такое явление, как хейтерство. Отрицательные по знаку эмоции и чувства вынуждают следить за жизнью известной личности с целью осудить ее высказывания и поступки. Может иметь место

подмена реальных событий собственной жизни на события и эмоции с участием недостижимой в живом общении персоны. Лица, увлеченные парасоциальным общением, не представляют угрозы для окружающих, их общественная активность снижена и перенесена в виртуальное пространство. Мы не рассматриваем особые случаи, когда происходят преследование и драматические события, связанные с медиаперсоной.

Низкий уровень вовлеченности в парасоциальные отношения обнаружен у 22,5% опрошенных, что, скорее всего, связано с их активным образом жизни или увлеченностью каким-либо реальным занятием.

В нашем исследовании удовлетворенность личными отношениями мы связывали с индексом дисгармоничности отношений. Количество респонденток, имеющих разные результаты по шкале Индекс дисгармоничности межличностных отношений опросника «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО) С.В. Духновского, также представлено в табл. 2.

Примерно половина опрошенных женщин (47,5%) обнаруживают среднюю оценку дисгармоничности сложившихся в их жизни реальных отношений с партнером. Вероятно, их отношения в паре наполнены не только тесным общением и совместными событиями, но и противоречиями, что обусловлено как разнообразием и кризисными условиями внешней среды, так и не вошедшими в поле изучения личностными особенностями.

Количество респонденток, обнаруживших низкий уровень дисгармоничности, невелико, всего 17,75%. Вероятно, полное соответствие и сбалансированность взаимодействия определяются множеством факторов, от личностных характеристик до сложившихся

норм коммуникации в семье. Эти женщины не отмечают давления или конфликтности в отношениях с партнером.

В то же время обнаружено значительное количество респонденток с высокими оценками дисгармоничности отношений, таких 33,75%. Важно понять, каким образом женщины справляются с такой неблагоприятной жизненной ситуацией, обращаются ли эти женщины к медийным персонам чаще, чем те, кто оценивают свои отношения как гармоничные, безопасные и поддерживающие.

Количество респонденток, имеющих различную степень субъективного ощущения одиночества, также представлено в табл. 2. Более чем половина женщин оценивают общее самоощущение как благоприятное, обнаруживают низкую степень субъективного ощущения одиночества, таких 52,5% опрошенных. Средняя степень субъективного ощущения одиночества обнаружена у 32,5% женщин. Они испытывают «относительное» одиночество и относятся к нему позитивно, их общее самочувствие благоприятное. Высокая степень субъективного ощущения одиночества обнаружена у 15% респонденток, эти женщины испытывают сильное чувство изолированности и отделенности от людей. Одиночество приносит отрицательные эмоции и переживания, их общее самочувствие нельзя назвать удовлетворительным.

Для проверки предположения о том, что женщины с различной удовлетворенностью личными отношениями характеризуются разной вовлеченностью в парасоциальные отношения, было проведено сравнение медианных значений с помощью критерия Краскела-Уоллиса. Далее мы проверяли предположение о том, что женщины с разной степенью ощущения одиночества характеризуются различной вовлеченностью в парасоциальные отно-

шения. Данные статистической обработки результатов приведены в табл. 3.

Статистическая обработка результатов с помощью критерия Краскела-Уоллиса не подтвердила достоверность различий в вовлеченности в парасоциальные отношения у женщин с разным индексом дисгармоничности межличностных отношений, подтверждающим удовлетворенность или неудовлетворенность межличностными отношениями, уровень значимости равен $0,30 > 0,05$. Однако подтверждены значимые различия показателя вовлеченности в парасоциальные отношения у женщин с различной степенью субъективного ощущения одиночества, уровень значимости равен $0,00 < 0,05$.

Таким образом, предположение о том, что лица, чувствующие себя одинокими, вовлечены в парасоциальные отношения в большей степени, чем субъективно не одинокие, подтверждается. Однако, судя по результатам исследования, ощущение дисгармоничности отношений не связано с формированием вовлеченности в парасоциальные отношения. Скорее всего, вовлеченность в реальные отношения и переживания о партнере занимает женщину больше, чем привлекает общение с медийной персоной.

Далее мы проверяли предположение о существовании взаимосвязи между вовлеченностью в парасоциальные отношения и субъективной оценкой удовлетворенности личными отношениями по опроснику С.В. Духновского (СОМО). В табл. 4 приведен фрагмент корреляционной матрицы со значениями коэффициента Пирсона и уровнем значимости по каждой шкале опросника межличностных отношений С.В. Духновского.

По результатам корреляционного анализа статистически достоверных тесных связей между вовлеченностью

Таблица 3

Средние значения вовлеченности в парасоциальные отношения по всей выборке по подгруппам женщин с различным Индексом дисгармоничности по опроснику межличностных отношений СОМО С.В. Духновского и выраженностю субъективного ощущения одиночества по методике Д. Рассела и М. Фергюсона ($N = 80$)

Шкала	Уровень	Количество	Среднее значение вовлеченности в парасоциальные отношения по всей выборке, 56,91 балла	Хи-квадрат, критерий Краскела-Уоллиса	Асимптотическая значимость
Шкала Индекс дисгармоничности опросника межличностных отношений СОМО С.В. Духновского					
Индекс дисгармоничности отношений	Высокий	27	46,00	3,70	$0,30 > 0,05$
Индекс дисгармоничности отношений	Средний	38	59,02		
Индекс дисгармоничности отношений	Низкий	15	67,00		
Шкала субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона					
Ощущение одиночества	Выраженное	12	77,50	54,93	$0,00 < 0,05$
Ощущение одиночества	Среднее	26	63,50		
Ощущение одиночества	Слабое	42	36,00		

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа (фрагмент корреляционной матрицы)

Шкалы	Корреляция Пирсона	Вовлеченность в парасоциальные отношения, знач. (двухсторонняя)
Показатели субъективной оценки межличностных отношений по опроснику СОМО С.В. Духновского		
Напряженность	0,045 *	0,739
Отчужденность	0,017 *	0,901
Конфликтность	-0,030 *	0,822
Агрессия	0,123	0,359
Индекс дисгармоничности отношений	0,062	0,644
Ощущение одиночества	-0,033 *	0,806

Условные обозначения: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

в парасоциальные отношения и субъективной оценкой удовлетворенности личными отношениями обнаружено не было. Полученные значения по шкалам

Напряженность, Отчужденность, Конфликтность и Одиночество коррелируют лишь на уровне тенденции и требуют проверки на большей выборке. Видимо,

вовлеченность в парасоциальные отношения не значимо различается у женщин с разным Индексом дистармоничности отношений, как показано выше. Также не ясно направление связи, возможно, что личностные черты, которые создают трудности партнеру, в свою очередь приводят к конфликтам и непониманию в паре. Само по себе чувство неудовлетворенности отношениями может иметь несколько источников, и взаимосвязь с отрицательными проявлениями в личных отношениях вполне закономерная.

Далее для проверки предположения о том, что парасоциальные отношения более свойственны лицам, не имеющим постоянного партнера, был проведен сравнительный анализ результатов исследования с помощью U-критерия Манна-Уитни. Значение коэффициента равно 424500, уровень значимости – $0,04 < 0,05$. Как мы указывали ранее, средний показатель вовлеченности в парасоциальные отношения по всей выборке женщин равен 56,91 балла. Показатель вовлеченности в парасоциальные отношения в подгруппе женщин, имеющих постоянного партнера (таких 58 респонденток), равен 36,82 балла. По подгруппе женщин, не имеющих постоянного партнера (всего 22 респондентки), – равен 48,79 балла. Следовательно, более высокие показатели выраженности парасоциальных отношений обнаружены в подгруппе женщин, не имеющих постоянного партнера. Подтверждается, что различия показателя вовлеченности в парасоциальные отношения у женщин, имеющих и не имеющих постоянного партнера, по шкале З. Рубина значимы на уровне тенденции. Можно заключить, что у женщин, имеющих постоянного партнера, парасоциальные отношения носят более независимый характер, их эмоциональная привязанность к медиаперсонам ниже. Средний уровень вовлеченности в

парасоциальные отношения определяется присутствием значительного количества медийных средств коммуникации и для досуга, и для бизнеса. Актуальный и интересный контент привлекает доступностью и разнообразием продукции лиц разного возраста, уровня материального дохода, образованности и занятости. Средства массовой информации делают известными актеров, политиков и общественных деятелей, потребитель начинает воспринимать их как органичных участников собственной жизни.

Таким образом, предположение о том, что парасоциальные отношения более свойственны женщинам, не имеющим постоянного партнера, подтверждается на уровне тенденции. Полагаем, что данный результат вполне закономерен и связан с сокращением социальных контактов в современном обществе и популяризацией цифровых технологий. Недостаток реального общения личность пытается компенсировать событиями в сети Интернет. Испытывая дефицит личного и романтического общения, женщина может постепенно погружаться в общение виртуальное. Эмоциональная связь с объектом усиливается, парасоциальные отношения создают ложное ощущение близости и надежности. Вход и выход в общение представляются безопасными, происходят по желанию и инициативе самой женщины, что также создает преимущества по сравнению с реальностью, где общение может быть связано с отказом, с непредсказуемостью и трудностями. Так, парасоциальное общение может приводить к зависимости, ибо женщина становится ригидной и не способной к компромиссам или сотрудничеству с мужчиной, наделенным не только привлекательными чертами, но и недостатками, которых медиаперсона лишена.

Возможно, ожидание оценки экспериментатора может искажать ответы об удовлетворенности отношениями и ощущении одиночества. Кроме того, одиночество — это неодобряемое в российском социуме явление, и зачастую человеку трудно признаться даже себе самому в том, что он одинок. Это говорит о том, что полученные нами данные нуждаются в дополнительной проверке и открывают перспективы дальнейших эмпирических исследований с использованием нарративных и проективных методов.

Обсуждение результатов

Модель парасоциального взаимодействия А.М. Рубина, И. Перса и Р. Пуэлла [24], наиболее распространенная при анализе этого особого вида социального поведения, включает следующие компоненты: когнитивный, эффективный и поведенческий. Наше исследование было посвящено анализу когнитивной составляющей. В то же время следует сделать оговорку, что осознаваемое восприятие личностью своего взаимодействия с медиийными персонами может быть представлено лишь субъективно и в значительной мере социально желательным образом. Тем не менее полученные данные могут дополнить понимание личностных факторов, способствующих влечению в парасоциальные отношения. Исследование эффективности и характеристик поведения пользователей медиаконтента лежит в сфере нашего исследовательского интереса и представляется нам перспективным и потенциальным направлением изучения.

Мы полагаем, что исследование Дж. Райлса и К. Адамса [23], подтвердившее наличие тенденции в атомизированном и просвещенном обществе заботиться прежде всего о себе и своем моральном и эмоциональном комфорте,

дает нам понимание осознанного отношения современной личности к поддержанию личных границ и собственной ценности. В то же время одиночество перестает быть явлением, порицаемым социумом, а переживание одиночества неизбежным.

Парасоциальные отношения в некотором смысле выигрывают у реальных, поскольку, характеризуясь тесной привязанностью к вымышленным героям, вызывают не менее бурные эмоции, чем реальные люди, но не приводят к конфликтам. Полноценная коммуникация — это вклад обеих сторон общения, медиа же предлагают эмоционально-социальное обслуживание, которое облегчает зрителю рефлексию собственной активности и образа жизни. Как результат, нередко выбор падает именно на парасоциальное взаимодействие, отодвигая на задний план реальное общение, проблема одиночества также теряет остроту. Одиночество становится неактуальным, а не теряет остроту переживания.

Также наши результаты согласуются с выводами, сделанными исследователями В.Р. Орестовой, Д.П. Ткаченко и Т.С. Самсоновым [8], которые изучали связь переживания одиночества и потребности в самопознании и самораскрытии. Полагаем, что парасоциальное взаимодействие в большей степени способствует сохранению приватности и целостности личности, живущей в психологическом одиночестве, а не переживающей его и старающейся с ним справиться посредством общения в социальных сетях. Общение с медиийными персонами внешне схоже с реальным, так как формальные признаки живой коммуникации соблюдаются, происходит вербализация, последовательное раскрытие темы, дискутирование и прочее [6].

Также мы полагаем, что социальный обмен как ключевой механизм взаимодействия [7], который мы декларировали выше как базовую позицию в понимании феномена парасоциальных отношений, раскрывается через безопасный и надежный внутренний диалог личности, конструирующей ответы медийной персоны в мысленном формате.

Проведенное на малой и специфической по локации выборке исследование дает лишь общее понимание трендов и распространенности явления, в то время как качественные методы могли бы дополнить содержательное представление о том, какие именно функции и особенности медийных личностей привлекают российских респондентов в кризисное время.

В продолжение данного исследования предполагается провести более масштабное по количеству респондентов и более дифференцированное по составу (по половому, возрастному, профессиональному и демографическому и пр.), прежде всего сделать акцент на содержательных аспектах восприятия медийных персон российскими потребителями медиаконтента. Данное исследование, скопе всего, будет междисциплинарным, в то же время ограничение будущего ис-

следования может быть связано с безопасностью/небезопасностью высказывания позиций, мнений и пристрастий. Психологические особенности потребителей медиаконтента становятся наиболее перспективной темой для будущих исследований.

Выводы

1. Парасоциальные отношения представляют собой особый вид социального поведения в современном цифровом и многообразном по событиям социуме.
2. Парасоциальные отношения присущи как женщинам удовлетворенным, так и не удовлетворенным своей личной жизнью.
3. Женщины, чувствующие себя одинокими, как и женщины, не ощущающие себя одинокими, одинаково склонны к формированию вовлеченностя в парасоциальные отношения. Вовлеченность в парасоциальные отношения не связана с дисгармоничностью межличностных отношений, однако на уровне тенденции связана с субъективным ощущением одиночества.
4. Парасоциальные отношения более свойственны женщинам, не имеющим постоянного партнера, чем тем, у кого есть постоянный партнер.

Литература

1. Алешина Ю.А., Гозман* Л.Я., Дубовская Е.М. Шкалы любви и симпатии // Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Специпрактикум по социальной психологии. Москва: Изд-во МГУ, 1987. С. 13–20.
2. Ахмадеева Е.В. Виртуальное пространство как угроза психологической безопасности семьи // Вестник Башкирского университета. 2014. № 1. С. 242–247.
3. Брызгалин Е.А., Войсунский А.Е. Удовлетворение потребностей посредством виртуальной реальности // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Материалы международной конференции / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: РГГУ, 2018. С. 34–38.
4. Духновский С.В. Диагностика межличностных отношений в работе практического психолога образования. Курган: Изд-во КГУ, 2016. 190 с.
5. Левин Л.М. Социальные сети: основные понятия, характеристики и современные исследования / Проблемы современного образования. 2019. № 4. С. 52–57.

6. Немировский В.Г. Парасоциальные отношения как фактор снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2023. № 3. С. 59–85. DOI:10.31249/rsoc/2023.03.04
7. Новиков А.С. Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях: возможности социологических исследований // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 3(9). С. 65–73. DOI:10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73
8. Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Самсонов Т.С. Исследование связи склонности к формированию парасоциальных отношений с персонажами видеоигр и особенностей межличностной коммуникации пользователей видеоигр // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 70–84. DOI:10.28995/2073-6398-2022-2-70-84
9. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: БАХРАХ-М, 2002. 672 с.
10. Самсонов Т.С., Ткаченко Д.П. Связь склонности к парасоциальным отношениям с особенностями межличностных отношений с близкими людьми у медиапользователей // Сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека» (г. Коломна, 17 февраля 2022 г.). Коломна: Издательство ГОУ ВО ГСГУ, 2022. С. 252–257.
11. Тихонова И.Ю., Кравец А.С. Парасоциальные отношения в современном мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1(43). С. 41–49.
12. Тихонова И.Ю., Кравец А.С. Парасоциальные отношения в современном мире. Изд—во Воронежского государственного университета, 2021. 49 с.
13. Черемискина И.И., Холупова К.А. Взаимосвязь защитных механизмов и переживания одиночества у молодых людей, предпочитающих виртуальные отношения с вымышленными персонажами // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2022. Т. 14. № 4(64). С. 245–255.
14. Bond B.J. Parasocial relationships with media personae: Why they matter and how they differ among heterosexual, lesbian, gay, and bisexual adolescents // Media Psychology. 2018. No. 21. P. 457–485. DOI:10.1080/15213269.2017.1416295
15. Brown W.J. Examining four processes of audience involvement with media personae: Transportation, parasocial interaction, identification, and worship // Communication Theory. 2015. Vol. 25. № 3. DOI:10.1111/comt.12053
16. Cole T., Leets L. Attachment styles and Intimate television viewing: Insecurely forming relationships in a Para-social way // Journal of social and personal Relationships. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 1–25. DOI:10.1177/0265407599164005
17. Derrick J.L., Gabriel S., Tippin B. Parasocial relationships and self-discrepancies: Faux relationships have benefits for low self-esteem individuals // Personal relationship. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 261–280. DOI:10.1111/j.1475-6811.2008.00197.x
18. Eyal K., Rubin A.M. Viewer aggression and homophily, identification, and parasocial relationships with television characters // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2003. Vol. 47. No. 1. P. 77–98. DOI: 10.1207/s15506878jobem4701_5
19. Hartmann T., Goldhoorn C. Horton and Wohl Revisited: Exploring Viewers' Experience of Parasocial Interaction // Journal of Communication. 2011. No. 61. P. 1104–1121. DOI:10.1111/j.1460-2466.2011.01595.x
20. Hopkins D. Theorizing Emotions: Sociological Explorations and Applications / D. Hopkins. University of Chicago Press. 2009. 343 p. DOI:10.36258/aflp.v3i2.3233
21. Horton D., Wohl R. Mass Communication and Para-Social Interaction // Psychiatry. 1956. Vol. 19. No. 3. P. 215–229.

22. *Jarzyna C.L.* Introversion and the Use of Parasocial Interaction to Satisfy Belongingness Needs // Loyola University Chicago. Dissertations. 2012. 149 p. Available at: https://ecommons.luc.edu/luc_diss_6mos/6/ (дата обращения: 07.11.2023).
23. *Riles J.M., Adams K.* Me, myself, and my mediated ties: Parasocial experiences as an ego-driven process // Media Psychology. 2020. Vol. 24. No. 6. P. 792–813. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197650677.013.18
24. *Rubin A.M., Perse E., Powell R.* Loneliness, Parasocial Interaction, and Local Television News Viewing // Human Communication Research. 1985. Vol. 12. No. 2. P. 155–180.
25. *Scherer H., Diaz S., Iannone N., McCarty M., Branch S., Kelly J.* “Leave Britney alone!”: parasocial relationships and empathy // The Journal of Social Psychology. 2021. Vol. 162. No. 1. P. 128–142. DOI:10.1080/00224545.2021.1997889
26. *Tukachinsky R.H.* Para-romantic love and para-friendships: Development and assessment of a multiple-parasocial relationships scale // American Journal of Media Psychology. 2011. Vol. 3(1/2). P. 80–94. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197650677.013.17
27. *Turner B.S.* Citizenship and social theory. Sage, 1993. 208 p. DOI:10.4135/9781446217665.n2

References

1. Aleshina Yu.A., Gozman** L.Ya., Dubovskaya E.M. Shkaly lyubvi i simpatii [Scales of love and sympathy]. *Social'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenij. Specpraktikum po social'noj psikhologii* [Social and Psychological Methods of Studying Marital Relationships. Specialized Workshop on Social Psychology]. Moscow: Publ. MGU, 1987, pp.13–20. (In Russ.).
2. Akhmadeeva E.V. Virtual'noe prostranstvo kak ugroza psikhologicheskoi bezopasnosti sem'i [Virtual space as a threat to the psychological safety of the family]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 2014, no. 1, pp. 242–247. (In Russ.).
3. Bryzgalin E.A., Voiskunsky A.E. Udvovletvorenie potrebnosti posredstvom virtual'noi real'nosti [Satisfaction of needs through virtual reality]. In Marcinkovskaya T.D., Orestova V.R., Gavrichenko O.V. (eds.). *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme. Materialy mezdunarodnoi* [Digital society in the cultural and historical paradigm. Materials of the international conference]. Moscow: Publ. RGGU, 2018, pp. 34–38. (In Russ.).
4. Dukhnovsky S.V. Diagnostika mezhlichnostnykh otnoshenii v rabote prakticheskogo psikhologa obrazovaniya [Diagnostics of interpersonal relations in the work of a practical psychologist of education]. Kurgan: Publ. KSU, 2016. 190 p.
5. Levin L.M. Sotsial'nye seti: osnovnye ponyatiya, kharakteristiki i sovremennye issledovaniya [Social networks: basic concepts, characteristics and modern research]. *Problemy` sovremennoego obrazovaniya = Problems of modern education*, 2019, no. 4, pp. 52–57. (In Russ.).
6. Nemirovsky V.G. Parasotsial'nye otnosheniya kak faktor snizheniya ostroty perezhivaniya odinochestva v obshchestve travmy [Parasocial relationships as a factor in reducing the severity of loneliness in a society of trauma]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura = Social and humanitarian sciences, Domestic and foreign literature*, Seriya 11: Sotsiologiya, 2023, no. 3, pp. 59–85. DOI:10.31249/rsoc/2023.03.04. (In Russ.).
7. Novikov A.S. Emotsional'nye protsessy v parasotsial'nykh otnosheniyakh: vozmozhnosti sotsiologicheskikh issledovanii [Emotional processes in parasocial relationships: the possibilities of sociological research]. *Siberian Socium = Siberian society*, 2019. Vol. 3, no. 3(9), pp. 65–73. DOI:10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73. (In Russ.).
8. Orestova V.R., Tkachenko D.P., Samsonov T.S. Issledovanie svyazi sklonnosti k formirovaniyu parasotsial'nykh otnoshenii s personazhami videoigr i osobennosti mezhlichnostnoi kommunikatsii pol'zovatelei videoigr [Investigation of the relationship between the propensity to form parasocial relationships with video game characters and the features of interpersonal communication of video

- game users]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Psichologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = Bulletin of the Russian State Humanities University. The series “Psychology. Pedagogy. Education”*, 2022, no. 2, pp. 70–84. DOI:10.28995/2073-6398-2022-2-70-84. (In Russ.).
9. Raigorodsky D.Y. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara: publ. BAKHRACH-M, 2002. 672 p.
10. Samsonov T.S., Tkachenko D.P. Svyaz' sklonnosti k parasotsial'nym otnosheniyam s osobennostyami mezhlichnostnykh otnoshenii s blizkimi lyud'mi u media pol'zovatelei [The relationship of the tendency to parasocial relationships with the peculiarities of interpersonal relationships with loved ones in media users]. *Sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii «Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskiy kontekst razvitiya cheloveka»* (g. Kolomna, 17 fevralya 2022 g.) [Collection of scientific articles and materials of the international conference “Digital Society as a cultural and historical context of human development”]. Kolomna: Publ. GOU VO GSGU, 2022, pp. 252–257. (In Russ.).
11. Tikhonova I.Y. Parasotsial'nye otnosheniya v sovremennom mire [Parasocial relations in the modern world]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1(43), pp. 41–49. (In Russ.).
12. Tikhonova I.Yu., Kravets A.S. Parasotsial'nye otnosheniya v sovremennom mire [Parasocial relations in the modern world]. Voronezh: Publ. VSU, 2021. 49 p. (In Russ.).
13. Cheremiskina I.I. Vzaimosvyaz' zashchitnykh mekhanizmov i perezhivaniya odinochestva u molodykh lyudei, predpochitatyushchikh virtual'nye otnosheniya s vymyslennymi [Interrelation of protective mechanisms and loneliness experiences in young people who prefer virtual relationships with fictional characters]. *Territoriya nozykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*, 2022. Vol. 14, no. 4(64), pp. 245–255. (In Russ.).
14. Bond B.J. Parasocial relationships with media characters: why they are important and how they differ in heterosexual, lesbian, homosexual and bisexual adolescents. *Media Psychology*, 2018, no. 21, pp. 457–485. DOI:10.1080/15213269.2017.1416295
15. Brown W.J. Examining Four Processes of Audience Involvement With Media Personae: Transportation, Parasocial Interaction, Identification, and Worship. *The theory of communication*, 2015. Vol. 25, no. 3, pp. 250–283. DOI:10.1111/comt.12053
16. Cole T., Lits L. Attachment styles and intimate TV viewing: Unsafe relationship formation in a parasocial way. *Journal of Social and Personal Relations*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 1–25. DOI:10.1177/0265407599164005
17. Derrick J.L., Gabriel S., Tippin B. Parasocial relationships and self-discrepancies: Faux relationships have benefits for low self-esteem individuals. *Personal relationship*, 2008. Vol. 15, no. 2, pp. 261–280. DOI:10.1111/j.1475-6811.2008.00197.x
18. Eyal K., Rubin A.M. Viewer aggression and homophilia, identification and parasocial relationships with television characters. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 2003. Vol. 47, no. 1, pp. 77–98. DOI:10.1207/s15506878jobem4701_5
19. Hartmann T., Goldhorn K. Horton and Wohl returned: Exploring the experience of parasocial interaction of viewers. *Journal of Communication*, 2011, no. 61, pp. 1104–1121. DOI:10.1111/j.1460-2466.2011.01595.x
20. Hopkins D. Theorizing emotions: sociological research and applications (ed.). Publ. University of Chicago Press, 2009. 343 p. DOI:10.36258/aflp.v3i2.3233
21. Horton D., Vol R. Mass communication and parasocial interaction. *Psychiatry*, 1956. Vol. 19, no. 3, pp. 215–229.
22. Jarzhina S.L. Introversion and the use of parasocial interaction to meet the needs of belonging. *Loyola University of Chicago. Dissertations*, 2012. 149 p. Available at: https://ecommons.luc.edu/luc_diss_6mos/6/ (Accessed 07.11.2023).

23. Riles J.M., Adams K.I. the Self and my mediated connections: Parasocial experiences as an Ego-driven Process. *Mediapsychology*, 2020. Vol. 24, no. 6, pp. 792–813. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197650677.013.18
24. Rubin A.M., Persse E., Powell R. Loneliness, parasocial interaction and watching local television news. *Human Communication Research*, 1985. Vol. 12, no. 2, pp. 155–180.
25. Scherer H., Diaz S., Iannone N., McCarthy M., Branch S., Kelly J. “Leave Britney alone!”: parasocial relationships and empathy. *Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 162, no. 1, pp. 128–142. DOI:10.1080/00224545.2021.1997889
26. Tukachinsky R.H. Paranormal love and parade friendship: development and evaluation of the scale of multiple parasocial relationships. *American Journal of Media Psychology*, 2011. Vol. 3(1/2), pp. 80–94. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197650677.013.17
27. Turner B.S. Outline of a General Theory of Cultural Citizenship. Sage, 1993. 208 p. DOI:10.4135/9781446217665.n2

Информация об авторах

Молокостова Анна Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП); доцент кафедры психологии, АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского» (АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8848-039X>, e-mail: molokostova@yandex.ru

Космачева Мария Николаевна, магистрантка, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6949-633X>, e-mail: kosm_mariy@mail.ru

Information about the authors

Anna M. Molokostova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis; Associate Professor of the Department of Psychology, V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8848-039X>, e-mail: molokostova@yandex.ru

Maria N. Kosmacheva, Graduate Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6949-633X>, e-mail: kosm_mariy@mail.ru

Получена 16.11.2023

Received 16.11.2023

Принята в печать 11.03.2025

Accepted 11.03.2025

* Признан иностранным агентом.

** Designated as a foreign agent.

Факторы, влияющие на ожидаемое профессиональное долголетие в России и Казахстане

Березина Т.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Стельмак С.А.

*Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Саральпова Д.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralpova@mail.ru

Цель. Выявить факторы, влияющие на ожидаемый пенсионный возраст в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Контекст и актуальность. На фоне пенсионной реформы, искусственно повысившей продолжительность трудового периода работников, а также регистрируемого повышения средней продолжительности жизни является актуальным изучение факторов, влияющих на профессиональное долголетие в Казахстане (где пенсионная реформа частично завершилась) и в России.

Дизайн исследования. Кросс-культурное исследование, сравнительный анализ двух уравненных по календарному возрасту групп. Использовалась статистика: регрессионный анализ, -критерий Фишера, критерий Стьюдента для несвязанных групп.

Участники. 474 человека в возрасте от 35 до 70 лет. Жители Российской Федерации: 249 человек (из них 56% женщин). Жители Республики Казахстан: 225 человек (из них 52% женщин).

Методы (инструменты). Шкала ожидаемого пенсионного возраста (Т.Н. Березина), опросник личностных ресурсов (Т.А. Финогенова, Т.Н. Березина), анкета для оценки социально-демографических показателей, опросник «Субъективная оценка здоровья» (П.В. Войтенко), статистическая балансировка (П.В. Войтенко).

Результаты. В России ожидаемый пенсионный возраст: женщины – 54,9 лет, мужчины – 58,3 года, в Казахстане: женщины – 57,4 года; мужчины – 60,8 лет. В срок планируют выйти на пенсию: в Казахстане – 48% мужчин и 19% женщин, в России – 3% и 1% соответственно. Планируют работать выше пенсионного возраста: в России – 5% женщин и 5% мужчин, в Казахстане – 0% и 3% соответственно. Различия достоверны.

Выходы. Главным фактором профессионального долголетия выступает состояние здоровья (объективное и субъективное). Наличие семьи (Казахстан) и детей (Россия) важны только для женщин, и они снижают профессиональное долголетие. Наличие интересных хобби повышает профессиональное долголетие у женщин в России и частично у женщин в Казахстане. Проживание в крупном городе снижает ожидаемое профессиональное долголетие в Казахстане.

Ключевые слова: ожидаемый пенсионный возраст; профессиональное долголетие; кросс-культурное исследование; пенсионная реформа; антистарение.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058 П.

Благодарности. Авторы выражают благодарность коллегам, принимавшим участие в сборе данных: А.М. Зинатуллиной, А.А. Зиминой, Т.Е. Фатяновой, Ф.С. Исяндилетовой.

Для цитаты: Березина Т.Н., Стельмах С.А., Саральпова Д.И. Факторы, влияющие на ожидаемое профессиональное долголетие в России и Казахстане // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160108>

Factors Influencing Expected Professional Longevity in Russia and Kazakhstan

Tatiana N. Berezina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Svetlana A. Stelmakh

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Dana I. Saralpova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralpova@mail.ru

Objective. To identify factors influencing the expected retirement age in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Background. Against the backdrop of the pension reform, which artificially increased the length of the working period of workers, as well as the recorded increase in average life expectancy, it is relevant to study the factors influencing professional longevity in Kazakhstan (where the pension reform has partially completed) and in Russia.

Study design. Cross-cultural study, comparative analysis of two groups equalized by calendar age. Statistics were used: regression analysis, Fisher's test, t-test for unrelated groups.

Participants. 474 people aged from 35 to 70 years. Residents of the Russian Federation: 249 people (of which 56% are women). Residents of the Republic of Kazakhstan: 225 people (of which 52% are women).

Measurements. Scale of expected retirement age, Questionnaire of personal resources, Questionnaire for assessing socio-demographic indicators, health indicators: subjective assessment of health, statistical balancing.

Results. In Russia the expected retirement age is: women – 54,9 years, men – 58,3 years, in Kazakhstan: women – 57,4 years; men – at 60,8 years. Plan to retire on time: in Kazakhstan 48% of men and 19% of women, in Russia 3% and 1%. To work beyond retirement age: in Russia: 5% of women and 5% of men, in Kazakhstan: 0% and 3%. The differences are significant.

Conclusions. The main factor in professional longevity is the state of health (objective and subjective). Having a family (Kazakhstan) and children (Russia) are important only for women, and they reduce professional longevity. Having interesting hobbies increases professional longevity among women in Russia, and partially among women in Kazakhstan. Living in a large city reduces expected professional longevity in Kazakhstan.

Keywords: expected retirement age; professional longevity; cross-cultural research; pension reform; anti-aging.

Funding. The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00058-Р.

Acknowledgements. The authors expresses gratitude to the colleagues who took part in the collection of data: A.M. Zinatullina, A.A. Zimina, T.E. Fatyanova, F.S. Isyandavletova.

For citation: Berezina T.N., Stelmakh S.A., Saralpova D.I. Factors influencing expected professional longevity in Russia and Kazakhstan. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160108> (In Russ.).

Введение

Одним из важнейших социальных преобразований последнего десятилетия можно считать пенсионную реформу. В процессе ее проведения респонденты столкнулись с вынужденным увеличением своего профессионального долголетия, и это вызвало у них неоднозначную реакцию. Реформа проходит во многих странах, включая Казахстан и Россию, однако отношение к ней различается и зависит от национального менталитета респондентов и от особенностей ее проведения. Казахстан первым на постсоветском пространстве начал пенсионную реформу, приняв в 1997 г. законы: «Концепцию реформирования пенсионного обеспечения» и «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан». Для мужчин пенсионная реформа началась в 1998 г., когда для них был установлен пенсионный возраст 63 года, реформа для женщин началась практически одновременно с российской и продолжается в настоящее время, с каждым годом незначительно повышая профессиональное долголетие для своих граждан. Другой объективный фактор увеличения профессионального долголетия – это повышение средней продолжительности жизни в большинстве стран, в том числе в России и Казахстане. Однако, как показывают исследования, на субъективном уровне далеко не все граждане рассматривают потенциальное повышение продолжительности жизни как достаточную причину продлить и ее трудовой период.

В свете вышеперечисленного актуальным является изучение факторов, влияющих на представление респондентов о своем ожидаемом пенсионном возрасте и его соотношении с юридическим возрастом выхода на пенсию в данной стране.

Профессиональное долголетие – это показатель, характеризующий длительность периода активной профессиональной деятельности человека. Профессиональное долголетие по определению представляет собой способность субъекта на высоком уровне решать поставленные профессиональные задачи в течение всего социально заданного периода трудовой деятельности, то есть сохранять профессиональную трудоспособность [14]. Для оценки профессионального долголетия обычно используют либо объективные показатели (возраст выхода на пенсию), либо субъективные (самооценка). В современной науке считается, что реальный пенсионный возраст больше не является хорошим показателем окончания трудовой жизни, потому что многие пожилые работники постоянно приходят на работу. Более полезным показателем является ожидаемая продолжительность трудовой жизни (WLE), которая представляет собой ожидаемое количество оставшихся лет от определенного возраста, в течение которых человек будет работать, иными словами, ожидаемый пенсионный возраст [16].

Наиболее изученными факторами профессионального долголетия выступают: экономические, социально-демо-

графические, состояние здоровья, образ жизни.

Экономические факторы. Во многих странах размер пенсии зависит от стажа работы. Чтобы получить максимальную (полную) пенсию, работник должен проработать еще какое-то время после достижения им пенсионного возраста. Как отмечают К. Куито и Дж. Хелмдаг, наиболее важные реформы государственных обязательных пенсионных схем в этом направлении включают повышение установленного законом пенсионного возраста, ограничение или отказ от досрочного выхода на пенсию, установление финансовых стимулов для работы после достижения официального пенсионного возраста, а также увеличение взносов или стажа работы, дающих право на получение полной пенсии. Следовательно, связь между продолжительностью трудовой жизни, пожизненным заработком и адекватностью уровня доходов в пожилом возрасте усиливается, и доходы в старости стали в большей степени зависеть от участия на рынке труда и его интенсивности в течение трудоспособного возраста, но, что еще более важно, в конце трудовой жизни [17]. Это побуждает работников не выходить на пенсию, продолжая и продолжая работать с целью получения в перспективе более высоких пенсионных выплат.

В странах, где размер пенсии фиксирован (а сюда относится и Россия, и Казахстан), экономические стимулы также присутствуют. Исследователи из Казахстана, проведя комплексное исследование факторов, влияющих на ожидаемую продолжительность жизни в регионах Казахстана (данные предоставлены Министерством национальной экономики и Министерством здравоохранения Республики Казахстан), на основе панельных данных установили, что наиболее зна-

чимыми факторами оказались экономические, такие как доход и прожиточный минимум [19]. Как следует из таблиц, приведенных авторами исследования, корреляции положительные, т.е. с увеличением уровня дохода индивид планирует большую продолжительность жизни. Однако в этом исследовании приводятся только данные о связи дохода с ожидаемой общей продолжительностью жизни. Что же касается связи дохода с продолжительностью профессиональной жизни, то здесь связи сложнее.

Следует отметить, что в значительной части случаев уровень дохода респондента связан с успехами в его трудовой деятельности, поэтому его трудно отделить от факторов: наличие интересной, перспективной работы, самореализация, успешная карьера. А это, в свою очередь, связано с профессиональным долголетием, т.к. карьера требует значительно-го времени на свое осуществление. Это согласуется с данными Дж. Беннетта и К. Меринга, которые считают, что риски досрочного выхода на пенсию для инсайдеров рынка труда (т.е. людей, успешных в своей карьере) значительно ниже по сравнению с теми, у кого нестабильная карьера (т.е. аутсайдерами) [15]. В России показана связь между успешностью в трудовой деятельности и профессиональным долголетием для многих категорий работников [12]. К среднезначимым факторам профессионального долголетия научных работников, наряду с материальной обеспеченностью, относят: удовлетворенность работой, образовательный рост и карьерный рост [13]. В Казахстане для преподавателей университетов в качестве фактора профессионального долголетия была предложена потребность в профессиональном развитии [21].

Исходя из описанных выше данных, складывается впечатление, что матери-

альный достаток сцеплен с успешной карьерой и в целом способствует профессиональному долголетию. Однако есть и другие данные. Исследователи из Индии изучили около 252 человек в возрасте от 55 до 70 лет из Дели и Северной Каролины. Было проведено сравнение тех, кто вышел на пенсию, и тех, кто продолжал работать. Исследование показало связь более раннего выхода на пенсию с материальной успешностью и, наоборот, продолжения работы — с недостаточной финансовой защищенностью. Авторы пишут, что оптимальный выход на пенсию возможен только в том случае, если респондент спланировал заранее свою жизнь с надлежащими финансами ибережениями или правительство предоставляет ему много пособий по социальному обеспечению [20].

Состояние здоровья — фактор, которой отмечается в исследованиях, проведенных во всех странах, в том числе в России [8; 12] и в Казахстане [1; 19].

Большое количество связей установлено между соматическим здоровьем и ожидаемой (или реальной) длительностью трудового периода. Как отмечали исследователи в ЕС, именно соматическое здоровье является центральным фактором, определяющим профессиональное долголетие. Именно оно может оказаться ключевой причиной, которая будет препятствовать продолжению работы, даже если человек может и хочет. Они отмечали, что положительное влияние увеличения продолжительности жизни на продление трудовой жизни поразительно подчеркивает важность способности продолжать работать, связанной со здоровьем. Полученные результаты еще раз указывают на тот факт, что не все могут продолжать работать, независимо от их желания или политики, связанной с уходом с рынка труда [17].

Показана связь профессионального долголетия с биологическим возрастом респондента и показателями здоровья, которые входят в него, например, такими как статическая балансировка. Многие авторы отмечали, что биологический возраст как интегральная характеристика здоровья является лучшим предиктором профессионального долголетия, чем календарный возраст [6].

Есть данные о связи профессионального долголетия педагогов с психическим здоровьем. Как отмечают российские исследователи, среди факторов, влияющих на продолжительность профессиональной деятельности, значимыми являются психологическое здоровье и компоненты, его составляющие. На основании эмпирического исследования ими установлены корреляции между общим уровнем саморегуляции и психологическим здоровьем педагогов, в свою очередь связанные со стажем [8].

К факторам профессионального долголетия также относят **социально-демографические**, из них важнейшие — наличие семьи, качество семейных и родительско-детских отношений. Существуют несколько исследований взаимосвязи семейного статуса с продолжительностью трудового периода. Наличие семьи рассматривается как один из компонентов отложенного старения. В России отложенное старение рассматривается как процесс многоуровневый и многоактовый: государство — социально ответственный бизнес — институты гражданского общества — семья — сам человек, при этом трудовая профессиональная занятость рассматривается как терминальная ценность, как гарант осуществления жизнедеятельности во всех сферах общества, в том числе и семейной [11]. Вопрос о связи семейного статуса и профессионального долголетия доста-

точно сложный. На основе всероссийского социологического исследования, которое проводилось в 2019–2020 гг. в рамках проекта «Демографическое самочувствие России», была сделана попытка выявить взаимосвязь между брачным статусом российских мужчин и их установками на долголетие в широком смысле этого слова. Было показано, что, с одной стороны, установки на наибольшие сроки желаемой продолжительности жизни демонстрируют мужчины, состоящие в браке, с другой стороны, установки на сроки желаемой продолжительности жизни имеют максимальные значения и в группе мужчин, которые никогда не состояли в браке, но при этом отмечающих для себя высокую значимость профессиональных и личных целей [9]. Для российских женщин также было проведено исследование предикторов вероятностной продолжительности жизни со стороны качества семейных и детско-родительских отношений. Результаты исследования показали, что большее влияние на вероятностную продолжительность жизни оказали негативные аспекты семейных и детско-родительских отношений в сравнении с позитивными. Наиболее оптимистические прогнозы в отношении своего долголетия дают работающие и активно-физкультурные женщины [10]. Исследователи в Казахстане среди факторов здоровья, влияющих на ожидаемую продолжительность жизни, отмечали такой социально-демографический фактор, как соотношение разводов и браков [19]. Стойкий брак в Казахстане рассматривается как фактор, повышающий ожидаемую продолжительность жизни, однако мы не нашли данных о его влиянии на ожидаемую продолжительность профессиональной жизни.

Образ жизни, хобби, интересы, досуговая активность. Можно вывести еще

одну группу факторов — это личностные ресурсы антистарения, под которыми мы понимаем способы организации свободного времени, образ жизни, хобби, интересы. Именно этот подход реализуется в социальной программе «Активное долголетие» (работающей как в России, так и в Казахстане), одним из направлений которой является организация досуговых центров, где лица старшего возраста могут посещать кружки и секции по интересам. В России эффективность этой программы была доказана, в том числе и в наших собственных исследованиях [2]. В Казахстане исследование эффективности программ активного долголетия проводилось на базе Центральной клинической больницы Управления делами президента в Республике Казахстан, в исследовании участвовали 147 пациентов, прикрепленных к больнице. Был сделан вывод, что достижение активного долголетия является положительным фактором, были обнаружены положительные тенденции в развитии человеческого капитала государства: в качестве механизма предлагалось использование опыта и знаний старшего поколения в повышении эффективности социально-экономических преобразований в здравоохранении [1].

Среди личностных ресурсов, способствующих профессиональному долголетию, чаще всего называют здоровый образ жизни, физическую активность [13], занятие физкультурой [7], творческие или интеллектуальные хобби [8].

Цель: выявить факторы, влияющие на ожидаемый пенсионный возраст в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Гипотеза: мы предполагаем наличие нескольких факторов: социально-демографические характеристики индивида, показатели здоровья и личностные ре-

сурсы антистарения, понимаемые нами как способы организации досуга.

Метод

Методики исследования

1. Диагностика ожидаемого пенсионного возраста — ОПВ (авторская разработка Т.Н. Березиной) [4]. Представляет собой опросник, в котором испытуемый указывает пенсионный возраст, в котором он планирует выйти на пенсию, в котором по закону люди выходят на пенсию, идеальный, минимально и максимально допустимый для себя возраст выхода на пенсию. В тесте — одна шкала, представляющая собой среднее арифметическое значение ответов на данные вопросы. Эта методика была предназначена для оценки профессионального долголетия.

2. «Опросник личностных ресурсов». Авторская разработка Т.А. Финогеновой и Т.Н. Березиной [3]. Личностные ресурсы в рамках авторской концепции рассматривались как занятия (хобби и интересы), которые можно применять как дополнительные виды деятельности в повседневной жизни. В методике 13 шкал, соответствующих количеству личностных ресурсов: 1) Спорт, 2) Порядок, 3) Креативность, 4) Интеллект, 5) Предметный ресурс (Ручная работа), 6) Доброта (Альтруистический ресурс), 7) Юмор, 8) Духовность, 9) Риск, 10) Общение, 11) Природа, 12) Достижения, 13) Оптимизм.

3. Анкета для оценки социально-демографических показателей (пол, возраст, семейный статус, наличие детей, место жительство, профессия).

4. Опросник «Субъективная оценка здоровья» и статическая балансировка (входят в состав методики оценки биологического возраста В.П. Войтенко) [5] для оценки показателей здоровья.

Субъективная оценка здоровья — опросник, в котором предлагаются вопросы для выявления тех или иных проблем со здоровьем. Шкала обратная, измеряет количество заболеваний.

Статическая балансировка — стойка на левой ноге с закрытыми глазами. Измеряется длительность стойки в секундах. Является объективной характеристикой здоровья. В методике **одна** шкала.

Обработка данных

1) Критерий Стьюдента для несвязанных выборок для данных, собранных с помощью интервальных шкал.

2) φ -критерий Фишера для сравнения процентных соотношений. В ситуациях, где в определенной группе было 0 случаев, мы брали 1 случай. Подобная замена возможна потому, что она уменьшает вероятность сделать ошибку первого рода, а не увеличивает ее.

3) Регрессионный анализ. Использовался метод пошаговой гребневой регрессии с включением данных. Зависимой переменной выступал ожидаемый пенсионный возраст. Независимые переменные: личностные ресурсы, показатели здоровья и социально-демографические показатели.

Выборка: 474 человека в возрасте от 35 до 70 лет. Жители Российской Федерации: 249 человек (56% женщин): средний возраст женщин = $50,6 + 9,13$; средний возраст мужчин = $49,6 + 12,91$. Жители Республики Казахстан: 225 человек (52% женщин): средний возраст женщин = $49,1 + 8,18$; средний возраст мужчин = $47,6 + 8,49$. В выборку не были включены испытуемые, имеющие право выхода на досрочную пенсию (представители профессий особого риска и педагоги общеобразовательных школ).

Критерии отбора испытуемых. 1. Территориальный — все испытуемые жили

на обследуемой местности. В России обследование проводилось в нескольких регионах (Москва, Владикавказ, Московская область, Башкортостан, Оренбургская область). Обследовались люди, проживающие на определенном участке (приписанные к поликлинике, к школе, жители одной деревни, многоквартирного дома). В Казахстане обследование проводилось на базе НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова» (НАО «ВКУ им. С. Аманжолова»), г. Усть-Каменогорск. 2. Возрастной — все испытуемые относились к изучаемой возрастной группе. 3. Добровольность. 4. Анонимность. Все личные данные участников исследования были удалены после сбора данных.

Результаты

Мы уравняли исследуемые группы по календарному возрасту, чтобы возрастные характеристики не смазывали эффект от действия других переменных. После этого мы сравнили ожидаемый пенсионный возраст и характеристики

здоровья в изучаемых странах (результаты представлены в табл. 1).

Как видно из табл. 1, российская и казахстанская выборки, уравненные по календарному возрасту, достоверно различаются по всем остальным параметрам. Ожидаемый пенсионный возраст, характеризующий профессиональное долголетие, у мужчин и у женщин достоверно выше в Казахстане. Но у тех и других он ниже, чем официальный возраст выхода на пенсию в стране.

Объективный показатель здоровья (статическая балансировка) выше у российских респондентов обоего пола. А субъективный показатель здоровья лучше у казахстанских респондентов, у них достоверно ниже субъективно оцениваемое количество заболеваний.

Мы измерили % респондентов с высоким профессиональным долголетием (ОПВ выше официального возраста выхода на пенсию, 60 — для женщин, 63 — для мужчин), нормальным (ОПВ совпадает с официальным пенсионным возрастом) и средним (ОПВ ниже офи-

Сравнительный анализ ожидаемого пенсионного возраста и показателей здоровья для респондентов Российской Федерации (РФ) и Республики Казахстан (РК)

Показатель	Среднее в РФ	Среднее в РК	t	p
Женщины				
КВ	$50,6 \pm 9,13$	$49,1 \pm 8,18$	1,4	$p > 0,05$ (не значимо)
ОПВ	$54,9 \pm 3,77$	$57,4 \pm 2,21$	6,3	$p < 0,001$
СБ	$15,7 \pm 15,94$	$12,20 \pm 5,46$	2,2	$p < 0,05$
СОЗ	$14,3 \pm 5,27$	$7,7 \pm 2,29$	12,4	$p < 0,001$
Мужчины				
КВ	$49,6 \pm 12,91$	$47,6 \pm 8,49$	1,3	$p > 0,05$ (не значимо)
ОПВ	$58,3 \pm 4,30$	$60,8 \pm 3,09$	4,8	$p < 0,01$
СБ	$20,3 \pm 19,19$	$14,6 \pm 5,49$	2,9	$p < 0,01$
СОЗ	$10,4 \pm 5,16$	$6,5 \pm 1,47$	7,7	$p < 0,001$

Примечания. КВ — календарный возраст; ОПВ — ожидаемый пенсионный возраст; СБ — статическая балансировка; СОЗ — субъективная оценка здоровья (количество заболеваний); t — критерий Стьюдента; p — уровень значимости.

циального пенсионного возраста), результаты представлены в табл. 2.

В выборке женщин из Казахстана лица с высоким ОПВ отсутствовали, для вычисления ф-критерия необходимо натуральное число, поэтому мы ставили 1 случай. Это увеличивает достоверность сравнительного анализа, а не уменьшает его.

Как видно из табл. 2, основные тенденции сохраняются и в мужской, и в женской выборке. Жители Казахстана достоверно чаще планируют выйти на пенсию, достигнув определенного законом возраста (это относится и к мужчинам, и к женщинам).

В России основное большинство респондентов надеется выйти на пенсию раньше срока. Однако интересно то, что количество женщин, готовых выйти на пенсию позднее законного срока, в России тоже достоверно выше (в Казахстане таковых вообще не оказалось), у мужчин тенденция сохраняется, но не достигает степени достоверности.

С помощью регрессионного анализа мы выявили, какие факторы влияют на планируемое респондентами профессиональное долголетие (ОПВ). Результаты российских женщин представлены в табл. 3, а казахстанских — в табл. 4.

Таблица 2

Соотношение лиц с высоким, нормальным и средним ожидаемым пенсионным возрастом

ОПВ (уровни)	ОПВ в Российской Федерации (%)	ОПВ в Республике Казахстан (%)	φ	<i>p</i>
Женщины				
Высокий	5	0	2,125	<i>p</i> < 0,05
Нормальный	1	19	4,83	<i>p</i> < 0,01
Средний	94	81	2,878	<i>p</i> < 0,01
Мужчины				
Высокий	5	3	0,979	<i>p</i> > 0,05 (не значимо)
Нормальный	3	48	7,186	<i>p</i> < 0,01
Средний	92	50	7,05	<i>p</i> < 0,01

Примечания. ОПВ — ожидаемый пенсионный возраст; — критерий Фишера; *p* — уровень значимости.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для женщин Российской Федерации

Показатели	<i>бета</i>	<i>B</i>	<i>t(129)</i>	<i>p</i>
Константа (свободный член)		55,79	28,37	0,001
СБ	0,34	0,08	4,73	0,001
Ресурс «Достижения»	0,20	0,55	2,73	0,01
СОЗ	-0,20	-0,15	-2,88	0,01
Ресурс «Оптимизм»	0,10	0,25	1,23	0,22
Наличие детей	-0,18	-2,03	-2,60	0,01
Ресурс «Духовность (самосовершенствование)»	0,11	0,34	1,46	0,15

Показатели	<i>бета</i>	<i>B</i>	<i>t(129)</i>	<i>p</i>
Ресурс «Рукоделие (предметная деятельность)»	0,12	0,42	1,74	0,08
Ресурс «Риск»	-0,09	-0,29	-1,32	0,18
Ресурс «Общение»	0,09	0,20	1,03	0,30

Примечания. Данная регрессионная модель достоверна и объясняет 40% дисперсии (скорректированное $R^2 = 0,40$, $F(9,129) = 11,4$, $p < 0,001$); бета — стандартизированный коэффициент регрессии; *B* — коэффициент регрессии; *t* — критерий Стьюдента; *p* — уровень значимости. СБ — статическая балансировка; СОЗ — субъективная оценка здоровья (количество заболеваний).

Как видно из табл. 3, профессиональное долголетие (ожидаемый пенсионный возраст) женщин в России увеличивают: хорошее здоровье (статическая балансировка и субъективная оценка здоровья (обратная шкала)), наличие достижений в любых видах деятельности. Снижают: наличие детей. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Как видно из табл. 4, профессиональное долголетие (ожидаемый пенсионный

возраст) женщин в Казахстане увеличивают: возраст респондента, объективные показатели здоровья (статическая балансировка), некоторые хобби также увеличивают ОПВ (альtruистические занятия, юмор), но другие понижают его (общение, хобби, связанные с природой, самосовершенствование, оптимизм). Понижает профессиональное долголетие также наличие семьи. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для женщин Республики Казахстан

Показатели	<i>бета</i>	<i>B</i>	<i>t(105)</i>	<i>p</i>
Константа (свободный член)		54,3	29,21	0,001
Возраст	0,39	2,52	4,48	0,001
Ресурс «Альтруизм»	0,33	0,98	3,42	0,001
СБ	0,36	0,15	3,82	0,001
Ресурс «Общение»	-0,28	-0,52	-2,92	0,01
Наличие семьи	-0,32	-0,84	-3,56	0,001
Ресурс «Оптимизм»	-0,18	-0,50	-2,12	0,04
Ресурс «Юмор»	0,28	0,84	2,99	0,01
Ресурс «Духовность (самосовершенствование)»	-0,21	-0,71	-2,49	0,01
Местожительство	-0,13	-0,32	-1,69	0,09
Ресурс «Природа»	-0,19	-0,36	-2,06	0,04
СОЗ	0,12	0,12	1,45	0,15

Примечания. Данная регрессионная модель достоверна и объясняет 33% дисперсии (скорректированное $R^2 = 0,33$, $F(11,105) = 6,21$, $p < 0,001$); бета — стандартизированный коэффициент регрессии; *B* — коэффициент регрессии; *t* — критерий Стьюдента; *p* — уровень значимости. СБ — статическая балансировка; СОЗ — субъективная оценка здоровья (количество заболеваний).

Результаты регрессионных уравнений для мужских выборок представлены в табл. 5, 6.

Как видно из табл. 5, наличие у мужчин РФ интересных хобби (интеллектуальных) уменьшает ожидаемый пенсионный возраст и тем самым снижает профессиональное долголетие. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Как видно из табл. 6, достоверно ОПВ снижает проживание в крупном городе. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение,

но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Обсуждение результатов

Обратим внимание, что средний ожидаемый пенсионный возраст и в России, и в Казахстане и для мужчин, и для женщин ниже фактически определенного законом. При этом профессиональная реформа для мужчин в Казахстане уже давно завершилась, и они могли адаптироваться к повышенному сроку трудовой деятельности. Для женщин Казахстана, а также для мужчин и женщин России пенсионная реформа началась относительно недавно и в настоящее время продолжается. У жен-

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для мужчин Российской Федерации

Индивидуально-личностные показатели	бета	B	t(106)	p
Константа (свободный член)		58,68	55,08	0,001
Ресурс «Интеллект»	-0,23	-0,74	-2,29	0,02
СБ	0,13	0,03	1,32	0,19
Ресурс «Предметная деятельность (рукоделие)»	0,12	0,46	1,25	0,22

Примечания. Данная регрессионная модель объясняет только 3% дисперсии, достоверность на уровне тенденции ($R^2 = 0,03, F(3,106) = 2,17, p < 0,09$); бета — стандартизированный коэффициент регрессии; B — коэффициент регрессии; t — критерий Стьюдента; p — уровень значимости; СБ — статическая балансировка.

Таблица 6

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для мужчин Республики Казахстан

Индивидуально-личностные показатели	бета	B	t(103)	p
Константа (свободный член)		63,33	34,65	0,001
Местожительство	-0,43	-1,51	-4,94	0,001
СБ	-0,13	-0,07	-1,48	0,14
СОЗ	0,15	0,31	1,65	0,10
Ресурс «Творчество»	-0,09	-0,44	-1,03	0,30

Примечания. Данная регрессионная модель достоверна, объясняет только 23% дисперсии (скорректированное $R^2 = 0,23, F(4,103) = 8,98, p < 0,001$); бета — стандартизированный коэффициент регрессии, B — коэффициент регрессии; t — критерий Стьюдента; p — уровень значимости. СБ — статическая балансировка; СОЗ — субъективная оценка здоровья (количество заболеваний).

щин Казахстана выход на пенсию ранее происходил в 58 лет. Но сейчас в процессе реформы власти решили постепенно поднять пенсионный возраст женщин до 61 года. В России в настоящий момент пенсионная реформа идет и для мужчин, и для женщин, возраст выхода на пенсию ранее был 55 лет для женщин и 60 — для мужчин, а станет для мужчин — 63 года, а для женщин — 60 лет.

Однако женщины России определяют свой ожидаемый пенсионный возраст в 54,9 лет, женщины Казахстана — в 57,4 года; мужчины России — в 58,3 лет, а мужчины Казахстана — в 60,8 лет. Обратим внимание на два факта. Во-первых, у респондентов из Казахстана все показатели выше. Во-вторых, у тех и у других они ниже объективного пенсионного возраста. Первое можно объяснить, исходя из того, что до начала пенсионной реформы мужчины и женщины в Казахстане работали дольше, чем в России, поэтому они уже адаптировались к свое профессиональное долголетие планировали, опираясь на имеющиеся факты (58 лет — для женщин и 63 — для мужчин), а российские респонденты опирались на меньшие цифры (55 — для женщин и 60 — для мужчин). Второе можно объяснить тем, что часть респондентов имели право на досрочную пенсию. И хотя мы исключили из окончательной выборки самые большие группы лиц, имеющих такое право по профессиональному фактору, тем не менее остались отдельные представители, имеющие его из-за других причин (многодетные родители, инвалидность и т.п.). Возможно, таких людей оказалось больше, чем мы ожидали, а может быть, просто большинству людей хочется выйти на пенсию раньше.

Интересно другое. В Казахстане количество респондентов, планирующих выйти на пенсию точно в срок, определенный законом, выше российского более чем в 10 раз. Такими мы считаем респондентов,

которые свое профессиональное долголетие вплотную соотнесли с законами своей страны; у них субъективный показатель (ожидаемый пенсионный возраст) равен объективному (определенному законом); мужчин таких — 48%, а женщин — 19%. Но только единицы россиян планируют выйти на пенсию в срок, зато в России больший процент людей с повышенным профессиональным долголетием. Если в Казахстане таких женщин нет вообще, то в России их 5% (мужчин тоже 5% по отношению к казахстанским 3%). Россияне, планирующие повышенный ОПВ, объясняли это интересной работой, желанием сделать карьеру, надеждой на то, что у них долго будет хорошее здоровье. Впрочем, россияне, показавшие пониженный ОПВ, тоже часто апеллировали к здоровью, они хотели сохранить здоровье подольше и поэтому планировали уйти на пенсию пораньше. Интересны кросс-культурные различия по оценке своего здоровья. Субъективно российские респонденты оценивают состояние своего здоровья достоверно ниже, чем жители Казахстана, а объективный параметр здоровья тем не менее у российских мужчин и женщин выше. Этот факт требует дополнительного исследования.

Изначально мы предполагали, что с планируемым профессиональным долголетием будут связаны: состояние здоровья, семейный статус, наличие разнообразных хобби и других видов активности. Результаты оказались сложнее, чем мы ожидали. Состояние здоровья входит в регressiveонное уравнение практически у всех групп. Однако оно повышает ожидаемый пенсионный возраст не у всех. У мужчин в Казахстане оно не значимо. Мы полагаем, что субъективное и объективное состояние здоровья связано с планированием более длительного профессионального пути у тех людей, которые полагают, что «чем дольше я буду

работать, тем, значит, у меня дольше будет хорошее здоровье». Наоборот, при хорошем здоровье люди планируют быстрее выйти на пенсию, если у них доминирует мотивация сохранения здоровья, «пока оно не ухудшилось». Обратим внимание, что в Казахстане к факторам профессионального долголетия входит местожительство с отрицательным знаком (иначе говоря, проживание в городе снижает ожидаемый пенсионный возраст). Это соответствует ранее полученным другими исследователями данным. Исследователи показали, что статистически значимыми предикторами эмоционального выгорания медицинских работников являются такие факторы, как место работы, городское или сельское [18], которое обычно совпадает с местом жительства.

Семейный статус оказался связан с продолжительностью планируемого трудового периода только у женщин. При этом в Казахстане с ОПВ отрицательно связано наличие семьи, а в России — наличие детей. В Казахстане имеющие семью (мужа) женщины, а в России имеющие детей женщины планируют выйти на пенсию раньше, чем не имеющие. С одной стороны, наличие семьи (мужа) или детей дает женщине защиту, в том числе в материальном плане, и позволяет выйти на пенсию раньше. С другой стороны, семейный статус может быть значимой частью стратегии профессионального долголетия, выделенной нами посредством регрессионного анализа. Особенно наглядно это видно при сравнении женских стратегий в России и Казахстане. В России наличие хобби и дополнительных интересов увеличивает профессиональное долголетие женщины (ресурс «рукоделие» на уровне тенденции). В Казахстане иногда его понижают (общение, хобби, связанные с природой, самосовершенствование, оптимизм), хотя ресурсы «альtruистические занятия» и «юмор» повышают его. В рамках

нашей модели личностные ресурсы представляют собой виды активности; общение как ресурс — это наличие друзей, знакомых, частота встреч с ними, совместных времяпрепровождений (пойти в гости) и т.п. Возможно, в Казахстане большая часть партнеров по общению — это члены семьи, поэтому ориентированная на общение женщина будет стремиться быстрее выйти на пенсию, а в России партнерами по общению часто бывают друзья, знакомые, в том числе коллеги по работе, поэтому данный ресурс не влияет на выход на пенсию. Так же интересно, что наличие альтруистических хобби у женщин в Казахстане способствует их профессиональному долголетию. Возможно, это потому, что альтруистическое поведение у них оказывается связано с работой (помощь коллегам, участие в благотворительных мероприятиях), в то время как заботу о близких, помочь членам семьи женщины воспринимают как само собой разумеющееся, не считая это альтруистическими поступками. Поэтому и появлялась связь между альтруистическими поступками и планированием длительности трудового периода.

Обратим внимание, что наличие у мужчин в России интересных хобби (интеллектуальные хобби) является скорее поводом прекратить трудовую деятельность и заняться хобби, чем ее продолжать; у мужчин в Казахстане фактор хобби не значим.

Заключение

Таким образом, мы можем выделить объективные и субъективные факторы, связанные с ожидаемым профессиональным долголетием в России и в Казахстане. В России для женщин объективными факторами являются: состояние здоровья, дети (их наличие понижает профессиональное долголетие), наличие хобби (рукоделие) и ресурса «достижения». Субъективным фактором является субъ-

ективная оценка состояния здоровья. Скорее всего, более длительный трудовой период планирует ориентированная на карьеру женщина с хорошим здоровьем, чья самореализация связана с работой, и ее это устраивает. В Казахстане для женщин объективными факторами также являются состояние здоровья, возраст, наличие семьи (снижает профессиональное долголетие), большинство хобби понижают ожидаемый пенсионный возраст (общение, хобби, связанные с природой, самосовершенствование), увеличивают его только хобби: альтруистические занятия и юмор. Субъективный фактор — оптимизм, он снижает ожидаемый пенсионный возраст. Скорее всего, ориентированная на профессиональное долголетие — это женщина с хорошим здоровьем, не имеющая семьи, опечаленная этим, но находящая выход в юморе и альтруистических поступках. У мужчин в России серьезные интеллектуальные хобби понижают профессиональное долголетие. Остальные факторы не достигают уровня значимости. Для мужчин в Казахстане объективным фактором является местожительство в крупном городе (оно снижает профессиональное долголетие).

В целом у мужчин на профессиональное долголетие влияет меньшее количество из изученных нами факторов.

В любом случае самым главным фактором профессионального долголетия выступает состояние здоровья (объективное и субъективное). Наличие семьи и детей важны только для женщин, и они снижают профессиональное долголетие. Наличие интересных хобби повышает профессиональное долголетие у женщин в России, частично у женщин в Казахстане и снижает его у мужчин в РФ. В Казахстане на профессиональное долголетие влияет местожительство, проживание в крупном городе снижает его и у мужчин, и у женщин (у женщин на уровне тенденций).

Перспективы исследования. Необходимо расширить диагностическую батарею и продолжить исследование, выделив другие субъективные и объективные факторы профессионального долголетия.

Ограничения результатов. Результаты относятся только к изученным возрастным (35–70 лет) и профессиональным (исключены учителя средних школ и представители профессий особого риска) группам.

Литература

1. Бенберин В.В., Ахетов А.А., Танбаева Г.З. Медико-социальные технологии моделирования активного долголетия в Республике Казахстан // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28. № 1. С. 173–176.
2. Березина Т.Н. Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» — оценка эффективности по показателям биopsихологического возраста // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 134–151. DOI:10.17759/sps.2023140209
3. Березина Т.Н. Стандартизация теста «Опросник личностных ресурсов» (ресурсных областей). [Электронный ресурс] // OSF. 2022. URL: <https://osf.io/pwg24/> (дата обращения: 15.10.2024).
4. Березина Т.Н., Рыбцов С.А. Влияние карантина на показатели биopsихологического возраста в России (лонгитюдное исследование) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 57–69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106
5. Биологический возраст. Наследственность и старение / Под ред. В.П. Войтенко, А.В. Токарь. Киев: Ин-т геронтологии, 1984. 143 с.

6. Викторов А.А., Алексинич А.В., Гладких В.Д. Прогнозирование профессионального долголетия военнослужащих на основе кинетической теории старения // Госпитальная медицина: наука и практика. 2018. Т. 1. № 5. С. 12–17.
7. Волков П.Б. Профессионально-прикладная физическая подготовка как фактор профессионального и творческого долголетия активной части профессорско-преподавательского состава вуза // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 32. С. 268–274.
8. Горбунова Н.В., Фетисов А.С. Психологическое здоровье педагога как фактор профессионального долголетия // Перспективы науки и образования. 2023. № 2(62). С. 500–516. DOI:10.32744/pse.2023.2.29
9. Иванова А.Е., Вангородская С.А. Жениться или не жениться: как брачный статус определяет установки на долголетие российских мужчин? // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 1. DOI:10.15838/sa.2023.1.37.3
10. Розенова М.И. Качество семейных отношений и субъективные оценки вероятностной продолжительности жизни // Человеческий капитал. 2022. № 12–1(168). С. 209–225. DOI:10.25629/HC.2022.12.33
11. Саралиева З.Х. Ресурсное обеспечение отложенного старения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4(72). С. 92–100.
12. Успешность, работа и старение: фундаментальные, прикладные и научно-популярные аспекты профессионального долголетия / И.Б. Дуракова [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА–М», 2023. 187 с. DOI:10.12737/1912427
13. Факторы, обуславливающие профессиональное долголетие научных сотрудников / А.М. Алленов [и др.] // Медицина труда и промышленная экология. 2021. Т. 61. № 6. С. 385–401. DOI:10.31089/1026-9428-2021-61-6-385-401
14. Шкарин В.В., Воробьев А.А., Аджиенко В.Л., Андрющенко Ф.А. Профессиональное долголетие – пути и способы достижения // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2022. Т. 19. № 2. С. 19–26. DOI:10.19163/1994-9480-2022-19-2-19-19-26
15. Bennett J., Möhring K. Cumulative (dis)advantage? The impact of labour market policies on late career employment from a life course perspective // Journal of Social Policy. 2015. Vol. 44. P. 213–233. DOI:10.1017/S0047279414000816
16. Estimating Working Life Expectancy: A Comparison of Multistate Models / Chungkham H. [et al.] // Innovation in Aging. 2023. Vol. 7. Issue Supplement_1, December 2023. P. 314–315. DOI:10.1093/geroni/igad104.1046
17. Kuitto K., Helmdag J. Extending working lives: How policies shape retirement and labour market participation of older workers // Soc Policy Adm. 2021. Vol. 55. P. 423–439. DOI:10.1111/spol.12717
18. Migina L., Myssayev A., Meirmanov S., Uristemova A. Professional burnout in primary health care workers of the Republic of Kazakhstan // Clinical Epidemiology and Global Health. 2023. Vol. 23. 101359. DOI:10.1016/j.cegh.2023.10135
19. Panzabekova A., Digel I. Factors affecting life expectancy in Kazakhstan // R-Economy. 2020. Vol. 6. P. 261–270. DOI:10.15826/recon.2020.6.4.023
20. Sanwal T., Sareen P. The Relevance of Social Intelligence for Effective Optimization of Retirement and Successful // Ageing Int. 2023. Vol. 48. P. 247–262. DOI:10.1007/s12126-021-09469-z
21. Sapieva M., Bulatbayeva K., Mazbayev O., Pussyrmamanov N. Professional Development of university teachers: Kazakhstan context // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2023. Vol. 18(1). P. 300–312. DOI:10.18844/cjes.v18i1.8083

References

1. Benberin V.V., Akhetov A.A., Tanbayeva G.Z. Mediko-sotsial'nyye tekhnologii modelirovaniya aktivnogo dolgoletiya v Respublike Kazakhstan [Medical and social technologies for modeling

- active longevity in the Republic of Kazakhstan]. *Uspekhi gerontologii = Advances in gerontology*, 2015. Vol. 28, no. 1, pp. 173–176. (In Russ.).
2. Berezina T.N. Sotsial'no-psikhologicheskiye programmy: «Aktivnoye dolgoletiye» i «Antistarenie XXI» — otsenka effektivnosti po pokazatelyam biopsikhologicheskogo vozrasta [Socio-Psychological Programs: “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” — Evaluation of Effectiveness in Terms of Biopsychological Age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 134–151. DOI:10.17759/sps.2023140209 (In Russ.).
3. Berezina T.N. Standartizatsiya testa «Oprosnik lichnostnykh resursov» (resursnykh oblastey). [Elektronnyy resurs] [Standardization of the test “Questionnaire of personal resources” (resource areas)]. *OSF*. 2022. URL: <https://osf.io/pwg24/> (Accessed 15.10.2024).
4. Berezina T.N., Rybtsov S.A. Vliyaniye karantina na pokazateli biopsikhologicheskogo vozrasta v Rossii (longityudnoye issledovaniye) [Impact of Quarantine on Biopsychological Age Indicators in Russia (Longitudinal Study)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 57–69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106 (In Russ.).
5. Biologicheskii vozrast. Nasledstvennost' i starenie [Biological age. Heredity and aging]. In V.P. Voitenko, A.V. Tokar' (eds.). Kiev: In-t gerontologii, 1984. 143 p. (In Russ.).
6. Viktorov A.A., Alekhnovich A.V., Gladkikh V.D. Prognozirovaniye professional'nogo dolgoletiya voyennosluzhashchikh na osnove kineticheskoy teorii stareniya [Prediction of professional longevity of military personnel based on the kinetic theory of aging]. *Gospital'naya meditsina: nauka i praktika = Hospital medicine: science and practice*, 2018. Vol. 1, no. S, pp. 12–17. (In Russ.).
7. Volkov P.B. Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kak faktor professional'nogo i tvorcheskogo dolgoletiya aktivnoy chasti professorskogo-prepodavatel'skogo sostava vuza [Professional applied physical training as a factor in the professional and creative longevity of the active part of the university teaching staff]. *NovaInfo.Ru = NovaInfo.Ru*, 2015. Vol. 2, no. 32, pp. 268–274. (In Russ.).
8. Gorbunova N.V., Fetisov A.S. Psikhologicheskoye zdorov'ye pedagoga kak faktor professional'nogo dolgoletiya [Psychological health of a teacher as a factor of professional longevity]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of science and education*, 2023, no. 2(62), pp. 500–516. DOI:10.32744/pse.2023.2.29 (In Russ.).
9. Ivanova A.Ye., Vangorodskaya S.A. Zhenit'sya ili ne zhenit'sya: kak brachnyy status opredelyayet ustanovki na dolgoletiye rossiyanskikh muzhechin? [To marry or not to marry: how does marital status determine attitudes towards longevity of Russian men?]. *Sotsial'noye prostranstvo = Social space*, 2023. Vol. 9, no. 1. DOI:10.15838/sa.2023.1.37.3 (In Russ.).
10. Rozenova M.I. Kachestvo semeynykh otnoshenii i sub'yekтивnyye otsenki veroyatnostnoy prodolzhitel'nosti zhizni [Quality of family relationships and subjective assessments of probabilistic life expectancy]. *Chelovecheskiy kapital = Human capital*, 2022, no. 12–1(168), pp. 209–225. DOI:10.25629/HC.2022.12.33 (In Russ.).
11. Saraliyeva Z.H. Resursnoye obespecheniye otlozhennogo stareniya [Resource support for delayed aging]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2023, no. 4(72), pp. 92–100. (In Russ.).
12. Uspeshnost', rabota i starenije: fundamental'nyye, prikladnyye i nauchno-populyarnyye aspekty professional'nogo dolgoletiya [Success, work and aging: fundamental, applied and popular science aspects of professional longevity]. I.B. Durakova [et al.]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Nauchno-izdatel'skiy tsentr INFRA-M», 2023. 187 p. DOI:10.12737/1912427 (In Russ.).
13. Faktory, obuslovlyivayushchiye professional'noye dolgoletiye nauchnykh sotrudnikov [Factors determining the professional longevity of scientific employees]. A.M. Allenov [et al.]. *Meditina truda i promyshlennaya ekologiya = Occupational Medicine and Industrial Ecology*, 2021. Vol. 61, no. 6, pp. 385–401. DOI:10.31089/1026-9428-2021-61-6-385-401 (In Russ.).

14. Shkarin V.V., Vorob'yev A.A., Adzhiyenko V.L., Andryushchenko F.A. Professional'noye dolgoletiye – puti i sposoby dostizheniya [Professional longevity – ways and means of achieving it]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* = Bulletin of the Volgograd State Medical University, 2022. Vol. 19, no. 2, pp. 19–26. DOI:10.19163/1994-9480-2022-19-2-19-19-26 (In Russ.).
15. Bennett J., Möhring K. Cumulative (dis)advantage? The impact of labour market policies on late career employment from a life course perspective. *Journal of Social Policy*, 2015. Vol. 44, pp. 213–233. DOI:10.1017/S0047279414000816
16. Estimating Working Life Expectancy: A Comparison of Multistate Models / Chungkham H. [et al.]. *Innovation in Aging*, 2023. Vol. 7, Issue Supplement_1, December 2023, pp. 314–315. DOI:10.1093/geroni/igad104.1046
17. Kuitto K., Helmdag J. Extending working lives: How policies shape retirement and labour market participation of older workers. *Soc Policy Adm*, 2021. Vol. 55, pp. 423–439. DOI:10.1111/spol.12717
18. Migina L., Myssayev A., Meirmanov S., Uristemova A. Professional burnout in primary health care workers of the Republic of Kazakhstan. *Clinical Epidemiology and Global Health*, 2023. Vol. 23, 101359. DOI:10.1016/j.cegh.2023.101359
19. Panzabekova A., Digel I. Factors affecting life expectancy in Kazakhstan. *R-Economy*, 2020. Vol. 6, pp. 261–270. DOI:10.15826/recon.2020.6.4.023
20. Sanwal T., Sareen P. The Relevance of Social Intelligence for Effective Optimization of Retirement and Successful. *Ageing. Ageing Int*, 2023. Vol. 48, pp. 247–262. DOI:10.1007/s12126-021-09469-z
21. Sapieva M., Bulatbayeva K., Mazbayev O., Pussyrmann N. Professional Development of university teachers: Kazakhstan context. *Cypriot Journal of Educational Sciences*, 2023. Vol. 18(1), pp. 300–312. DOI:10.18844/cjes.v18i1.808

Информация об авторах

Березина Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Стельмакх Светлана Александровна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и коррекционной педагогики, Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Саральпова Дана Игоревна, ассистент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralpova@mail.ru

Information about the authors

Tatiana N. Berezina, Doctor of Psychology, Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Svetlana A. Stelmakh, Candidate of Sciences (Psychology), Professor of the Department of Psychology and Correctional Pedagogy, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Dana I. Saralpova, Assistant, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralpova@mail.ru

Получена 18.02.2024

Received 18.02.2024

Принята в печать 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Модификация и психометрическая проверка опросника «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика

Тарасов С.В.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»);
ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук
(ФГБОУ ВО «ГАУГН»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8790-7219>, e-mail: sementarasovvas@gmail.com

Цель. Содержательная модификация и психометрическая проверка опросника, позволяющего оценить степень выраженности рефлексивности как свойства учебной группы в зависимости от ее типа (открытая, полузакрытая).

Контекст и актуальность. По отношению к совместной деятельности членов группы вне зависимости от сферы в настоящее время выдвигается требование повышения эффективности, инновационности и продуктивности деятельности. Одним из условий этого роста выступает групповая рефлексивность. Для исследования трудовых коллективов и организационных команд имеются инструменты измерения выраженности этого группового свойства, в то время как для изучения рефлексивности учебных групп подростков, осуществляющих помимо основной учебной деятельности иные формы совместной деятельности, не существует психологических методик, которые позволяли бы оценивать выраженность показателей данного свойства.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в форме очного опроса учебных групп, представляющих три разные образовательные среды. Для измерения выраженности групповой рефлексивности был модифицирован опросник «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика. Также были использованы «Опросник рефлексивности личности» А.В. Карпова, методика «Суверенность психологического пространства личности – 2010» С.К. Нартовой-Бочавер, методика оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф. Фидлеру и индекс сплоченности группы.

Участники. Исследование включало две выборки. В первую выборку вошли 309 респондентов из учебных групп открытого и полузакрытого (кадеты и послушники) типов (средний возраст – 15,9 лет; 58,3% – мужчины). Во вторую – 637 респондентов, также представляющих разные типы учебных групп (возрастной диапазон – от 14 до 19 лет; 66,7% – мужчины).

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных были использованы конfirmаторный факторный анализ, проверка на нормальность и описательные статистики, коэффициент α Кронбаха, корреляционный анализ, анализ различий для независимых выборок. Для обработки данных использовались программы IBM SPSS 27.0, IBM AMOS 20 и Jatogit 2.3.28.

Результаты. Результаты конfirmаторного факторного анализа, анализа надежности (α Кронбаха) и item-total correlation указывают на хорошую надежность-согласованность опросника и отдельных шкал. Финальный вариант включает 3 шкалы: «Анализ смысла совместной деятельности», «Осмысление прошлого опыта», «Оценка группового ресурса и возможностей». Взаимосвязи шкал показали положительную корреляцию с рефлексивностью личности и сплоченностью, отрицательную – с суверенностью и атмосферой в группе. Анализ различий показал, что

условия организационно-образовательной среды обуславливают выраженность рефлексивности, в соответствии с чем были выделены нормы относительно учебных групп разного типа.

Основные выводы. Модифицированный вариант опросника «Групповая рефлексивность» является надежным и валидным инструментом и может использоваться при изучении учебных групп подростков разного типа (открытых и полузакрытых).

Ключевые слова: групповая рефлексивность; групповое свойство; учебная группа; полузакрытые группы; суверенность психологического пространства; кадеты.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138-2025-0018 «Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса».

Для цитаты: Тарасов С.В. Модификация и психометрическая проверка опросника «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 159–174. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160109>

Modification and Psychometric Verification of Questionnaire the “Group Reflexivity” by T.A. Nestik

Semyon V. Tarasov

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;

State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8790-7219>, e-mail: sementarasovvas@gmail.com

Objective of the study is a meaningful modification and test a methodology for assessing the degree of expression reflexivity as a property of a study group, depending on its type (open, semi-closed).

Background. In relation to the joint activities of group members, regardless of their field, there is a current need to increase the efficiency and productivity of these activities. One condition for this growth is the development of group reflexivity. While there are tools available to measure the level of this group characteristic in labor collectives and organizational teams. At the same time, no psychological methods exist for studying the reflexivity of adolescent educational groups.

Study design. The study was conducted as a face-to-face survey with study groups that represented three different educational settings. To measure group reflexivity, the “Group Reflexivity” questionnaire by T.A. Nestik was modified. Additionally, the “The Personal Reflexivity Questionnaire” by A.V. Karpov and the “The Personal Sovereignty Questionnaire – 2010” by S.K. Nartova-Bochaver were used. The methodology for evaluating the psychological atmosphere within a team by A.F. Fiedler and the group’s cohesion index also contributed to this research.

Participants. The study included two samples. The first sample included 309 respondents from open and semi-closed study groups (cadets and novices) (average age of 15,9 years, 58,3% male). The second group included 637 respondents, also representing different types of study groups, with an age range of 14–19 years and 66,7% being male.

Measurements. For data processing and analysis: confirmatory factor analyses, verification of normality, descriptive statistics, Cronbach’s alpha coefficient, correlation analysis and analysis of differences between independent samples, were applied in the IBM SPSS 27.0, IBM AMOS 20 and Jamovi 2.3.28.

Results. The results of confirmatory factor analysis, reliability analysis (Cronbach’s alpha), and item-total correlation indicate the good reliability and consistency of the methodology and individual scales. The final version of the methodology includes three scales: “Analysis of the Meaning of Joint Activity”, “Understanding Experience”, and “Assessment of Group Resources and Opportunities”. The

correlation analysis showed a positive correlation with personality reflexivity and group cohesion, as well as a negative correlation with sovereignty and atmosphere in the group. Analysis of the differences revealed that the conditions of the organizational and educational environment determine the level of reflexivity. Based on these findings, norms were established for educational groups of various types.

Conclusions. A modified version of the “Group reflexivity” methodology is a reliable and valid tool for studying different types of educational groups, including both open and semi-closed groups.

Keywords: group reflexivity; group property; study group; semi-closed groups; sovereignty of psychological space; cadets.

Funding. The study was carried out according to State Assignment No. 0138-2024-0018 “Individual and group psychological mechanisms of consolidation of Russian society in the context of the geopolitical crisis”.

For citation: Tarasov S.V. Modification and Psychometric Verification of Questionnaire the “Group Reflexivity” by T.A. Nestik. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 159–174. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160109> (In Russ.).

Введение

На современном этапе развития общества интерес социальных психологов, занимающихся изучением малой группы, связан с исследованиями проблемы повышения эффективности и продуктивности совместной деятельности [2; 21 и др.]. Одним из основных факторов, способствующих этому, по их мнению, выступает групповая рефлексивность как свойство группы, как «уровень развития группы, когда члены группы склонны к открытому обсуждению целей их совместной деятельности, используемых способов решения задач и групповых процессов, адаптируя их к ожидаемым изменениям внешних и внутренних условий» [31, с. 3].

В зарубежной психологии принято считать, что начало исследований групповой рефлексии/рефлексивности связано с изучением продуктивности рабочих групп телеканала BBC М. Вестом и его коллегами [18]. Структура рефлексивности, по их мнению, состоит из трех связанных процессов — планирования, рефлексии и адаптации, в качестве связующих выступают обратная связь и обмен когнитивными моделями [23]. В дальнейшем

сформировалось четыре направления развития исследований рефлексивности группы [6]: рефлексивность как фактор эффективности совместной деятельности, рефлексивность как способность группы к обучению, рефлексивность как функциональный тренинг и рефлексивность как метакогнитивный опыт.

В отечественной психологии подход к рефлексивности группы прослеживается в концепциях А.Л. Журавлева, К.М. Гайдар, А.С. Чернышева, С.В. Сарычева. В рамках рассмотрения группы как субъекта своей деятельности рефлексивность (способность к рефлексии и саморефлексии) анализируется как маркер высшей стадии развития коллективного/группового субъекта и фактор эффективности совместной деятельности [1; 5]. Наиболее полное теоретическое осмысление феномена «групповая рефлексивность» применительно к отечественной социальной и организационной психологии выполнено Т.А. Нестиком [12].

Однако необходимо отметить, что большинство исследований рефлексивности выполнены на выборках из производственных команд и коллективов, в то время как учебные группы, в частности подростко-

ые, не выступали в качестве объекта исследования. Данный тип групп (учебных) отличается от производственных содержанием деятельности, функциями руководителя, процессами активного формирования личности, особенностями периода становления профессиональных интересов, развития субъектности и др. [7 и др.]. Данный факт указывает на существование специфики проявлений групповой рефлексивности. Особенности изучаемого группового свойства зависят от социальных характеристик группы. Например, от уровня образования, направленности его содержания, наличия/отсутствия дополнительного компонента в образовании (военные, спортивные, духовные, общеобразовательные и т.д.), а также от степени открытости группы. В последнем случае по критерию свободы входа и выхода члена группы выделяют «открытые — полузакрытые — закрытые группы» и т.п. В них ключевые различия в характеристиках как членов группы, так и группы в целом обусловлены спецификой организационно-образовательной среды [3; 14; 15].

Для фиксации уровня выраженности и модальности групповой рефлексивности в зарубежной социальной и организационной психологии имеется ряд методических разработок. Так, М. Вестом предложена шкала рефлексивности из 8 утверждений [18]; шкала групповой рефлексивности М. Хегла и К. Парботи из 5 утверждений [20]; шкала рефлексии по поводу процесса и результатов Ч. Севелсберга [29]; 24-пунктная шкала групповой рефлексивности М. Шипперс [30]; шкала интенсивности и глубины групповой рефлексии из 16 утверждений К. Отте [27] и др.

В отечественной психологии на данный момент существует только две методики, связанные с измерением рефлексивности группы: опросник «Групповая

рефлексивность» Т.А. Нестика [12] и субшкала «Рефлексирующая субъектность» тест-опросника «Типы групповой субъектности» К.М. Гайдар [1]. Опросник Т.А. Нестика разрабатывался с целью измерения выраженности рефлексивности в организационных командах, а тест-опросник К.М. Гайдар позволяет выделить тип субъектности группы студенческой молодежи, косвенно затрагивая групповую рефлексивность как свойство группы. Проведенный содержательный анализ суждений обоих опросников показал, что вариант Т.А. Нестика больше направлен на исследование рефлексивности как группового свойства. Исходя из этого было принято решение модифицировать опросник Т.А. Нестика для исследования групповой рефлексивности учебных групп подростков разного типа (открытых и полузакрытых). Таким образом, целью данной работы стала проверка психометрических свойств модифицированной версии опросника «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика.

Метод

Выборка. Поскольку опрос проводился в два этапа, исследование включало две выборки. В первую выборку для проверки внутренней структуры методики вошли 309 респондентов в возрасте от 14 до 19 лет из учебных групп открытого (учащиеся колледжа, $N = 113$, $M_{age} = 16,15$; 51,3% мальчиков) и полузакрытого (kadеты ($N = 73$, $M_{age} = 15,63$; 70% мальчиков), послушники ($N = 123$, $M_{age} = 15,89$; 53,7% мальчиков)) типов. На втором этапе с целью проверки надежности, конвергентной валидности и выделения норм приняли участие 637 респондентов в возрасте от 14 до 19 лет, также представляющие открытые ($N = 220$, $M_{age} = 16,79$; 62,7% мальчиков) и полузакрытые (kadеты ($N = 181$,

$M_{age} = 15,8$; 85,6% мальчиков) и послушники ($N = 236$, $M_{age} = 15,97$; 51,9% мальчиков) – учебные группы.

Процедура и инструментарий.

Первоначально в соответствии с концепцией групповой рефлексивности учебной группы [3] исходные 20 пунктов опросника «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика [12, с. 478] были распределены по 3 шкалам – «Анализ смысла совместной деятельности» (7 пунктов), «Осмысление прошлого опыта» (6 пунктов), «Оценка группового ресурса и возможностей» (7 пунктов). Также в связи с тем, что изначально опросник создавался для исследований организационных команд, в формулировках пунктов слова «команда» и «участники команды» были заменены на «класс» и «одноклассники» для более четкого понимания респондентами пунктов методики. Экспертная комиссия, состоящая из одного магистра, двух кандидатов наук, двух докторов психологических наук и пяти педагогов-психологов образовательного учреждения, сошлась во мнении о содержательной валидности модифицированной методики (Приложение). Оценка пунктов производится по 5-балльной шкале Ликерта. Показателем по шкале выступает сумма всех пунктов данной шкалы.

Опрос обеих выборок проводился в очной форме. Возраст респондентов подобран с учетом того, что ко второму году обучения они заканчивают первичную адаптацию к новым условиям среды [16]. Для проведения исследования были получены разрешения администрации образовательных учреждений, информированные согласия со стороны родителей (для несовершеннолетних) и личные (для совершеннолетних). Исследование проводилось в присутствии педагога-психолога учреждения.

На первом этапе учащимся предъявлялся только модифицированный вари-

ант опросника и анкета социально-демографических данных. На втором этапе с целью проверки валидности модифицированной методики были добавлены «Опросник рефлексивности личности» А.В. Карпова [7], методика «Суверенность психологического пространства личности – 2010» С.К. Нартовой-Бочавер [9], методика оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф. Фидлеру [17], индекс сплоченности группы [17].

Обработка данных. При обработке данных использовались конfirmаторный факторный анализ, описательные статистики, коэффициент α Кронбаха, коэффициент корреляции Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Анализ данных проводился с помощью программ IBM SPSS 27.0, IBM AMOS 20.0 и Jamovi 2.3.28. Пороговые значения для конfirmаторного анализа: RMSEA < 0,05; SRMR ≤ 0,08; CFI > 0,9; GFI > 0,9 [19; 22; 26; 28].

Результаты

Описательная статистика по всем группам и шкалам методики «Групповая рефлексивность» представлена в табл. 1. В целом распределение по шкалам на всей выборке демонстрирует левостороннюю асимметрию и некоторую остроту пика распределения. В подгруппах, выделенных по типу учебной группы, эти данные различаются. Так, учащиеся колледжа сохраняют тенденцию к левосторонней асимметрии, однако вершина распределения менее заостренная. В подгруппах учащихся кадетского корпуса и религиозной школы, наоборот, асимметрия имеет правостороннюю тенденцию, а эксцесс указывает на слаженность пика распределения. Анализ согласованности с применением коэффициента α Кронбаха показал, что как на общей вы-

борке, так и в подгруппах шкалы демонстрируют достаточную надежность.

Проверка нормальности распределения (критерий Колмогорова-Смирнова, $p \geq 0,05$) шкал для всей выборки и отдельных подгрупп показала, что распределение отличается от нормального. Однако опираясь на то, что в большин-

стве исследований нормальным считают распределение при значениях эксцесса и асимметрии до 2 баллов [11, с. 107], полученные результаты могут быть приняты как достаточно нормальное распределение, позволяющее в дальнейшем выделить первичные нормы и применить параметрические методы анализа.

Описательные статистики и проверка нормальности распределения шкал методики «Групповая рефлексивность» на общей выборке и в подгруппах по типу учебной группы ($N = 309$)

Шкала (α Кронбаха)	<i>M</i>	<i>Me</i>	Σ	Skewness	Kurtosis	<i>p</i>
Вся выборка ($N = 309$)						
Осмысление прошлого опыта (0,729)	18,34	18	6,23	-0,68	1,593	< 0,001
Анализ смысла совместной деятельности (0,763)	17,9	18	6,22	-0,546	1,755	< 0,001
Оценка группового ресурса и возможностей (0,759)	18,08	18	6,45	-0,444	1,388	< 0,001
Групповая рефлексивность (0,888)	54,32	55	16,9	-1,072	1,756	< 0,001
Учащиеся колледжа ($N = 113$)						
Осмысление прошлого опыта (0,881)	16,08	18	7,55	-0,883	0,234	< 0,001
Анализ смысла совместной деятельности (0,879)	15,67	17	7,29	-0,991	0,296	< 0,001
Оценка группового ресурса и возможностей (0,873)	16	18	7,4	-0,969	0,419	< 0,001
Групповая рефлексивность (0,854)	47,75	53	21,1	-1,201	0,846	< 0,001
Учащиеся кадетского корпуса ($N = 73$)						
Осмысление прошлого опыта (0,783)	19,74	19	5,63	0,552	0,262	0,007
Анализ смысла совместной деятельности (0,724)	19,87	19	5,82	0,496	-0,105	0,025
Оценка группового ресурса и возможностей (0,780)	18,72	19	6,38	0,696	0,213	0,001
Групповая рефлексивность (0,743)	58,87	58	14,7	0,368	1,089	< 0,001
Учащиеся религиозной школы ($N = 123$)						
Осмысление прошлого опыта (0,716)	18,5	18	4,09	0,222	-0,596	< 0,001
Анализ смысла совместной деятельности (0,727)	19,17	19	4,06	0,207	-0,005	< 0,001
Оценка группового ресурса и возможностей (0,798)	18,22	18	4,35	0,331	-0,347	< 0,001
Групповая рефлексивность (0,778)	56,41	56	9,87	0,487	-1,113	< 0,001

Примечание: M — среднее по шкале, Me — медиана, σ — стандартное отклонение, Skewness — асимметрия, Kurtosis — эксцесс.

Конфирматорный факторный анализ методом максимального сходства подтвердил трехфакторную структуру опросника. В первоначальной модели ($\chi^2 = 2088,542$; $df = 797$; $\chi^2/df = 2,621$; $p = 0,000$; SRMR = 0,034; GFI = 0,856; CFI = 0,814; RMSEA = 0,036; Lo90 = 0,034; Hi90 = 0,038; Pclose = 1,000) пункты 5 («При обсуждении работы в нашем классе приветствуются творческие, нестандартные идеи») и 12 («Наш класс ориентирован на постоянное совершенствование совместной работы») давали низкую нагрузку на факторы «Анализ смысла совместной деятельности» и «Оценка группового ресурса и возможностей», снижали внутреннюю согласованность шкал, вследствие чего было принято решение их исключить. После исключения данных пунктов (5 и 12) была получена модель, отвечающая всем критериям пригодности ($\chi^2 = 844,616$; $df = 528$; $\chi^2/df = 1,600$; $p = 0,000$; SRMR = 0,032; GFI = 0,933; CFI = 0,948; RMSEA = 0,022; Lo90 = 0,019; Hi90 = 0,024; Pclose = 1,000). Веса всех переменных, которые входят в соответствующие факторы, значимые на уровне $p < 0,001$. Для фактора «Анализ смысла совместной деятельности» веса находятся в диапазоне от 0,512 до 0,58; для «Оценка группового ресурса и возможностей» — от 0,522 до 0,603; для «Осмысление прошлого опыта» — от 0,519 до 0,576.

Поскольку организационно-образовательная среда различается в групп-

ах открытого и полузакрытого типа, был проведен мультигрупповой анализ для проверки соответствия модели в разных типах учебных групп ($CFI > 0,9$; $RMSEA < 0,05$; $\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,015$) [24]. В табл. 2 представлены статистики согласия моделей мультигруппового анализа взаимосвязи переменных групповой рефлексивности для двух типов учебных групп. Результаты показали инвариантность модели, поэтому в дальнейшем при использовании методики можно рассматривать данную модель как общую для всех видов учебных групп открытого и полузакрытого типов.

Корреляции между шкалами соответствуют предположению о том, что все три компонента положительно взаимосвязаны между собой. Корреляция (коэффициент Пирсона, при $p \leq 0,001$) отдельных пунктов со шкалой находится в диапазоне от 0,623 до 0,685 для «Анализа смысла совместной деятельности»; от 0,649 до 0,681 для «Оценки группового ресурса и возможностей»; от 0,632 до 0,679 для «Осмысления прошлого опыта». Это говорит о дискриминативности шкал, т.е. нацеленности каждого из вопросов на измерение конструкта соответствующей шкалы.

Исходя из представленных выше результатов мультигруппового анализа на данном этапе группы рассматривались без дифференциации по типу среды.

Таблица 2

Статистики согласия моделей мультигруппового анализа, полученные при помощи конфирматорного факторного анализа для групп открытого и полузакрытого типов

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	$\Delta RMSEA$	PCLOSE	χ^2	df
Конфигурационная	0,948	—	0,022	—	1,000	844,616	528
Структурные веса	0,950	0,002	0,020	0,002	1,000	875,718	573
Структурные ковариации	0,944	0,006	0,023	0,003	1,000	956,533	591

Для проверки внешней валидности методики были посчитаны корреляции (коэффициент Пирсона, при $p \leq 0,05$) с методиками «Опросник рефлексивности личности» А.В. Карпова (α Кронбаха = 0,796), «Суверенность психологического пространства личности – 2010» (α Кронбаха от 0,712 до 0,856), «Оценка психологической атмосферы в коллективе по А.Ф. Фидлеру» (α Кронбаха = 0,823) и индексом сплоченности группы (α Кронбаха = 0,834). Результаты представлены в табл. 3. Полученные взаимосвязи соответствуют теоретическим предположениям. Положительные взаимосвязи всех шкал обнаружены с выраженной рефлексивности личности и групповой сплоченностью. Отрицательные взаимосвязи шкал модифицированной методики

«Групповая рефлексивность» имеются со всеми показателями суверенности психологического пространства личности и психологической атмосферой.

О валидности методики также будут свидетельствовать различия, обнаруженные на разных типах учебных групп. Так как специфика полузакрытых учебных групп заключается в большей направленности организационно-образовательной среды на коллективизм [14; 15], то и групповая рефлексивность как групповое свойство должна быть более выражена в данных группах. Проведенный анализ различий (однофакторный ANOVA, при $p \leq 0,05$) показал, что учебные группы разного типа различаются. В группах полузакрытого типа разного вида рефлексивность выражена больше,

Таблица 3
Взаимосвязь шкал модифицированной методики «Групповая рефлексивность» со шкалами методик «Суверенность психологического пространства личности – 2010», «Опросник рефлексивности личности», «Оценка психологической атмосферы» и индексом сплоченности группы ($N = 637$)

Шкалы	Осмыслиение прошлого опыта	Анализ смысла совместной деятельности	Оценка группового ресурса и возможностей	Групповая рефлексивность
Суверенность психологического пространства личности	-0,337***	-0,300**	-0,287**	-0,344***
Суверенность физического тела	-0,271**	-0,241**	-0,250**	-0,284**
Суверенность территории	-0,361***	-0,319***	-0,317***	-0,371***
Суверенность вещей	-0,319***	-0,315***	-0,278**	-0,339***
Суверенность привычек	-0,291**	-0,292**	-0,240**	-0,306***
Суверенность социальных связей	-0,236**	-0,250**	-0,242**	-0,271**
Суверенность ценностей	-0,265**	-0,301**	-0,246**	-0,302**
Рефлексивность личности	0,295**	0,281**	0,287**	0,294**
Сплоченность группы	0,528***	0,509***	0,497***	0,524***
Психологическая атмосфера	-0,241**	-0,221**	-0,181**	-0,239**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

чем в учебных группах открытого типа: Осмысление прошлого опыта ($F = 24,060; p < 0,001$), Анализ смысла совместной деятельности ($F = 26,066; p < 0,001$), Оценка группового ресурса и возможностей ($F = 18,947; p < 0,001$), Групповая рефлексивность ($F = 28,790; p < 0,001$).

Статистически не подтвердилась нормальность распределения шкал модифицированного варианта опросника «Групповая рефлексивность». Однако опираясь на ранее принятное решение о его достаточной нормальности, на данном этапе возможно выделение первичных норм. Нормы выделяются на основании сырых баллов, методом простой стандартизации (среднее $+/-$ стандартное от-

клонение) (табл. 4). В качестве интерпретации используется трехкатегориальная система — слабо выраженная, умеренно выраженная, высоко выраженная. Стоит отметить, что с опорой на различия в организационно-образовательной среде разных учебных групп, подтвержденные статистически, будут выделены нормы для разного типа учебных групп. Общие нормы применимы в случае сравнительного анализа разного типа групп в рамках одного исследования.

Обсуждение результатов

Опросник «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика направлен на субъективную оценку членами группы сте-

Таблица 4

Первичные нормы модифицированной методики «Групповая рефлексивность» для учебных групп разного типа ($N = 637$)

Шкала	Слабо выраженная	Умеренно выраженная	Высоко выраженная
Учащиеся			
Осмысление прошлого опыта	6–11	12–25	26–30
Анализ смысла совместной деятельности	6–11	12–24	25–30
Оценка группового ресурса и возможностей	6–11	12–24	25–30
Групповая рефлексивность	18–36	37–71	72–90
Учащиеся колледжа			
Осмысление прошлого опыта	6–8	9–24	25–30
Анализ смысла совместной деятельности	6–8	9–23	24–30
Оценка группового ресурса и возможностей	6–8	9–23	24–30
Групповая рефлексивность	18–26	27–69	70–90
Учащиеся кадетского корпуса			
Осмысление прошлого опыта	6–13	14–25	26–30
Анализ смысла совместной деятельности	6–13	14–26	27–30
Оценка группового ресурса и возможностей	6–11	12–25	26–30
Групповая рефлексивность	18–43	44–73	74–90
Учащиеся религиозной школы			
Осмысление прошлого опыта	6–13	14–23	24–30
Анализ смысла совместной деятельности	6–14	15–23	24–30
Оценка группового ресурса и возможностей	6–13	14–23	24–30
Групповая рефлексивность	18–45	46–66	67–90

пени ее готовности к последующему процессу рефлексии своей деятельности. В данном исследовании была проведена психометрическая проверка авторской модификации данного опросника с целью применения на учебных группах разного типа и вида. Процедура первичной проверки модифицированной методики показала ее валидность и надежность на группах учащихся колледжа (открытые группы), кадетского корпуса и религиозной школы (полузакрытые группы). Проведенный конфирматорный анализ подтвердил авторскую трехфакторную структуру методики.

Результаты взаимосвязи с другими социально-психологическими характеристиками личности и группы позволили показать конвергентную валидность методики. Полученные связи раскрываются не только количественно, но и качественно. Исходя из того, что рефлексивность группы — свойство, формируемое в процессе ее становления и развития, вполне ожидаемо, что благоприятная психологическая атмосфера и высокая групповая сплоченность способствуют выраженной рефлексивности. Данные результаты подтверждаются исследованиями других групповых характеристик (групповая субъектность, организованность, надежность и др.), где психологическая атмосфера и сплоченность также выступали факторами, обуславливающими их выраженность [1; 14; 25]. Прямая связь рефлексивности группы с рефлексивностью личности также ожидаема. Формирование и развитие групповой рефлексивности невозможно без выраженного тождественного свойства личностей, входящих в эту группу. Однако в то же время развитие личности (и ее рефлексивности) невозможно в отрыве от понимания уровня развития группы, в которую она входит [6; 13]. Отри-

цательная взаимосвязь с суверенностью психологического пространства личности, вполне вероятно, отражает роль суверенности как показателя баланса индивидуального и группового в личности [10; 14]. Групповое свойство будет выраженным в случае внутригруппового единства, которое в свою очередь достигается размытием личностного уровня, в таком случае суверенность как переживание безопасности психологического пространства личности и показатель баланса личностного и группового будет травмирована. Но при этом можно предположить, что наибольшую выраженную рефлексивность будут иметь группы с нормальной суверенностью ее членов, так как «нормальная» суверенность позволяет учитывать потребности себя и других, что в свою очередь способствует осмысленности деятельности [4; 9].

Проверка различий выраженности шкал групповой рефлексивности по типу организационно-образовательной среды показала, что имеются статистически значимые различия. Данный факт, вполне вероятно, обусловлен организационно-образовательной средой учреждения, в рамках которой формируется и развивается группа. Организационно-образовательная среда закрытых учреждений (кадетские школы и корпуса, спортивные интернаты, религиозные школы и др.) обладает спецификой по отношению к открытым группам: чаще всего ранняя профессиональная направленность, высокая социальная идентичность, общность ценностей, принятие и соблюдение строгих внутриорганизационных правил (устав, распорядок дня, стиль отношений, иерархия и т.д.) [15]. В свою очередь данная специфика способствует коллективизации групп, повышению сплоченности и взаимодействия между членами,

что обуславливает большую выраженность групповых свойств. Различия по полу и возрасту не проверялись в связи с тем, что в данном исследовании принимали участие группы, гетерогенные по данным признакам.

Заключение

Представленные результаты модификации, валидизации, проверки надежности и первичной стандартизации методики «Групповая рефлексивность» продемонстрировали ее психометрическую обоснованность. Несомненным достоинством модификации опросника Т.А. Нестика является сокращение шкал с 7 до 3 и сохранение данной трехфакторной структуры на разных типах учебных групп, что позволяет упростить процесс обработки результатов и содержательно улучшить интерпретацию получаемых результатов. Итоговый вариант методики может применяться в исследованиях на учебных группах под-

ростков разного типа (открытые и полузакрытые) в возрастном диапазоне от 14 до 19 лет. Интерпретация полученных результатов выраженности групповой рефлексивности основывается на показателях каждой из шкал, раскрывающих содержательно разные компоненты рефлексивности, в том числе временной направленности.

Данная методика является единственным валидным инструментом для измерения групповой рефлексивности как свойства группы на русскоязычной выборке подростков, учащихся в разных типах групп. В дальнейшем представляется важным: проведение дополнительных исследований с целью проверки тест-ретестовой надежности методики, стандартизации шкал на разных типах учебных групп и полузакрытых группах разного вида (спортивные, политические, рабочие и др.), проведение дополнительных этапов анализа внешней и внутренней валидности.

Приложение

Бланк методики «Групповая рефлексивность» (автор модификации – С.В. Тарасов)

Инструкция

Отметьте, пожалуйста, насколько каждое из предложенных описаний соответствует классу, в котором Вы сейчас учитесь, где:

- 1 – совершенно не согласен(-а);
- 2 – скорее не согласен(-а);
- 3 – в чем-то согласен(-на), в чем-то нет;
- 4 – скорее согласен(-а);
- 5 – полностью согласен(-а).

Ключ для подсчета баллов

Субшкала «Анализ смысла совместной деятельности»: вопросы 1, 3, 7, 9, 13, 15.

Субшкала «Оценка группового ресурса и возможностей»: вопросы 5, 6, 11, 12, 16, 18.

Субшкала «Осмысление прошлого опыта»: вопросы 2, 4, 8, 10, 14, 17.

№ п/п		совершенно не согласен(-а)	скорее не согласен(-а)	в чем-то согласен(-на), в чем-то нет	скорее согласен(-а)	полностью согласен(-а)
1	Мы регулярно обсуждаем, насколько эффективна наша совместная работа	1	2	3	4	5
2	Наш класс отводит достаточно времени на то, чтобы обсудить последствия своих действий	1	2	3	4	5
3	Мы периодически обсуждаем долгосрочные цели и направление развития деятельности нашего класса	1	2	3	4	5
4	Распределяя задачи, мы стараемся учитывать сильные стороны друг друга	1	2	3	4	5
5	Мы нередко обсуждаем отношения, сложившиеся между одноклассниками	1	2	3	4	5
6	Мы регулярно обсуждаем риски, ожидающие нас в будущем	1	2	3	4	5
7	Мы часто обсуждаем, насколько эффективно мы обмениваемся информацией в ходе работы	1	2	3	4	5
8	Наш класс извлекает уроки из собственного опыта	1	2	3	4	5
9	Мы постоянно оцениваем свое продвижение к намеченным целям	1	2	3	4	5
10	Мы хорошо знаем, кто из нас в каких вопросах лучше разбирается	1	2	3	4	5
11	Мы часто обсуждаем уровень доверия и сплоченности в нашем классе	1	2	3	4	5
12	Планируя работу, мы обсуждаем различные сценарии развития событий	1	2	3	4	5
13	Методы, используемые нашим классом в работе, часто обсуждаются	1	2	3	4	5
14	Мы проверяем целесообразность применявшихся ранее принципов и методов работы	1	2	3	4	5
15	Одноклассники хорошо понимают, что нам необходимо делать, чтобы добиться успеха в долгосрочной перспективе	1	2	3	4	5
16	Мы стараемся действовать на опережение, чтобы не упустить открывающиеся возможности	1	2	3	4	5
17	Мы регулярно сверяем результаты совместной работы с нашими целями	1	2	3	4	5
18	Мы обсуждаем изменения в технологиях, экономике и обществе, которые могут в будущем повлиять на наш класс	1	2	3	4	5

Литература

1. Гайдар К.М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. 396 с.
2. Горький А.С. Групповая рефлексия как фактор эффективности совместной производственной деятельности // Вестник Самарского университета. Серия: Экономика и управление. 2018. Т. 9. № 3. С. 24–30.
3. Дробышева Т.В., Тарасов С.В. Подход к исследованию групповой рефлексивности: теоретические предпосылки и концептуальные представления // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 3. С. 21–25.
4. Екимова В.И., Орлова Е.А. Образовательная среда кадетского корпуса как фактор формирования суверенности психологического пространства личности воспитанников-юношеской // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 3(31). С. 34–37.
5. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
6. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
7. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
8. Коллектив и личность / Под ред. Е.В. Шороховой, К.К. Платонова, О.И. Зотовой, Н.В. Кучевской. М.: Наука, 1975. 263 с.
9. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
10. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность и особенности межличностного общения // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 42–50.
11. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
12. Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2015. 479 с.
13. Ожиганова Г.В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 4. С. 56–60.
14. Тарасов С.В. Социально-психологические факторы групповой рефлексивности учебной группы (на примере групп открытого и полузакрытого типа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2(66). С. 312–323.
15. Тарасов С.В., Дробышева Т.В. Интегративный подход в исследовании полузакрытых учебных групп: обоснование и концептуальные представления // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. Сборник научных трудов / Отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашенко, А.Е. Воробьев. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2023. С. 113–120.
16. Тишкова А.С. Особенности социально-психологической адаптации воспитанников кадетских образовательных организаций // Смальта. 2019. № 3. С. 34–39.
17. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учеб. пособие. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 490 с.
18. Carter S., West M.A. Reflexivity, effectiveness and mental health in BBC TV production teams // Small Group Research. 1998. Vol. 29. № 5. P. 583–601. DOI:10.1177/1046496498295003
19. Diamantopoulos A., Siguaw J.A. Introducing LISREL. A guide for the uninitiated. London: Sage, 2000. DOI:10.4135/9781849209359
20. Hoegl M., Parboteeah K.P. Team reflexivity in innovative projects // R&D Management. 2006. Vol. 36. № 2. P. 113–125. DOI:10.1111/j.1467-9310.2006.00420.x

21. Hofhuis J., Mensen M., ten Den L.M., van den Berg A.M., Koopman-Draijer M., van Tilburg M.C., Smits C.H.M., de Vries S. Does functional diversity increase effectiveness of community care teams? The moderating role of shared vision, interaction frequency, and team reflexivity // Journal of Applied Social Psychology. 2018. Vol. 48. № 10. P. 535–548. DOI:10.1111/jasp.12533
22. Hu M., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structural analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
23. Konradt U., Otte K.-Ph., Schippers M.C., Steenfatt C. Reflexivity in Teams: A Review and New Perspectives // The Journal of Psychology. 2016. Vol. 150. № 2. P. 153–174. DOI:10.1080/00223980.2015.1050977
24. Lai K. Confidence Interval for RMSEA or CFI Difference Between Nonnested Models // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 2020. Vol. 27. № 1. P. 16–32. DOI:10.1080/10705511.2019.1631704
25. Lorenzetti L., Jacobsen M., Lorenzetti D.L., Nowell L., Pethrick H., Clancy T., Freeman G., Oddone Paolucci E. Fostering Learning and Reciprocity in Interdisciplinary Research // Small Group Research. 2022. Vol. 53. № 5. P. 755–777. DOI:10.1177/10464964221089836
26. MacCallum R.C., Browne M.W., Sugawara H.M. Power analysis and determination of sample size for covariance structure modeling // Psychological Methods. 1996. Vol. 1. № 2. P. 130–149. DOI:10.1037/1082-989X.1.2.130
27. Otte K.-P., Konradt U., Garbers Y., Schippers M.C. Development and validation of the REMINT: a reflection measure for individuals and teams // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2017. Vol. 26. № 2. P. 299–313. DOI:10.1080/1359432X.2016.1261826
28. Satorra A., Bentler E.M. Scaling corrections for chi-square statistics in covariance structure analysis // ASA 1988 Proceedings of the Business and Economic Statistics, Section. Alexandria, VA: American Statistical Association, 1998. P. 308–313.
29. Savelbergh C., Van der Heijden B.I.J.M., Poell R.F. The development and empirical validation of a multi-dimensional measurement instrument for team learning behaviors // Small Group Research. 2009. Vol. 40. № 5. P. 578–607. DOI:10.1177/1046496409340055
30. Schippers M.C., Den Hartog D.N., Koopman P.L. Reflexivity in Teams: A Measure and Correlates // Applied Psychology: An International Review. 2007. Vol. 56. № 2. P. 189–211. DOI:10.1111/j.1464-0597.2006.00250.x
31. West M.A. Reflexivity, revolution and innovation in work teams // Product development teams / Ed. by M.M. Beyerlein, D.A. Johnson, S.T. Beyerlein. Stamford, CT: JAI Press, 2000. P. 1–29.

References

1. Gaidar K.M. Sotsial'no-psichologicheskaya kontsepsiya gruppovogo sub"ekta [The socio-psychological concept of a group subject]. Voronezh: Publ. house "VSU", 2013. 396 p. (In Russ.).
2. Gorky A.S. Gruppovaya refleksiya kak faktor effektivnosti sovmestnoi proizvodstvennoi deyatel'nosti [Group reflection as a factor of efficiency of joint production activities]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Vestnik of the Samara State University. Series «Economics and Management»*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 24–30. (In Russ.).
3. Drobysheva T.V., Tarasov S.V. Podkhod k issledovaniyu gruppovoi refleksivnosti: teoretycheskie predposylki i kontseptual'nye predstavleniya [An approach to the study of group reflexivity: theoretical background and conceptual concepts]. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2021, no. 3, pp. 21–25. (In Russ.).
4. Ekimova V.I., Orlova E.A. Obrazovatel'naya sreda kadetskogo korpusa kak faktor formirovaniya suverennosti psichologicheskogo prostranstva lichnosti vospitannikov-yunoshei [The educational environment of the Cadet corps as a factor in the formation of the sovereignty of the psychological space of the personality of young students]. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta = Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2016, no. 3(31), pp. 34–37. (In Russ.).

5. Zhuravlev A.L. Kollektivnyi sub'ekt: osnovnye priznaki, urovni i psikhologicheskie tipy [The collective subject: the main features, levels and psychological types]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2009. Vol. 30, no. 5, pp. 72–80. (In Russ.).
6. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Gruppovaya refleksivnost': osnovnye podkhody i perspektivy issledovaniia [Group reflexivity: basic approaches and research prospects]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2012. Vol. 33, no. 4, pp. 27–37. (In Russ.).
7. Karпов A.V. Refleksivnost' kak psikhicheskoe svoistvo i metodika ee diagnostiki [Reflexivity as a mental property and the method of its diagnosis]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2003. Vol. 24, no. 5, pp. 45–57. (In Russ.).
8. Kollektiv i lichnost' [Collective and personality]. Shorokhova E.V., Platonov K.K., Zotova O.I., Kuchevskaya N.V. (Eds.). Moscow: Publ. "Nauka", 1975. 263 p. (In Russ.).
9. Nartova-Bochaver S.K. Novaya versiya oprosnika «Suverennost'» psikhologicheskogo prostranstva — 2010» [New version of the questionnaire “Sovereignty of psychological space — 2010”]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2014. Vol. 35, no. 3, pp. 105–119. (In Russ.).
10. Nartova-Bochaver S.K. Psikhologicheskaya suverennost' i osobennosti mezhlichnostnogo obshcheniya [Psychological sovereignty and peculiarities of interpersonal communication]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2014, no. 3, pp. 42–50. (In Russ.).
11. Nasledov A.D. IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannyykh [IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional statistical data analysis]. Saint Petersburg: Publ. "Piter", 2013. 416 p. (In Russ.).
12. Nestik T.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gruppovogo otnosheniya k vremenii [Socio-psychological determination of group attitude to time]. Doctor of Psychological Sciences thesis. Moscow, 2015. 479 p. (In Russ.).
13. Ozhiganova G.V. Refleksiya, refleksivnost' i vysshie refleksivnye sposobnosti: podkhody k issledovaniyu [Reflection, reflexivity and higher reflexive abilities: approaches to research]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, no. 4, pp. 56–60. (In Russ.).
14. Tarasov S.V. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory gruppovoi refleksivnosti uchebnoi gruppy (na primere grupp otkrytogo i poluzakrytogo tipa) [Socio-psychological factors of group reflexivity of the study group (using the example of open and semi-closed groups)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2023, no. 2(66), pp. 312–323. (In Russ.).
15. Tarasov S.V., Drobysheva T.V. Integrativnyi podkhod v issledovanii poluzakrytykh uchebnykh grupp: obosnovanie i kontseptual'nye predstavleniya [Integrative approach in the study of semi-closed study groups: justification and conceptual representations]. In *Aktual'nye problemy sovremennoi sotsial'noi psichologii i ee otriaslei. Sbornik nauchnykh trudov. [Actual problems of modern social psychology and its branches. Collection of scientific papers]*. Drobysheva T.V., Emelyanova T.P., Nestik T.A., Khashenko N.N., Vorobyova A.E. (Eds.). Moscow: Publ. "Institute of Psychology RAS", 2023, pp. 113–120. (In Russ.).
16. Tishkova A.S. Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii vospitannikov kadetskikh obrazovatel'nykh organizatsii [Features of socio-psychological adaptation of pupils of cadet educational organizations]. *Smal'ta = Smalta*, 2019, no. 3, pp. 34–39. (In Russ.).
17. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp: ucheb. posobie [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups: stud. book]. Moscow: Publ. "Institute of Psychotherapy", 2002. 490 p. (In Russ.).
18. Carter S., West M.A. Reflexivity, effectiveness and mental health in BBC TV production teams. *Small Group Research*, 1998. Vol. 29, no. 5, pp. 583–601. DOI:10.1177/1046496498295003
19. Diamantopoulos A., Siguaw J.A. Introducing LISREL. A guide for the uninitiated. London: Sage, 2000. DOI:10.4135/9781849209359
20. Hoegl M., Parboteeah K.P. Team reflexivity in innovative projects. *R&D Management*, 2006. Vol. 36, no. 2, pp. 113–125. DOI:10.1111/j.1467-9310.2006.00420.x

21. Hofhuis J., Mensen M., ten Den L.M., van den Berg A.M., Koopman-Draijer M., van Tilburg M.C., Smits C.H.M., de Vries S. Does functional diversity increase effectiveness of community care teams? The moderating role of shared vision, interaction frequency, and team reflexivity. *Journal of Applied Social Psychology*, 2018. Vol. 48, no. 10, pp. 535–548. DOI:10.1111/jasp.12533
22. Hu M., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structural analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
23. Konradt U., Otte K.-Ph., Schippers M.C., Steenfatt C. Reflexivity in Teams: A Review and New Perspectives. *The Journal of Psychology*, 2016. Vol. 150, no. 2, pp. 153–174. DOI:10.1080/00223980.2015.1050977
24. Lai K. Confidence Interval for RMSEA or CFI Difference Between Nonnested Models. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 2020. Vol. 27, no. 1, pp. 16–32. DOI:10.1080/10705511.2019.1631704
25. Lorenzetti L., Jacobsen M., Lorenzetti D.L., Nowell L., Pethrick H., Clancy T., Freeman G., Oddone Paolucci E. Fostering Learning and Reciprocity in Interdisciplinary Research. *Small Group Research*, 2022. Vol. 53, no. 5, pp. 755–777. DOI:10.1177/10464964221089836
26. MacCallum R.C., Browne M.W., Sugawara H.M. Power analysis and determination of sample size for covariance structure modeling. *Psychological Methods*, 1996. Vol. 1, no. 2, pp. 130–149. DOI:10.1037/1082-989X.1.2.130
27. Otte K.-P., Konradt U., Garbers Y., Schippers M.C. Development and validation of the REMINT: a reflection measure for individuals and teams. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 299–313. DOI:10.1080/1359432X.2016.1261826
28. Satorra A., Bentler E.M. Scaling corrections for chi-square statistics in covariance structure analysis. *ASA 1988 Proceedings of the Business and Economic Statistics, Section*. Alexandria, VA: American Statistical Association, 1998, pp. 308–313.
29. Savelsbergh C., Van der Heijden B.I.J.M., Poell R.F. The development and empirical validation of a multi-dimensional measurement instrument for team learning behaviors. *Small Group Research*, 2009. Vol. 40, no. 5, pp. 578–607. DOI:10.1177/1046496409340055
30. Schippers M.C., Den Hartog D.N., Koopman P.L. Reflexivity in Teams: A Measure and Correlates. *Applied Psychology: An International Review*, 2007. Vol. 56, no. 2, pp. 189–211. DOI:10.1111/j.1464-0597.2006.00250.x
31. West M.A. Reflexivity, revolution and innovation in work teams. In Beyerlein M.M., Johnson D.A., Beyerlein S.T. (Eds.). *Product development teams*. Stamford, CT: JAI Press, 2000, pp. 1–29.

Информация об авторах

Тарасов Семён Васильевич, научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»); преподаватель, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (ФГБОУ ВО «ГАУТН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8790-7219>, e-mail: sementarasovvas@gmail.com

Information about the authors

Semyon V. Tarasov, Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; lecturer, State Academic University for Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8790-7219>, e-mail: sementarasovvas@gmail.com

Получена 07.05.2024

Received 07.05.2024

Принята в печать 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

Разработка и валидизация опросника «Виды ролевой самоэффективности личности»

Енин В.Б.

*ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации»
(ФГБОУ ВО СтГМУ Минздрава России), г. Ставрополь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2029-1397>, e-mail: vvenin2024@mail.ru*

Цель. Валидизация и проверка на надежность опросника, позволяющего обнаружить виды ролевой самоэффективности личности.

Контекст и актуальность. Самоэффективность личности, проявляясь в конкретной деятельности, может быть характеристикой ролевого поведения. На сегодняшний день не существует диагностических методов, позволяющих изучить проявление ролевой самоэффективности и ее виды.

Дизайн исследования. Исследование было осуществлено с использованием анонимного опроса респондентов и группы экспертов, позволившего определить содержательную, конвергентную, конструктивную валидность опросника, а также проверить его на надежность с помощью изучения внутренней согласованности шкал опросника и ретестовой валидности. Проводилось с сентября по январь 2023 года.

Участники. Общая выборка исследования составила 1720 человек, среди них 1333 девушки (78%) и 387 юношей (22%). Средний возраст респондентов составил 20,1 ($SD = 1,9$). При проведении корреляционного исследования выборку составили 1540 человек (1200 девушек и 340 юношей), половозрастной состав не изменился.

Методы (инструменты). Тест-опросник самоэффективности под авторством Дж. Маддукса, М. Шеера (J. Maddux, M. Scheer), в адаптации А.В. Бояринцевой. Шкала общей самоэффективности, разработанная Р. Шварцером, М. Ерусалемом, в адаптации В.Г. Ромека. Многомерный опросник исследования самоотношения (МИС – методика исследования самоотношения), созданный С.Р. Пантелеевым. Тест Э. Берна (E. Berne) «Ролевые позиции в межличностных отношениях». Для обработки и анализа данных были использованы конфирматорный факторный анализ, коэффициент альфа Кронбаха, корреляционный анализ. Анализ данных выполнен при помощи языка программирования R (v.4.3) в среде RStudio (v. 2023.12.1+402 «Ocean Storm»).

Результаты. Выявлена хорошая согласованность трех шкал опросника (альфа Кронбаха $> 0,8$), подтверждена трехфакторная структура опросника $GFI = 0,94$, $AGFI = 0,93$, $TLI = 0,92$, $SRMR = 0,03$, $RMSEA = 0,04$. Подтверждена конструктивная валидность опросника и ретестовая надежность.

Основные выводы. В результате конфирматорного факторного анализа подтверждена оригинальная трехфакторная модель опросника. Данная методика позволяет впервые диагностировать виды ролевой самоэффективности личности, не прибегая к иным средствам их диагностики.

Ключевые слова: самоэффективность; ролевая самоэффективность; виды ролевой самоэффективности; профессиональная роль; ситуационная роль; личностная роль.

Для цитаты: Енин В.В. Разработка и валидизация опросника «Виды ролевой самоэффективности личности» // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 175–192. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160110>

Development and Validation of the Questionnaire “Types of Role Self-Efficacy”

Victor V. Enin

*Stavropol State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2029-1397>, e-mail: vvenin2024@mail.ru

Objective. Validation and reliability testing of a questionnaire that allows identifying types of role self-efficacy of an individual.

Background. Self-efficacy of an individual, manifested in specific activities, can be a characteristic of role behavior. To date, there are no diagnostic methods that allow us to study the manifestation of role self-efficacy and its types.

Study design. The study was carried out using an anonymous survey of respondents and a group of experts, which made it possible to determine the content, convergent, construct validity of the questionnaire, as well as test it for reliability by studying the internal consistency of the questionnaire scales and test-retest validity. Conducted from September to January 2023.

Participants. The total sample of the study was 1720 people, among them 1333 girls (78%) and 387 boys (22%). The average age of respondents was 20,1 ($SD = 1,9$). When conducting a correlation study, the sample consisted of 1540 people (1200 girls and 340 boys), the gender and age composition did not change.

Measurements. Self-efficacy test questionnaire authored by J. Maddux, M. Scheer, adapted by A.V. Boyarintseva. The scale of general self-efficacy, developed by R. Schwarzer, M. Jerusalem, adapted by V.G. Romek. Multidimensional questionnaire for self-attitude research (MIS – methodology for self-attitude research), created by S.R. Panteleev. E. Berne's test "Role positions in interpersonal relationships". Confirmatory factor analysis, Cronbach's alpha coefficient, and correlation analysis were used to process and analyze the data. Data analysis was performed using the R programming language (v.4.3) in the RStudio environment (v. 2023.12.1+402 "Ocean Storm").

Results. A good consistency of the three scales of the questionnaire was revealed (Cronbach's alpha > 0,8), the three-factor structure of the questionnaire GFI = 0,94, AGFI = 0,93, TLI = 0,92, SRMR = 0,03, RMSEA = 0,04 was confirmed. The construct validity of the questionnaire and retest reliability have been confirmed.

Conclusions. As a result of confirmatory factor analysis, the original three-factor model of the questionnaire was confirmed. This technique allows for the first time to diagnose the types of role self-efficacy of an individual without resorting to other means of diagnosing them.

Keywords: self-efficacy; role self-efficacy; types of role self-efficacy; professional role; situational role; personal role.

For citation: Enin V.V. Development and Validation of the Questionnaire “Types of Role Self-Efficacy”. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16. no. 1, pp. 175–192. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160110> (In Russ.).

Введение

В современной психологии проблема изучения самоэффективности личности все больше вызывает интерес как в прикладном, так и в теоретическом аспекте. С момента введения этого понятия Альбертом Бандурой (самоэффективность понималась им как убежденность человека в своей способности эффективно (успешно) действовать в той или иной ситуации) [25] выявлены различные ее виды: академическая, социальная [12], самоэффективность безопасности [35], профессиональная [9], деятельностная, коммуникативная [10; 14; 19], творческая [6], личностная [21]. Обнаружены разноплановые эффекты ее сформированности. Стало известно, что на результативность деятельности влияет убежденность личности в своей компетентности, а не только навыки и сформированные способности [15; 27]. По данным Р. Лазаруса, С. Фолкман (1984), Э. Фрайденберг (1997), самоэффективность влияет на оптимизацию поведения в стрессовых ситуациях [29; 36], на актуализацию безопасного поведения в ситуациях, связанных с риском [31]. Самоэффективность способна оказывать позитивное влияние на мотивацию и саморегуляцию [26; 38; 39], определять наличие интернального локуса контроля [20]. В настоящее время существует диагностический инструментарий, ориентированный на выявление уровня общей самоэффективности и ее видов (предметной и коммуникативной) [8; 23; 34]. Известно также, что самореализация личности в деятельности осуществляется в рамках ролевого поведения, причем человек в деятельности реализует активно лишь одну роль, остальные остаются латентными [2]. Поэтому, наряду с самоэффективностью в различных видах деятельности, личность может про-

являть и ролевую самоэффективность, понимаемую нами как убежденность личности в эффективности реализации собственного ролевого поведения. Она проявляется в условиях осуществления различных видов деятельности, а также в условиях ситуативного реагирования, отражая наличие/отсутствие убежденности личности в собственной успешности, выполняемой в данный момент социальной, личностной или ситуативной роли. В психологии на сегодняшний день отсутствуют диагностические инструменты, позволяющие измерять ролевую самоэффективность и ее виды. Предлагаемая методика «Виды ролевой самоэффективности личности» ориентирована на выявление самоэффективности при реализации личностной, профессиональной и ситуативной роли и позволяет в короткий срок и без привлечения других инструментов осуществить степень их выраженности. Выделение различных видов ролевой самоэффективности продиктовано тем фактом, что существует специфика самореализации личности в зависимости от ее сфер — профессиональной и личностной. В работе О.О. Богатыревой (2009) доказано, что эти виды самореализации детерминированы разными ценностно-смысловыми основаниями — экзистенциальными и профессионально-деятельностными соответственно [5]. При этом личностными факторами, определяющими успешность профессиональной самореализации, являются самоэффективность, гибкость поведения и неудовлетворенность собственной результативностью в деятельности. Самоэффективность в этом комплексе свойств рассматривается как «системообразующее качество, которое проявляется в умении организовать свою деятельность и достичь успеха во взаимодействии с окружающими» [5,

с. 9]. Данные виды самореализации могут успешно сочетаться, но могут вступать в глубокую конфронтацию, актуализируя внутриличностный, межличностный или ролевой конфликт. Диагностика самоэффективности при реализации ролевого поведения может способствовать осмыслиению собственных установок относительно образа «Я» в каждой из сфер самоактуализации и тем самым определять выбор личностью более оптимальных способов самовыражения. Этим продиктована практическая значимость предпринятого нами исследования по разработке, апробации и валидизации опросника «Виды ролевой самоэффективности». Введение новых понятий — ролевой самоэффективности и ее видов, их операционализация расширяют представления об особенностях влияния внутренней мотивации (проявляющейся в сформированном у личности убеждении относительно успешности ролевого поведения в каждой из сфер самореализации) на освоение и принятие личностью роли (социальной, личностной, ситуативной). Освоение и принятие роли — взаимосвязанные процессы, но не тождественные. Механизм освоения ролей интерпретируется как одна из основных форм присвоения человеком социального опыта [16], когда происходит освоение личностью социальных прав и обязанностей, где, заняв определенную «социальную позицию» [11], рассматриваемую также как систему ожиданий [7], человек осуществляет совокупность действий, детерминированных социальными нормами и правилами, тем самым осуществляя социальную роль. Принятие роли осуществляется за счет идентификации, отождествления себя с определенным образом, заключенным в роли, представления о системе ожиданий социума от личности (в случае принятия социаль-

ной роли) или представлений о собственных ожиданиях от себя как субъекта своей активности и деятельности (в случае принятия личностной роли). Освоение и принятие ролей — механизм, позволяющий осуществлять выход за пределы привычного на ранних этапах онтогенетического развития [16], а также сформированных поведенческих стереотипов на этапе развития личности как субъекта саморазвития.

Соответственно, ролевая самоэффективность может проявляться при оценке собственного ролевого поведения в результате соотнесения сформированных паттернов поведения с теми, которые закреплены в качестве образца и имплицитно или эксплицитно управляют процессом оценивания себя в каждой роли. В опроснике использованы шкалы: самоэффективность профессиональной роли, самоэффективность личностной роли, самоэффективность ситуативной роли. Самоэффективность профессиональной роли — это убежденность личности в собственной успешности при реализации поведения в профессиональной сфере в соответствии с социально закрепленным образцом профессиональной успешности. Самоэффективность личностной роли — это убежденность личности в успешности индивидуально выработанного поведения при соответствии его собственным ожиданиям и образу «Я» (в том числе и образу физического «Я»). Самоэффективность ситуативной роли — это убежденность личности в успешности собственных действий в условиях ситуативного взаимодействия.

На обоснованность выделения ролевой самоэффективности указывают данные, полученные исследователями при анализе причин индивидуального своеобразия осуществления личностью ролевого поведения. Изучая освоен-

ность профессиональных, родительских и супружеских ролевых паттернов на разных этапах ранней взрослости, Н.А. Шило (2009) приходит к заключению о наличии существенных различий в сравниваемых группах респондентов, детерминированных не столько возрастными особенностями, сколько уровнем адаптированности, мотивации и стремления к самоактуализации [24]. В зависимости от этих детерминант существенно варьируются стратегии и способы реализации указанных типов ролевого поведения. Наличие «ролевого перехода» в системе профессионального образования, зафиксированного социологами на основе комплексного эмпирического исследования, позволяет говорить о том, что в условиях профессиональной социализации у студентов вуза меняются ожидания относительно ролевого поведения преподавателя. В отличие от первокурсников, студенты старших курсов ожидают от преподавателя выполнения не роли «учителя», а «партнера по образовательному взаимодействию» [4], что подчеркивает значимость своевременной самооценки эффективности своего ролевого поведения субъектами профессиональной деятельности. На сегодняшний день существует диагностический инструментарий, позволяющий оценить особенности осуществления ролевого поведения. Например, методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека (МИРП), автор Ю.В. Александрова (2001) [1]. Данная методика ориентирована на обнаружение и анализ трех ролевых поведенческих паттернов и трудностей, возникающих при их освоении: супружеского, родительского, профессионального. Н.П. Фетискиным (2002) предложена методика «Интегральная оценка эффективности профессиональной деятельности учител-

ля», позволяющая сделать заключение об эффективности/неэффективности реализации учителем роли «педагог» [22]. Зарубежными исследователями разработаны опросники, изучающие особенности поведения в условиях ролевого конфликта: Д.О. Эглстон (2008) [28], Н.К. Фрай, Дж.А. Броу (2004) [30], Хаслам и др. (2014) [32], Шокли и др. (2017) [37]. Все указанные методы ориентированы на получение информации о ролевом поведении безотносительно к проявлению самоэффективности личности при его реализации.

В нашем исследовании была поставлена цель — разработка и валидизация оригинальной методики, опросника «Виды ролевой самоэффективности», позволяющей изучить наличие/отсутствие убежденности личности в собственной успешности при освоении профессиональной, личностной и ситуативной ролей.

Метод

В исследовании приняли участие 1720 человек, среди них 1333 девушки (78%) и 387 юношей (22%) — студенты Ставропольского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, обучающиеся на 1—5 курсах педиатрического, лечебного и стоматологического факультетов.

На первом этапе исследования проводилась содержательная валидность текста методики.

Содержательная валидность, характеризующая степень соответствия содержания утверждений опросника измеряемым показателям — самоэффективности личностной роли, самоэффективности профессиональной и ситуативной роли, была выявлена с помощью экспертных оценок. Пять экспертов — преподаватели СГМУ, практикующие психоло-

ги — оценивали утверждения опросника, используя следующую шкалу: 0 — не соответствует совсем, 1 — скорее не соответствует, 2 — скорее соответствует, 3 — абсолютно соответствует. В результате экспертиз оценок рассчитывался средний балл для каждого утверждения (в опроснике включались утверждения со средним баллом не ниже 2,8). Наряду с этим критерием для включения утверждений в окончательный вариант опросника на втором этапе были использованы значения конфирматорного факторного анализа, позволившего выявить и подтвердить вид факторной структуры опросника, а также показатели оценки качества модели.

В результате была получена окончательная версия методики диагностики видов ролевой самоэффективности (инструкция и ключи приводятся в Приложении).

На третьем этапе были оценены следующие типы надежности:

— использовался коэффициент α -Кронбаха для оценки внутренней согласованности утверждений для каждой шкалы;

— ретестовая надежность. Данный вид надежности устанавливался на выборке из 267 студентов очной формы обучения вузов г. Ставрополя (СКФУ и СГМУ) (30% мужчин, 70% женщин, возраст — от 17 до 23 лет). Повторное тестирование проводилось через 3 месяца. Для проверки данного вида надежности использовался метод корреляционного анализа.

На четвертом этапе изучалась конвергентная валидность с помощью вычисления коэффициентов корреляции с переменными, измеренными известными и валидными методиками. Для ее оценки использовались следующие методики:

1. Тест-опросник самоэффективности под авторством Дж. Маддукса, М. Ше-

ера (J. Maddux, M. Scheer), в адаптации А.В. Бояринцевой, позволяющий диагностировать выраженную предметной и коммуникативной самоэффективности, предполагал оценку степени согласия респондентов относительно 23 утверждений по 11-балльной шкале [8];

2. Шкала общей самоэффективности, разработанная Р. Шварцером, М. Ерусалемом, в адаптации В.Г. Ромека, состоящая из 10 утверждений, для диагностирования выраженности общей самоэффективности [23];

3. Многомерный опросник исследования самоотношения (МИС — методика исследования самоотношения), созданный С.Р. Пантелеевым и содержащий 110 утверждений, распределенных по 9 шкалам, предназначенный для углубленного изучения сферы самосознания личности, ориентированный на измерение различных аспектов самоотношения личности (когнитивных, динамических, интегральных) [18];

4. Тест Э. Берна (E. Berne) «Ролевые позиции в межличностных отношениях», состоящий из 21 утверждения и предназначенный для определения таких ролевых позиций в межличностных отношениях, как «Ребенок», «Взрослый», «Родитель» [23].

Анализ данных выполнен при помощи языка программирования R (v.4.3) в среде RStudio (v. 2023.12.1+402 «Ocean Storm»). Анализ надежности (альфа Кронбаха) проведен при помощи функций пакета «ltm», конфирматорный факторный анализ выполнен методом максимального правдоподобия и реализован благодаря функциям пакета «lavaan». Графическое сопровождение выполнено при помощи функций пакетов «semPlot», «ggplot2», «patchwork». Был использован ранговый корреляционный анализ по Спирмену, выполненный при помо-

щи функций пакета «correlation». При проведении корреляционного анализа *p-value* были скорректированы по методу Хоммеля [33]. База данных, отражающая первичные данные, результаты корреляционного и факторного анализа, представлена в репозитории научных данных RusPsyData [13].

Результаты

Была осуществлена оценка содержательной валидности опросника с участием экспертов-психологов. Среднее значение оценки содержательной валидности разработанного варианта опросника, включающего в себя 38 утверждений, для 34 утверждений составило 2,9 баллов, что послужило основанием возможности использования сформулированных утверждений; четыре утверждения получили оценку от 1,8 до 2,1 балла, что послужило основанием для их исключения из списка утверждений. Поэтому для проведения конфирматорного факторного анализа были использованы 34 утверждения: 12 утверждений — шкала «личностная роль», 12 утверждений — «профессиональная роль», 10 утверждений — «ситуационная роль». Утверждения были сгруппированы в три группы согласно принятому в психологии делению ролей на: социальные (профессиональная роль относится к данной группе), личностные и ситуативные. Обоснованность выделения данных видов ролевого поведения проверялась конфирматорным факторным анализом.

Конфирматорный факторный анализ для определения факторной структуры опросника выполнен методом максимального правдоподобия ($chisq = 1778,492$; $df = 523,0$; $p\text{-value} = < 0,001$).

На рисунке отражена графическая модель трехфакторной структуры опросника.

На рисунке видно, что три факторные нагрузки с пунктами $Q1$, $Q14$, $Q25$ (утверждение 1, 14, 25) зафиксированы, о чем свидетельствуют пунктирные линии. Остальные нагрузки свободно вычислялись в ходе создания модели. Первоначальная модель была модифицирована вследствие включения свободно вычисляемой ковариации между двумя пунктами методики, о чем свидетельствует связующая линия на рисунке рядом с номерами пунктов $Q13$, $Q14$ (13 и 14 утверждениями шкалы).

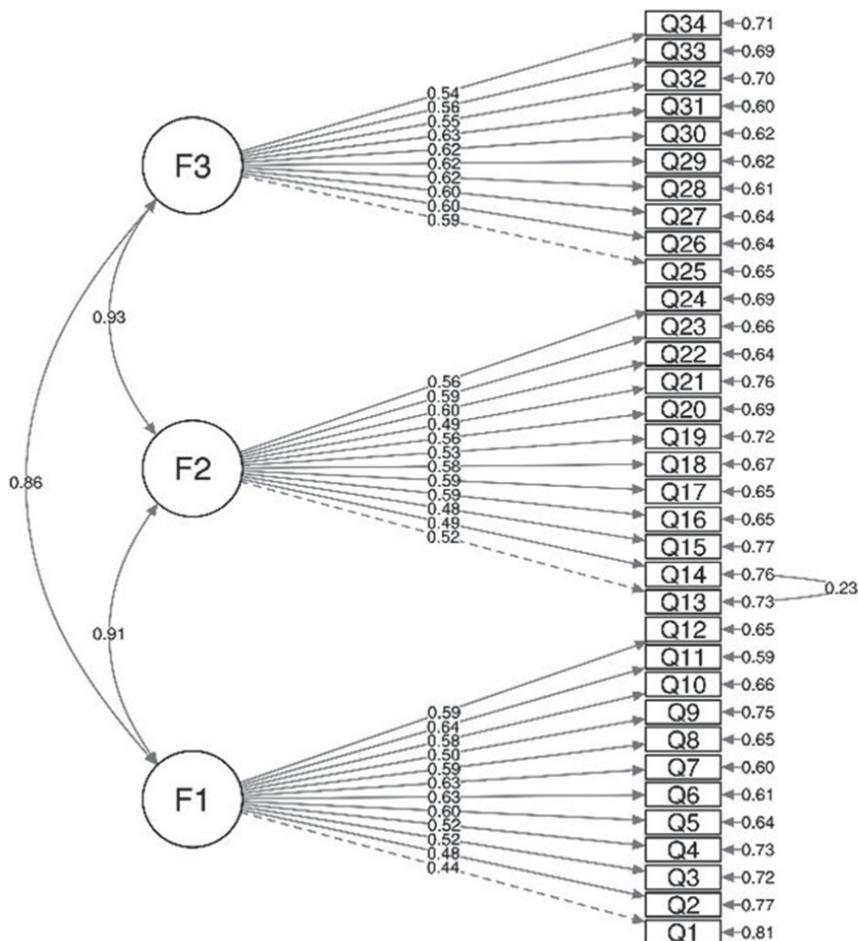
Представленные результаты конфирматорного факторного анализа указывают на то, что апостериорная модель состоит из трех факторов (шкал) и хорошо соответствует исходным данным. Это означает, что каждый пункт методики статистически связан со шкалами, а сама методика не является фиктивной.

Результаты проверки опросника по внутренней согласованности с помощью расчета коэффициентов α -Кронбаха представлены в табл. 1.

Согласно данным, представленным в табл. 1, можно говорить о том, что утверждения, вошедшие во все три шкалы, имеют хорошую согласованность ($\alpha > 0,84$, $\alpha > 0,84$ и $\alpha > 0,84$).

При оценке ретестовой надежности получен следующий результат: профессиональная роль ($R = 0,815$, $p < 0,001$), личностная роль ($R = 0,901$, $p < 0,001$), ситуационная роль ($R = 0,823$, $p < 0,001$), что говорит о том, что полученные данные с применением предложенных утверждений могут характеризоваться устойчивостью в зависимости от временных показателей, а сама ретестовая надежность может быть признана высокой.

Конвергентная валидность проверялась наличием значимых корреляций опросника «Виды ролевой самоэффективности» со сравниваемыми

GFI=0.935, AGFI=0.926, CFI=0.930, TLI=0.925, SRMR=0.032, RMSEA=0.037

Рис. Графическая факторная модель опросника: Q1-Q34 – пункты методики (утверждения)

Таблица 1
Внутренняя согласованность утверждений опросника для каждой из шкал
(результаты расчета коэффициентов α -Кронбаха), $N = 1720$

Виды ролевой самоэффективности	Всего вопросов	α	Доверительный интервал		Надежность
			-95%	+95%	
Личностная роль	12	0,84	0,83	0,86	Хорошая
Профессиональная роль	12	0,84	0,82	0,85	Хорошая
Ситуационная роль	10	0,84	0,83	0,86	Хорошая

Примечание: α – эмпирическое значение альфы Кронбаха.

методиками, измеряющими уровень выраженности общей, предметной и коммуникативной самоэффективности, ролевые позиции в межличностных отношениях, самоотношение.

Корреляции между видами ролевой самоэффективности и переменными, измеряемыми традиционными методами, входящими в конструкт «ролевая самоэффективность», представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, наличие самоэффективности при реализации личностной

роли имеет положительные корреляции со всеми видами самоэффективности и ролевыми позициями, которые может проявлять человек в процессе межличностного взаимодействия («Дитя», «Взрослый», «Родитель»). При этом личностная ролевая самоэффективность имеет обратную корреляционную зависимость с такими показателями в структуре самоотношения, как «внутренняя конфликтность» и «самообвинение», наряду с положительными связями с остальными характеристиками самоотношения, что

Таблица 2

Корреляции между выраженностью личностной, профессиональной и ситуационной ролевой самоэффективности и показателями, значимыми при оценке ролевого поведения личности

Измеряемые показатели	Личностная ролевая самоэффективность	Профессиональная ролевая самоэффективность	Ситуационная ролевая самоэффективность
Шкала общей самоэффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем)			
Самоэффективность общая	0,33	0,37	0,33
Тест-опросник самоэффективности (Дж. Маддукс, М. Шеер (J. Maddux, M. Scheer))			
Самоэффективность в предметной деятельности	0,40	0,41	0,36
Самоэффективность в межличностном общении	0,25	0,23	0,25
Многомерный опросник исследования самоотношения (С.Р. Пантелеев)			
Открытость	0,38	0,35	0,35
Самоуверенность	0,50	0,48	0,47
Саморуководство	0,41	0,43	0,40
Отраженное самоотношение	0,43	0,36	0,37
Самоценностъ	0,50	0,42	0,45
Самопринятие	0,31	0,27	0,28
Самопривязанность	0,34	0,34	0,29
Внутренняя конфликтность	-0,36	-0,31	-0,31
Самообвинение	-0,36	-0,30	-0,31
«Ролевые позиции в межличностных отношениях» Э. Берна (E. Berne)			
Ролевая позиция «Дитя»	0,37	0,29	0,08*
Ролевая позиция «Взрослый»	0,28	0,26	0,32
Ролевая позиция «Родитель»	0,40	0,41	0,24

Примечание: все корреляции значимы при $p < 0,001$, * — отсутствие корреляции.

подтверждает наличие конвергентной валидности данной шкалы опросника.

Убежденность в эффективности своего профессионального ролевого поведения связана положительной корреляционной связью с такими видами самоэффективности, как общая, в предметной деятельности и в межличностном общении. Помимо этого, исследуемый показатель имеет положительные связи со всеми ролевыми позициями и показателями самоотношения, демонстрирующими наличие позитивного отношения личности к себе. Отрицательные корреляции обнаружены с показателями «внутренняя конфликтность» и «самообвинение». Представленные данные позволяют говорить о наличии приемлемой конвергентной валидности данной шкалы опросника.

Ролевая ситуативная самоэффективность имеет положительные корреляции со всеми измеряемыми видами самоэффективности, показателями позитивного самоотношения и такими ролевыми позициями в межличностном взаимодействии, как «Взрослый» и «Родитель». Отрицательные корреляции обнаружены с показателями, отражающими наличие внутриличностного конфликта и самообвинения. Отсутствует корреляция с ролевой позицией «Дитя».

Обобщая, можно сделать заключение о том, что все выделенные виды ролевой самоэффективности имеют корреляционные связи на высоком уровне значимости ($p < 0,001$) с показателями общей самоэффективности и самоэффективности, проявляемой в различных видах деятельности, а также с показателями самоотношения и поведенческими особенностями при реализации межличностного взаимодействия (ролевые позиции по Э. Бернну (E. Berne)), измеряемые с помощью известных и апробированных методов диагностики. Выявлено также отсутствие

связи между ролевой позицией «Дитя» и ситуационной ролевой самоэффективностью, так как данная ролевая позиция, актуализирующаяся в межличностном общении, может не входить в конструкт «сituационной ролевой самоэффективности». Уверенность в успешности самореализации в быстро меняющихся ситуационных условиях требует сформированности других ролевых позиций, а именно — «Взрослый» или «Родитель», данный факт может свидетельствовать в пользу наличия дискриминантной валидности данной шкалы.

Таким образом, статистически доказана конвергентная валидность разрабатываемого опросника.

Обсуждение результатов

Самоэффективность личности является динамичным образованием, так как степень ее выраженности может отличаться в зависимости от деятельности, которую человек реализует [25]. Убежденность в собственной успешности меняется также в зависимости от степени освоенности личностью той деятельности, которой она занимается. Обнаружена нелинейная динамика личностной самоэффективности в учебно-образовательной деятельности у студентов, осваивающих педагогическую профессию [3]. Рассматривая творческую самоэффективность как процесс, выделяют его качественную характеристику — цикличность (представленную фазами содействия, актуализации, активизации), позволяющую планировать и реализовывать психологического-педагогические усилия по ее формированию [6]. Эти факты говорят о том, что самоэффективность неразрывно связана с особенностями освоения тех видов деятельности, в которых она формируется, с теми образцами поведения и социальными эталонами результативности, которые заложены в социальных или

личных представлениях, что находит отражение в характере освоения и принятия соответствующих ролей. Своевременное осознание эффективных/неэффективных паттернов собственного ролевого поведения может стать залогом оптимизации деятельности, усиления адекватности самооценки, успешной трансформации собственного ролевого поведения в ответ на меняющиеся внешние и внутриличностные условия жизнедеятельности. Способы конструктивной реализации профессиональной деятельности опосредуются как социальными представлениями, ценностными ориентациями и эталонами, транслируемыми обществом, так и уровнем развития профессиональной рефлексии и профессионального самосознания. Справляясь с профессиональными и личностными проблемами позволяют уровень развития профессионального самосознания, адекватный образ профессиональной деятельности, адекватная и устойчивая «Я-концепция» [17]. Измерение самоэффективности, проявляемой в профессиональном ролевом поведении на разных этапах его освоения, может быть использовано для осуществления анализа причин затруднений и прогноза эффективности его реализации. Диагностика самоэффективности реализации личностной роли позволяет своевременно выявлять наличие внутриличностных противоречий, связанных с невозможностью или недостаточной сформированностью индивидуальной системы эталонов оценивания собственной результативности. Самоэффективность ситуативного ролевого поведения позволяет оценивать наличие собственного психологического ресурса для адекватного реагирования в проблемных, потенциально конфликтных ситуациях, повышая свою способность к сопротивляемости негативным внешним ситуационным воздействиям и стрессоустойчивость.

Заключение

К достоинствам предлагаемой методики можно отнести то, что впервые с ее помощью можно при незначительных временных затратах и с привлечением опросника, проверенного на надежность и валидность, измерить выраженность трех видов ролевой самоэффективности – профессиональной, личностной, ситуативной.

Измерение данных видов ролевой самоэффективности расширяет научные представления о влиянии убежденности личности в собственной успешной самореализации в контексте принятия соответствующей роли, что может быть использовано в практике планирования и осуществления консультативной, коррекционной и психопрофилактической деятельности.

К недостаткам методики, на наш взгляд, относится то, что апробация опросника была осуществлена только на выборке студенческой молодежи. Расширение состава выборки для диагностики видов ролевой самоэффективности представляет перспективу для дальнейшей исследовательской работы с целью изучения особенностей проявления видов ролевой самоэффективности у представителей различных профессий и респондентов разного возраста.

Выводы

1. Разработанная и валидизированная методика представляет собой новый диагностический инструмент, который может быть использован для оценки выраженности видов ролевой самоэффективности личности.
2. Разработанная методика диагностики видов ролевой самоэффективности, проверенная на надежность, позволяет изучать выраженность самоэффективности личности при актуа-

лизации личностной роли, профессиональной и ситуативной.

3. Наличие конвергентной валидности, проявляющейся в значимых корреляциях исследуемых видов ролевой самоэффективности с такими показателями, как общая, предметная и коммуникативная самоэффективность, характеристиками

самоотношения личности и ролевыми позициями в условиях реализации межличностных отношений, дает возможность использовать измеряемые показатели видов ролевой самоэффективности для оценки степени убежденности личности в собственной успешности при реализации исследуемых видов ролевого поведения.

Приложение

Опросник «Виды ролевой самоэффективности»

Инструкция: внимательно прочтите приведенные ниже утверждения и оцените их по критерию соответствия или несоответствия вашему собственному ролевому поведению в различных ситуациях общения и реализации профессиональной деятельности. Если вы согласны с утверждением, напротив утверждения поставьте цифру — 1, если нет — 0.

№	Утверждение	Оценка
1.	Моя внешность отражает мое внутреннее содержание и нравится мне	
2.	Я могу легко управлять мимикой своего лица и это помогает мне в общении	
3.	При взаимодействии с людьми я по-своему проявляю экспрессию (мимику, жесты), что позволяет мне быть самим собой и при этом добиваться успеха	
4.	То, как я выражают эмоции, характерно только для меня и определяет успешность моего стиля реагирования на происходящее	
5.	Мои убеждения, сформированные на основе личного опыта, способствуют достижению успеха в различных жизненных ситуациях	
6.	То, во что я верю, усиливает мою убежденность в своей эффективности	
7.	Ценности, которые мною усвоены и которыми я руководствуюсь в жизни, — залог моей успешности	
8.	Переживания, которые помогли мне лучше узнать самого себя, помогают ставить новые цели и достигать их	
9.	Позитивные чувства, которые я испытываю к себе, я могу испытывать и к другим людям, ощущая эмоциональную связь с ними	
10.	Мои собственные правила и нормы поведения позволяют осознать особую ценность и смысл моей жизни	
11.	Мои интересы позволяют мне расширять свои возможности и быть более успешным	
12.	То, как я организую свою жизнь, имеет свои особенности и помогает мне ощущать себя успешным	
13.	Реализуя профессиональную роль, я всегда добиваюсь запланированного результата	
14.	Я владею уникальными навыками в своей профессии, которые обеспечивают мою результативность	

№	Утверждение	Оценка
15.	Если мне не нравится задание, которое мне поручили на работе, я все равно выполняю его максимально эффективно	
16.	У меня есть убеждение, что то, как я реализую себя в профессии, способствует достижению эффективного результата	
17.	Я знаю, что у меня есть те способности, которые обеспечивают мой успех в профессиональной деятельности	
18.	Когда я планирую свои действия, я уверен, что будет достигнут профессиональный успех	
19.	Я могу взглянуть на достигнутый мной положительный результат в профессиональной деятельности глазами моего оппонента	
20.	Когда мне что-то не удается в профессии, я могу пересмотреть и изменить свои действия, чтобы стать более успешным	
21.	Неудачи в работе не расстраивают меня, а, наоборот, придают энергии для поиска новых ресурсов	
22.	Моя профессиональная успешность — результат приложенных мной сил для достижения успеха	
23.	Мне нравится то, как я реализую себя в своей профессии	
24.	Моя успешность в профессии зависит от того, могу ли я чувствовать себя самим собой	
25.	В конкретной ситуации я обычно проявляю себя с самой лучшей своей стороны	
26.	У меня складываются оптимальные отношения с людьми в любой ситуации общения	
27.	Мне удается использовать самые успешные стратегии поведения в разных ситуациях	
28.	Если возникает конфликтная ситуация, я успешно ее разрешаю в большинстве случаев	
29.	Если я попадаю в необычную ситуацию, я могу найти самый эффективный способ для ее разрешения	
30.	Когда я не знаю, что ожидать от ситуации, в которую попал, я уверен, что у меня хватит сил и возможностей для ее разрешения	
31.	Мои навыки позволяют мне эффективно взаимодействовать с людьми даже в проблемных ситуациях	
32.	Я могу принимать нестандартные эффективные решения в сложных ситуациях	
33.	Я могу контролировать свои эмоции для принятия рационального решения в потенциально конфликтных ситуациях	
34.	Любая ситуация, которая требует моего участия, воспринимается мной как возможность для успешной самореализации	

Ключ к методике:

Каждому ответу присваивается один балл, баллы суммируются.

Результатом является простая сумма баллов по каждой шкале.

Самоэффективность личностной роли — утверждения с 1 по 12.

Самоэффективность профессиональной роли — утверждения с 13 по 24.

Самоэффективность ситуативной роли — утверждения с 25 по 34.

Литература

1. Александрова Ю.В. Методики диагностики отношений взрослого человека: роли, позиции, нравственная сущность. М.; Воронеж, 2001. 96 с.
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 286 с.
3. Байбанова Ф.Я. Динамические особенности личностной самоэффективности будущего педагога // Фундаментальные исследования. 2014. Том 12. № 11. С. 2719–2723.
4. Барагова Е.С., Хитрин К.Л., Попова О.И. Ролевой переход в системе профессионального образования // Журнал научных публикаций «Дискуссия». 2016. Том 64. № 1. С. 78–85.
5. Богатырева О.О. Личностные факторы профессиональной самореализации: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 26 с.
6. Богомазов С.В. Становление творческой самоэффективности будущего бакалавра в информационно-поисковой деятельности: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2016. 24 с.
7. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
8. Бояринцева А.В., Митина Л.М. Тест на самоэффективность // Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Московский психологический институт; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2003. С. 217–219.
9. Васильева Т.И. Динамика профессиональной самоэффективности будущего педагога-психолога: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 27 с.
10. Гайдар М.И. Личностная самоэффективность психолога // Психолог в современном обществе: от образования к профессиональной деятельности. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 62–63.
11. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: ЧеРо, 1996. 336 с.
12. Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Гендерные различия в академической и социальной самоэффективности и копинг-стратегиях у современных российских подростков // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 2006. № 3. С. 78–85.
13. Енин В.В. Виды ролевой самоэффективности: Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. 2025. DOI:10.48612/MSUPE/xgp1-uuke-k1h3 URL: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/191> (дата обращения: 02.02.2025).
14. Игнатова В.В., Пасечкина Т.Н. О коммуникативной самоэффективности обучающихся вуза в контексте их профессиональной подготовки к многоканальной коммуникации // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 192–200. DOI:10.31862/2218-8711-2020-2-192-200
15. Капара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003. 640 с.
16. Карпова Л.Г. Механизм принятия и освоения ролей и его влияние на развитие творческих способностей младших школьников // Омский научный вестник. 2008. Том 74. № 6. С. 104–107.
17. Левшин С.В. Формирование профессионального самосознания студентов как фактора успешной адаптации в профессии: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2011. 25 с.
18. Пантелеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
19. Пасечкина Т.Н., Фуряева Т.В. Критериально-уровневый подход к изучению сформированности самоэффективности в коммуникации у обучающихся вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2021. Том 2. № 72. С. 208–212.
20. Салмина Н.Г., Звонова Е.В., Елизарова Е.Ю. Компоненты представлений о самоэффективности специалиста // Вестник университета. 2021. № 3. С. 177–182. DOI:10.26425/1816-4277-2021-3-177-182
21. Ушакова В.Р. Особенности личностной самоэффективности авиадиспетчеров // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Том 5. № 2. С. 71–82. DOI:10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-7
22. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 362 с.

23. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.Г. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранный психология. 1996. № 7. С. 71–76.
24. Шило Н.А. Освоенность семейных и профессиональных паттернов отношений у женщин на этапе ранней взрослоти в контексте феномена личностного развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2009. № 2. С. 236–243.
25. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 191–215. DOI:10.1037/0033-295X.84.2.191
26. Bandura A., Schunk D.H. Cultivating competence, self-efficacy, and intrinsic interest through proximal self-motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. № 41. P. 586–598. DOI:10.1037/0022-3514.41.3.586
27. Bandura A. Human agency in social cognitive theory // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 1175–1184. DOI:10.1037/0003-066X.44.9.1175
28. Egleston D.O. Development and Validisation of the Propensity for Inter-Role Conflict Scale. PhD Thesis. Kansas State University, 2008. 137 p.
29. Frydenberg E. Adolescent coping: Theoretical and research perspectives. New York: Routledge, 1997. 233 p.
30. Frye N.K., Breau J.A. Family-friendly policies, supervisor support, workfamily conflict, family-work conflict, and satisfaction: A test of a conceptual model // Journal of Business and Psychology. 2004. № 19. P. 197–197. DOI:10.1007/s10869-004-0548-4
31. Grau R., Martínez I., Salanova S. Safety Attitudes and Their Relationship to Safety Training and Generalised Self-Efficacy // International Journal Of Occupational Safety And Ergonomics (Jose). 2002. Vol. 8. № 1. P. 23–35. DOI:10.1080/10803548.2002.11076512
32. Haslam D., Filus A., Morawska A., Sanders M.R., Fletcher R. The Work-Family Conflict Scale (WAFCS): development and initial validation of a self-report measure of work-family conflict for use with parents // Child Psychiatry & Human Development. 2014. Vol. 3. № 46. P. 346–357. DOI:10.1007/s10578-014-0476-0
33. Hommel G. A stagewise rejective multiple test procedure based on a modified Bonferroni test // Biometrika. 1988. Vol. 75. P. 383–386. DOI:10.2307/2336190
34. Jerusalem M., Schwarzer R. Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal processes / In Schwarzer R. (ed.) // Self-efficacy: Thought control of action. Washington, DC: Hemisphere, 1992. P. 195–213.
35. Katz-Navon T., Naveh E., Stern Z. Safety self-efficacy and safety performance: Potential antecedents and the moderation effect of standardization // International Journal of Health Care Quality Assurance. 2007. Vol. 20. № 7. P. 572–584. DOI:10.1108/09526860710822716
36. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer Publishing Company, Inc., 1984. 445 p.
37. Shockley K.M., Shen W., DeNunzio M.M., Arvan M.L. Disentangling the Relationship Between Gender and Work–Family Conflict: An Integration of Theoretical Perspectives Using Meta-Analytic Methods // Journal of Applied Psychology. 2017. Vol. 12. № 102. P. 1601–1635. DOI:10.1037/apl0000246
38. Usher E., Pajares F. Sources of academic and self-regulatory efficacy beliefs of entering middle school students // Contemporary Educational Psychology. 2006. P. 125–141. DOI:10.1016/j.cedpsych.2005.03.002
39. Zimmerman B. Self-Efficacy: An Essential Motive to Learn // Contemporary Educational Psychology. 2000. № 25. P. 82–91. DOI:10.1006/ceps.1999.1016

References

1. Aleksandrova Yu.V. Metodiki diagnostiki otnoshenii vzrosloga cheloveka: roli, pozitsii, nравственная сущность [Methods of diagnostics of adult relationships: roles, positions, moral qualities]. Moscow; Voronezh, 2001. 96 p. (In Russ.).

2. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya XX stoletiya: Teoreticheskie podkhody: ucheb. posobie dlya vuzov [Foreign Social Psychology of the 20th Century: Theoretical Approaches]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 286 p. (In Russ.).
3. Baibanova F.Ya. Dinamicheskie osobennosti lichnostnoi samoeffektivnosti budushchego pedagoga [Dynamic features of personal self-efficacy of a future teacher]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2014. Vol. 12, no. 11, pp. 2719–2723. (In Russ.).
4. Bandura A. Human agency in social cognitive theory. *American Psychologist*, 1989. Vol. 44, pp. 1175–1184. DOI:10.1037//0003-066X.44.9.1175
5. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977. Vol. 84, pp. 191–215. DOI:10.1037//0033-295X.84.2.191
6. Bandura A., Schunk D.H. Cultivating competence, self-efficacy, and intrinsic interest through proximal self-motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1981, no. 41, pp. 586–598. DOI:10.1037//0022-3514.41.3.586
7. Barazgova E.S., Khitrin K.L., Popova O.I. Rolevoi perekhod v sisteme professional'nogo obrazovaniya [Role transition in the vocational education system]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii "Diskussiya" = Journal of Scientific Publications "Discussion"*, 2016. Vol. 64, no. 1, pp. 78–85. (In Russ.).
8. Bogatyreva O.O. Lichnostnye faktory professional'noi samorealizatsii. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Personal factors of professional self-realization. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.).
9. Bogomazov S.V. Stanovlenie tvorcheskoi samoeffektivnosti budushchego bakalavra v informatsionno-poiskovoi deyatel'nosti. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Becoming creative self-efficacy of a future bachelor in information retrieval activity. PhD (Pedagogy) Thesis]. Krasnoyarsk, 2016. 24 p. (In Russ.).
10. Boyarintseva A.V., Mitina L.M. Test na samoeffektivnost' [Self-efficacy test]. *Psikhologiya razvitiya konkurentospособной личности = Psychology of Competitive Personality Development*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: NPO «MODEK», 2003, pp. 217–219. (In Russ.).
11. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 464 p. (In Russ.).
12. Egleston D.O. Development and Validisation of the Propensity for Inter-Role Conflict Scale. PhD Thesis. Kansas State University, 2008. 137 p.
13. Enin V.V. Types of role-based self-efficacy: A set of data. RusPsyData: A repository of psychological research and tools. Moscow, 2025. DOI:10.48612/MSUPE/xgp1-uuke-k1h3 URL: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/191> (Accessed 02.02.2025). (In Russ.).
14. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [Social and psychological diagnostics of individual and small group development]. Moscow: Publ. Institut Psikhoterapii, 2002. 362 p.
15. Frydenberg E. Adolescent coping: Theoretical and research perspectives. New York: Routledge, 1997. 233 p.
16. Frye N.K., Breaugh J.A. Family-friendly policies, supervisor support, workfamily conflict, family-work conflict, and satisfaction: A test of a conceptual model. *Journal of Business and Psychology*, 2004, no. 19, pp. 197–197. DOI:10.1007/s10869-004-0548-4
17. Gaidar M.I. Lichnostnaya samoeffektivnost' psikhologa [Psychologist's personal self-efficacy]. *Psikholog v sovremenном obshchestve: ot obrazovaniya k professional'noi deyatel'nosti = Psychologist in modern society: from education to professional activity*. Voronezh: VSU, 2007, pp. 62–63. (In Russ.).
18. Gippenreiter Yu.B. Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu [Introduction to General Psychology]. Moscow: CheRo, 1996. 336 p. (In Russ.).
19. Gordeeva T.O., Shepeleva E.A. Gendernye razlichiyavakademicheskoi i sotsial'noi samoeffektivnosti i kopingstrategiyakh u sovremenneykh rossiiskikh podrostkov [Gender differences in academic and

- social self-efficacy and coping strategies among contemporary Russian adolescents]. *Vestnik MGU. Ser. 14: Psichologiya = MSU Bulletin, Ser. 14: Psychology*, 2006, no. 3, pp. 78–85. (In Russ.).
20. Grau R., Martínez I., Salanova S. Safety Attitudes and Their Relationship to Safety Training and Generalised Self-Efficacy. *International Journal Of Occupational Safety And Ergonomics (Jose)*, 2002. Vol. 8, no. 1, pp. 23–35. DOI:10.1080/10803548.2002.11076512
21. Haslam D., Filus A., Morawska A., Sanders M.R., Fletcher R. The Work-Family Conflict Scale (WAFCS): development and initial validation of a self-report measure of work-family conflict for use with parents. *Child Psychiatry & Human Development*, 2014. Vol. 3, no. 46, pp. 346–357. DOI:10.1007/s10578-014-0476-0
22. Hommel G. A stagewise rejective multiple test procedure based on a modified Bonferroni test. *Biometrika*, 1988. Vol. 75, pp. 383–386. DOI:10.2307/2336190
23. Ignatova V.V., Pasechkina T.N. O kommunikativnoi samoeffektivnosti obuchayushchikhsya vuza v kontekste ikh professional'noi podgotovki k mnogokanal'noi kommunikatsii [On communicative self-efficacy of university students in the context of their professional training for multichannel communication]. *Problemy sovremennoego obrazovaniya = Problems of modern education*, 2020, no. 2, pp. 192–200. DOI:10.31862/2218-8711-2020-2-192-200 (In Russ.).
24. Jerusalem M., Schwarzer R. Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal processes. In Schwarzer, R. (ed.). *Self-efficacy: Thought control of action*. Washington, DC: Hemisphere, 1992, pp. 195–213.
25. Kaprara Dzh., Servon D. Psichologiya lichnosti [Psychology of personality]. St. Petersburg: Piter, 2003. 640 p. (In Russ.).
26. Karpova L.G. Mekhanizm prinyatiya i osvoeniya rolei i ego vliyanie na razvitiye tvorcheskikh sposobnostei mladshikh shkol'nikov [The mechanism of role acceptance and mastering and its influence on the development of creative abilities of junior schoolchildren]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2008. Vol. 74, no. 6, pp. 104–107. (In Russ.).
27. Katz-Navon T., Naveh E., Stern Z. Safety self-efficacy and safety performance: Potential antecedents and the moderation effect of standardization. *International Journal of Health Care Quality Assurance*, 2007. Vol. 20, no. 7, pp. 572–584. DOI:10.1108/09526860710822716
28. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer Publishing Company, Inc., 1984. 445 p.
29. Levshin S.V. Formirovanie professional'nogo samosoznaniya studentov kak faktora uspeshnosti adaptatsii v professii. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Development of students' professional self-awareness as a factor of successful adaptation in the profession PhD (Pedagogy) Thesis]. Stavropol, 2011. 25 p. (In Russ.).
30. Pantaleev S.R. Metodika issledovaniya samootnosheniya [Self-esteem research methodology]. Moscow: Smysl, 1993. 32 p. (In Russ.).
31. Pasechkina T.N., Furyaeva T.V. Kriterial'no-urovneyviy podkhod k izucheniyu sformirovannosti samoeffektivnosti v kommunikatsii u obuchayushchikhsya vuza [Criterion-level approach to the study of the formation of self-efficacy in communication in university students]. *Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2021. Vol. 2, no. 72, pp. 208–212. (In Russ.).
32. Salmina N.G., Zvonova E.V., Elizarova E.Yu. Komponenty predstavlenii o samoeffektivnosti spetsialista [Components of perceptions of specialist's self-efficacy]. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 177–182. DOI:10.26425/1816-4277-2021-3-177-182 (In Russ.).
33. Shilo N.A. Osvoennost' semeinykh i professional'nykh patternov otnoshenii u zhenshchin na etape rannei vzroslosti v kontekste fenomena lichnostnogo razvitiya [Mastery of family and professional relationship patterns in women at the stage of early adulthood in the context of personal development phenomenon]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Pedagogika i psichologiya = Bulletin of Adygeya State University, Ser. 3: Pedagogy and Psychology*, 2009, no. 2, pp. 236–243. (In Russ.).

34. Shockley K.M., Shen W., DeNunzio M.M., Arvan M.L. Disentangling the Relationship Between Gender and Work–Family Conflict: An Integration of Theoretical Perspectives Using Meta-Analytic Methods. *Journal of Applied Psychology*, 2017. Vol. 12, no. 102, pp. 1601–1635. DOI:10.1037/apl0000246
35. Shvartser R., Erusalem M., Romek V.G. Russkaya versiya shkaly obshchey samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema [Russian version of the R. Schwarzer and M. Yerusalem General Self-Efficacy Scale]. *Inostrannaya psichologiya = Foreign Psychology*, 1996, no. 7, pp. 71–76. (In Russ.).
36. Ushakova V.R. Osobennosti lichnostnoi samoeffektivnosti aviadispetcherov [Features of personal self-efficacy of air traffic controllers]. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psichologiya obrazovaniya = Scientific Result. Pedagogy and psychology of education*, 2019. Vol. 5, no. 2, pp. 71–82. DOI:10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-7 (In Russ.).
37. Usher E., Pajares F. Sources of academic and self-regulatory efficacy beliefs of entering middle school students. *Contemporary Educational Psychology*, 2006, pp. 125–141. DOI:10.1016/j.cedpsych.2005.03.002
38. Vasil'eva T.I. Dinamika professional'noi samoeffektivnosti budushchego pedagoga-psikhologa. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Dynamics of professional self-efficacy of future teacher-psychologist. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008. 27 p. (In Russ.).
39. Zimmerman B. Self-Efficacy: An Essential Motive to Learn. *Contemporary Educational Psychology*, 2000, no. 25, pp. 82–91. DOI:10.1006/ceps.1999.1016

Информация об авторах

Енин Виктор Викторович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации» (ФГБОУ ВО СтГМУ Минздрава России), г. Ставрополь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2029-1397>, e-mail: vvenin2024@mail.ru

Information about the authors

Viktor V. Enin, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Clinical Psychology, Stavropol State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Stavropol, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2029-1397>, e-mail: vvenin2024@mail.ru

Получена 06.12.2024

Received 06.12.2024

Принята в печать 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русскоязычной выборке

Ничко Н.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: st070237@student.spbu.ru

Гуриева С.Д.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievasv@spbu.ru

Цель. Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русскоязычной выборке.

Контекст и актуальность. Мир уже не будет прежним, а мы не останемся такими, как были раньше. Пандемия и последствия экономического кризиса оказали мощный импульс к изменениям в российском обществе, функционировании организаций, в привычном образе жизни людей. Теория реактивного сопротивления помогает объяснить эти изменения и реакции, рассматривая их как ответ на угрозу личной свободе со стороны внешнего воздействия. Изучение теории способствует разработке эффективных стратегий коммуникации и управления поведением в новых реалиях. Применение адаптированной версии шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга позволит восполнить дефицит русскоязычных психометрических инструментов, предназначенных для теоретического и эмпирического изучения реактивного поведения, поможет лучше понять процессы психологического влияния и сопротивления.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью сервиса Online Test Pad в 2024 году.

Участники. В пилотажную выборку вошли 32 респондента, финальную выборку составили 218 респондентов: 61 мужчина (28%), 157 женщин (72%) из разных регионов Российской Федерации. Возраст — от 18 до 75 лет, $M = 35,2$, $SD = 13,3$; большие половины имеют высшее образование (64,8%).

Методы (инструменты). В качестве основы опросника использована модель реактивного сопротивления С.-М. Хонга. Выполнялась проверка связей с социально-демографическими показателями, внутренней согласованности, ретестовой надежности. Внутренняя согласованность оценивалась расчетом коэффициентов альфа Кронбаха и омега Макдоналда, факторная структура — при помощи проведения конfirmаторного факторного анализа, методом главных компонент с вращением varimax. Для обработки данных использовались SPSS 26.0 и Jatovi 2.6.2.

Результаты. Получена четырехфакторная структура шкалы, альфа Кронбаха = 0,812, ω Макдоналда = 0,821. Ретестовая надежность спустя 4–5 недель (48 человек), r -Пирсона = 0,746 ($p = 0,01$). С помощью конfirmаторного факторного анализа получена модель со следующими показателями: CFI 0,931; TLI 0,906; SRMR 0,053; RMSEA 0,059; нижняя 0,04, верхняя 0,078.

Основные выводы. Несмотря на множественную критику оригинальных шкал Мерца и Хонга, нами получена хорошая промежуточная модель, которую можно использовать как методический инструмент, однако в дальнейшем необходимы доработка и проверка ряда показателей на расширенной выборке.

Ключевые слова: реактивное сопротивление; шкала реактивного сопротивления; конструктивная валидность; тест-ретестовая надежность; внутренняя согласованность.

Для цитаты: Ничко Н.В., Гуриева С.Д. Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русскоязычной выборке // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 193–211. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160111>

Adaptation of the Mertz-Hong Reactance Scale in a Russian-speaking Sample

Nikita V. Nichko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: st070237@student.spbu.ru

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievav@spbu.ru

Objective. *The article presents the results of adaptation of the Mertz—Hong reactance scale on a Russian-speaking sample.*

Background. *The world will no longer be the same, and we will not remain as we were before. The pandemic and the consequences of the economic crisis have provided a powerful impetus for changes in Russian society, organization functioning, and people's habitual way of life. The theory of reactive resistance helps to explain these changes and reactions, seeing them as a response to the threat to personal freedom from external influences. The study of the theory contributes to the development of effective strategies for communicating and managing behavior in new realities. The use of an adapted version of the Mertz—Hong Reactive Resistance Scale will help fill the deficit of Russian-language psychometric instruments designed for the theoretical and empirical study of reactive behavior, helping to better understand the processes of psychological influence and resistance.*

Study Design. *The study was conducted using the Online Test Pad service in 2024.*

Participants. *The pilot sample included 32 respondents, the final sample included 218 respondents: 61 men (28%), 157 women (72%) from different regions of the Russian Federation. Age from 18 to 75 years, $M = 35,2$; $SD = 13,3$; more than half (66,5%) have higher education.*

Measurements. *The reactive resistance model of S.-M. Hong was used as the basis of the scale. The correlations with socio-demographic indicators, internal consistency, and test-retest reliability were checked. Factor validity was verified by the method of principal components with varimax rotation and confirmatory factor analysis. SPSS 26.0 and Jamovi 2.6.2 were used for data processing.*

Results. *A four-factor scale structure was obtained, Cronbach's alpha = 0,812; McDonald's $\omega = 0,823$; Retest reliability after 4-5 weeks (48 people), Pearson's $r = 0,746$ ($p = 0,01$). Using confirmatory factor analysis, a model with the following indicators was obtained: CFI 0,931; TLI 0,906; SRMR 0,053; RMSEA 0,059; lower 0,040 upper 0,078.*

Conclusions. *Despite the multiple criticisms of the original Merz and Hong's scales, we have obtained a good intermediate model that can be used as a tool, however, further refinement and verification of a number of indicators are necessary.*

Keywords: *psychological reactance; psychological reactance scale; constructive validity; test-retest reliability; internal consistency.*

For citation: Nichko N.V., Gurieva S.D. Adaptation of the Mertz—Hong Reactance Scale in a Russian-speaking Sample. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 193–211. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160111> (In Russ.).

Введение

Социальная психология традиционно уделяет значительное внимание изучению феноменов влияния и противостояния влиянию. Однако новые вызовы, обусловленные пандемией COVID-19, поставили перед учеными и обществом вопросы, требующие глубокого анализа [3].

Ограничительные меры и масштабные информационные кампании в сфере здравоохранения вызвали неоднозначную реакцию у различных групп населения [1]. С одной стороны, люди сталкивались с необходимостью соблюдения новых правил поведения, направленных на защиту здоровья. С другой стороны, возникли проблемы с восприятием этих мер, что иногда приводило к эффекту обратного воздействия — сопротивлению и отказу следовать рекомендациям. Одна из теорий, известная как теория реактивного сопротивления (The theory of psychological reactance), позволяет объяснить возникающее сопротивление с различных сторон: от особенностей ситуации воздействия, стимула, так и особенностей субъектов, на которых направлено влияние. Реактивное сопротивление — «это мотивационное состояние, представляющее собой ответ человека на угрозу потерять “свободу”» [11].

Актуальность исследования обусловлена тем, что понимание механизмов сопротивления может способствовать разработке эффективных стратегий коммуникации [19] и управления общественным поведением в условиях чрезвычайных ситуаций [4]. Более того, изучение этого явления позволяет глубже понять психологические процессы, лежащие в основе принятия решений в ситуациях, когда индивидуальные свободы вступа-

ют в конфликт с коллективными интересами. В этом контексте исследование методик, рассматривающее особенности людей, представляет особенный интерес.

Все вышесказанное подтолкнуло нас к теории, которая получила значительное обсуждение на протяжении более чем 50 лет в зарубежной психологии, но на сегодняшний день остававшейся без должного освещения в отечественных исследованиях.

В зарубежных исследованиях теорию рассматривают с различных методологических позиций. Одним из направлений исследований стало рассмотрение реактивного сопротивления как личностной черты. Это привело к появлению множества опросных и других методов. Дополнительный импульс разработка теории и методов работы с сопротивлением получила во время пандемии COVID-19 [7; 8; 17; 22].

Среди опросных методов стоит отметить «Опросник для измерения психологической реактивности» Дж. Мерца (J. Merz) («Ragebogen zur Messung der Psychologischen Reactanz», QMPR) [14]; Терапевтическую шкалу реактивного сопротивления Э.Т. Дауда, К.Р. Милна и С.Л. Уайза («The Therapeutic Reactance Scale: A Measure of Psychological Reactance», TRS) [9; 10]; Зальцбургскую шкалу реактивного состояния («Salzburger State Reactance Scale», SSR Scale) [18].

В этой статье представлены обзор и адаптация одной из популярных шкал реактивного сопротивления, изначально разработанной Дж. Мерцем и позже адаптированной на нескольких выборках С.-М. Хонгом (S.-M. Hong).

В 1983 году Дж. Мерц разработал QMPR эмпирическим путем, представив 32 пункта для оценки 4-м профессио-

нальным психологам. В результате было отобрано 26 пунктов, из которых в финальную версию вошли 18.

Проверка шкалы проходила на учащихся средних школ и вузов Германии ($N = 898$), использовалась 6-балльная шкала Лайкера: «совсем не подходит (1) «...» полностью подходит (6)». Оценки показали высокую внутреннюю согласованность α Кронбаха = 0,90, ретестовое тестирование через 2–3 недели $\alpha = 0,86$. Анализ методом главных компонент с использованием Варимакс показал, что на четырехфакторное решение приходится 53% от общей дисперсии. Проведенный факторный анализ показал, что реактивное сопротивление многомерно: исследователь обнаружил в итоге 3 фактора, лежащих в основе QMPR, однако данных о надежности каждого из факторов исследователем представлено не было [13].

В последующем ряд исследователей рассматривали факторную структуру и психометрическую стабильность опросника. Опросник Дж. Мерца перевели на английский язык и адаптировали сначала Р.К. Такер и П.У. Байерс (R.K. Tucker, P.Y. Byers) [21], а затем С.-М. Хонг: «Hong psychological reactance scale» (HPRS). На сегодняшний день в литературе чаще представлены ссылки на исследования Хонга и коллег, несмотря на то, что исследования не выявили единую факторную структуру шкалы HPRS [12; 23]. Также есть различия в использовании шкалы: исследователи в зависимости от цели и задач исследования используют не фиксированное количество пунктов, в диапазоне от 11 до 18 [23]. Возможная причина могла заключаться в использовании различных статистических методов, а также в разнице перевода. Например, показаны особенности перевода на шведский и финский язык в исследовании О. Варис

(O. Waris) и коллег и то, как это отображается в показателях при анализе шкал [23]. И. Стегликова (J. Stehlíková) и соавторы, сравнивая результаты и факторные модели, полученные на чешской, австралийской, американской, испанской выборках, выдвинули гипотезу о связи культуры и структуры реактивного сопротивления [20].

Таким образом, шкала Мерца–Хонга (HPRS) требует дальнейших исследований с целью уточнения количества основных пунктов, входящих в нее.

Рассматривая различные модели, мы выдвинули гипотезу **G1:** Шкала реактивного сопротивления, состоящая из 14 пунктов, покажет четырехфакторную структуру.

Т.О. Кулинкович и А.Ю. Кособуцкая, используя «Терапевтическую шкалу сопротивления», не обнаружили различий по полу в уровне реактивного сопротивления, однако отметили, что возрастная динамика реактивного сопротивления у мужчин проявляется сильнее, чем у женщин. Анализ половозрастных особенностей с периодизацией К. Уоллера показал, что более высокий уровень реактивного сопротивления наблюдается не только у лиц младше 25 лет, но и у испытуемых старше 55 лет [2]. Хотя исследования показывают, что корреляции между терапевтической шкалой и шкалой Мерца–Хонга варьируются от 0,50 до 0,58 [8; 22], П. Морейра (P. Moreira) и соавторы сообщили о высокой корреляции 0,89 между HPRS и TRS в анализе моделирования структурных уравнений на выборке подростков, но модель не показала приемлемые результаты [15]. Несмотря на использование различных шкал, мы выдвинули гипотезу.

G2: можно предположить, что существуют различия по полу в уровне реактивного сопротивления: у мужчин средний уровень реактивного сопротивления выше, чем у женщин.

Программа исследования

Выборка. В итоговую выборку вошли 218 человек, из которых 61 мужчина (28%), 157 женщин (72%) из разных городов России (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск и другие города), несколько человек проживают за рубежом (Франция, Германия). Возраст — от 18 до 75 лет, $M = 35,2$; $SD = 13,3$; $Me = 28$; асимметрия —0,837, эксцесс —0,488. Среднее образование имеют 14 (6,4%) респондентов, среднее специальное — 24 (11%), неоконченное высшее — 25 (11,5%), высшее образование — 145 (66,5%), ученую степень — 10 (4,6%).

Из финальной выборки были убраны 7 респондентов с долгим и быстрым прохождением опросника (более 2 часов, менее 6 минут, среднее время заполнения опросников составляло 14 минут).

Инструментарий. В качестве теоретической и методологической основы опросника использована описательная модель реактивного сопротивления С.-М. Хонга [12]. Оригинальный опросник состоит из 14 утверждений (пунктов), которые разделены на 4 фактора: свобода выбора; поведенческая свобода; сопротивление советам и рекомендациям; нонконформизм.

Процедура. Для реализации поставленных задач и проверки гипотез проведено исследование из двух этапов. На первом этапе нами был осуществлен перевод шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русский язык. Перевод, адаптация и валидация методики проводились в несколько этапов, с использованием современных международных рекомендаций и лучших практик [5]. Перевод шкалы был осуществлен и согласован группой экспертов со степенью кандидата (3) психологических наук, магистра (2), доктора (1) психологических наук по специальности социальная психология, свободно владеющих английским языком, с уровнем С1 и выше. Эксперты были ознакомлены с

содержанием и структурой шкалы Хонга. Процедура обратного перевода не проводилась, так как основное внимание было сфокусировано не на точном соответствии и подборе слов, а на соответствии смыслового содержания представленных шкал. Процедура заключалась в следующем — сначала эксперты переводили все пункты шкалы самостоятельно, независимо друг от друга, затем был согласован смысловой перевод, после чего устранились возможные расхождения и трудности в понимании смысла пунктов. Выбранный нами подход связан с необходимостью обеспечения адекватного и синхронного понимания смысловых стимулов, с учетом специфики русского языка, носителей русского языка (Приложение 1).

Затем мы провели пилотажное исследование ($N = 36$ человек; $M = 26,13$ лет; $SD = 4,24$; мужчин — 21,1%; женщин — 78,9%, высшее образование имеют 65,8%), в котором респондентам были предоставлены вопросы для обратной связи. После этого из опросника один из вопросов был удален, три формулировки скорректированы.

Основное исследование проводилось онлайн с февраля по август 2024 года, опросная форма была сформирована при помощи сервиса Online Test Pad. Исследование проводилось анонимно: респонденты не сообщали свои контактные данные. Также респонденты были информированы о возможности выйти из опроса в любой момент.

Респондентам была предложена инструкция: «Оцените степень своего согласия с представленными ниже суждениями, используя пятибалльную шкалу». То есть использовалась 5-балльная шкала Лайктера: «никогда (1), иногда (2), редко (3), в большинстве случаев (4), всегда (5)». Также была предусмотрена возможность отказа от ответа: «затрудняюсь ответить/отказываюсь» на вопросы опросника

и социально-демографической анкеты. Ни один из вопросов не преодолел 5% барьера, что может говорить о ясности и корректности сформулированных вопросов. Отметим, что в других исследованиях использовались такие формулировки, как «Полностью не согласен (1) «...» полностью согласен (6)», «совсем нет (1) «...» абсолютно точно (5)» [19; 22]. Переведенный опросник был дополнен социально-демографическим блоком вопросов: пол, возраст, уровень образования, населенный пункт проживания. Суммарный балл по шкале варьировался от 25 до 70 баллов.

Обработка данных. Для обработки результатов исследования были использованы программы SPSS Statistics 26.0 и Jamovi 2.6.2.

Валидация опросника основывалась на данных опроса и включала в себя проверку факторной структуры, проверку согласованности измерений и проверку текущей валидности опросника.

Конвергентная валидность опросника должна проверяться корреляционным анализом связи полученных с ее помощью результатов с результатами, полученными при применении аналогичных или близких методик. По причине того, что в настоящий момент в русскоязычной научной литературе отсутствуют методики, изучающие и измеряющие реактивное сопротивление, эта задача нами определена для дальнейших исследований.

Текущая валидность тестировалась при помощи корреляционного анализа связи между результатами двух измерений опросника на пилотажной и основной выборках.

Внутренняя согласованность (надежность) опросника С.-М. Хонга оценивалась расчетом коэффициентов альфа Кронбаха и омега Макдональда, факторная структура — при помощи конfirmаторного факторного анализа основной и контрольной выборок исследования.

Результаты

Шкала реактивного сопротивления показала хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,812$, стандартизированная $\alpha = 0,818$). Омега Макдональда = 0,821. Коэффициент r -Спирмена—Брауна (метод расщепления) = 0,797, коэффициент Гуттмана = 0,797. Повторное тестирование спустя 4–5 недель (48 человек), ретестовая надежность, коэффициент r -Пирсона, составила $r = 0,746$ ($p = 0,01$).

Проверка на нормальность: критерий сферичности Бартлетта равен 531,042 при $p = 0,000$ и мера адекватности выборки КМО = 0,796 показали приемлемые результаты для проведения факторного анализа. Проверка факторной структуры осуществлялась с помощью конfirmаторного факторного анализа (КФА).

В начале КФА была проверена модель, которую предложил Хонг [12], однако она показала неудовлетворительные результаты (табл. 3, модель № 1): $CFI = 0,822$, $TLI = 0,722$, $RMSEA = 0,088$, $SRMR = 0,068$, то есть все показатели ниже необходимого уровня.

Поэтому мы обратились к анализу с помощью метода главных компонент (результаты представлены в табл. 1), вращение Варимакс, что позволило установить 4-факторную структуру, объясняющую 57,4% дисперсии.

Пункт шкалы 2 «Меня возбуждает вступление в противоречие с другими» показывал противоречивые значения по компонентам (Приложение 2). Скорее всего, это связано с некорректно выбранным переводом пункта. Мы решили проверить и сравнить модель с четырнадцатью пунктами (модель № 2) и тринадцатью, исключив пункт 2 (модель № 3). Результаты представлены в табл. 3. Визуализация представлена на рис. 1.

В табл. 2 представлены индексы модификации между пунктами шкалы (вопросами), превышающие 10.

Таблица 1

Результаты эксплораторного факторного анализа

Компонент	Значение	% дисперсии	Суммарный %
1	4,279	30,567	30,567
2	1,517	10,835	41,402
3	1,140	8,141	49,543
4	1,105	7,893	57,435

Примечание: метод извлечения факторов — метод главных компонент.

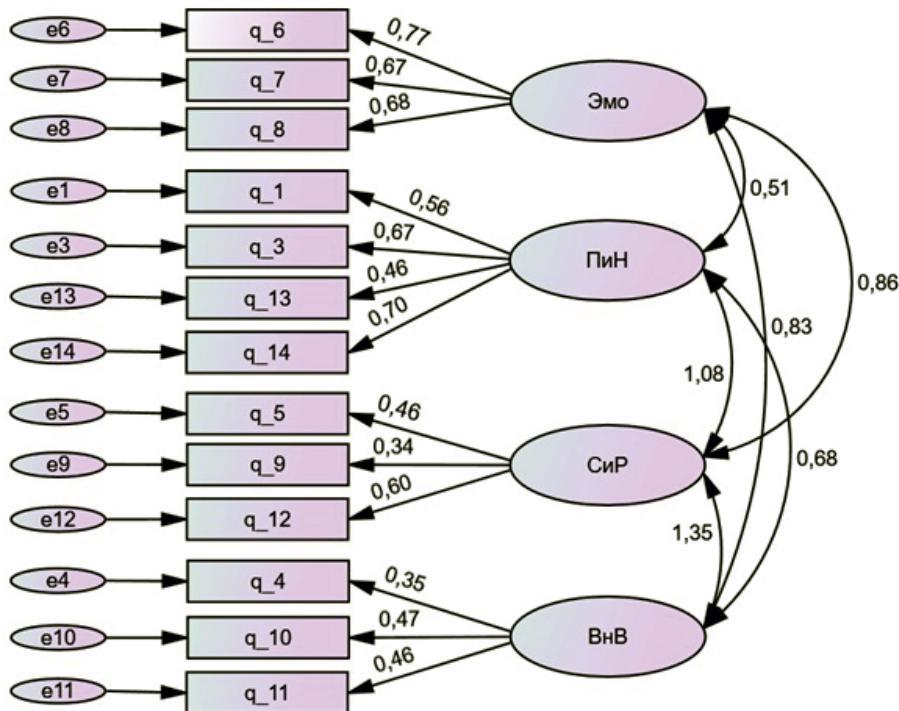

Рис. 1. Модель № 3: Эмо — эмоциональная реакция на ограничение выбора; ПиН — нежелание подчиняться правилам и нормам; СиР — сопротивление советам и рекомендациям; ВнВ — противодействие внешнему влиянию

Можно предположить, что индексы модификации между вопросами 5 и 7, 11 и 12 могут объясняться данными, полученными в ходе коммуникативных исследований реактивного сопротивления. Например, подход, рассматривающий нарративные сообщения (повествовательные нарративы), которые

представляют связанные события и персонажей, имеют структуру, представленность конкретного времени и места действия. В отличие от дидактического или объясняющего подхода нарративные сообщения вызывают меньшее сопротивление [12]. Возможные причины могут быть в том, что история завлекает

Таблица 2

Индексы модификации между вопросами > 10

Индексы модификации	Формулировки вопросов
Q5 и Q7 (13,073)	Q5: «Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела» Q7: «Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны»
Q11 и Q12 (12,875)	Q11: «Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня» Q12: «Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания»

в познавательный процесс, снижает способность негативного реагирования, обходя критическую оценку стимульного материала. Также показали эффективность ссылки на значимых других: «Когда ваши дети, внуки или друзья видят, как вы выбираете блюда, какие уроки они извлекают из этого? Подумайте о них, когда будете брать вторую порцию или сладкое» [15]. Вполне возможно, что преподнесение кого-либо в качестве образца для подражания может восприниматься как влияние извне, восприниматься как совет, который вмешивается в личную сферу.

Итак, улучшение модели стало возможным с добавлением коррелятов (рис. 2) между пунктами шкалы, в табл. 3 представлена как модель № 4.

Нами отмечается улучшение во всех метриках качества представленной модели № 4 (табл. 3): *RMSEA* упала с 0,067 до 0,062; *SRMR* незначительно, но *упал* с 0,056 до 0,053; *CFI* вырос с 0,910 до 0,931, а *TLI* – с 0,881 до 0,906. Все эти значения превосходят пороговые, что может говорить о хорошем качестве моделей.

В табл. 4 представлены описательные статистики, три фактора из четырех находятся в диапазоне от –1 до 1 по эксцессу и асимметрии, кроме фактора 2 «Нежелание подчиняться правилам и нормам», эксцесс которого составил 1,96.

В табл. 5 представлена матрица корреляций между полученными факторами.

Таким образом, модель № 4 с такими показателями принята нами как при-

Таблица 3

Результаты конфирматорного факторного анализа моделей структуры опросника реактивного сопротивления (основная выборка, N = 218)

Модель	χ^2	<i>df</i>	<i>p</i>	<i>CFI</i>	<i>TLI</i>	<i>RMSEA</i>	<i>90% CI</i>	<i>SRMR</i>
Модель № 1 (по оригинальной модели)	191	71	0,001	0,822	0,772	0,088	0,073–0,103	0,068
Модель № 2 (14 пунктов)	142	67	0,001	0,890	0,850	0,071	0,055–0,087	0,060
Модель № 3 (13 пунктов)	117	59	0,001	0,910	0,881	0,0671	0,0491–0,0849	0,056
Модель № 4 (13 пунктов)	101	57	0,001	0,931	0,906	0,059	0,040–0,078	0,053

Примечание: *CFI* – сравнительный индекс согласия Бентлера; *TLI* – индекс Такера–Льюиса; *RMSEA* – корень среднеквадратичного остатка; *CI* – доверительный интервал; *SRMR* – стандартизованный корень среднеквадратичного остатка.

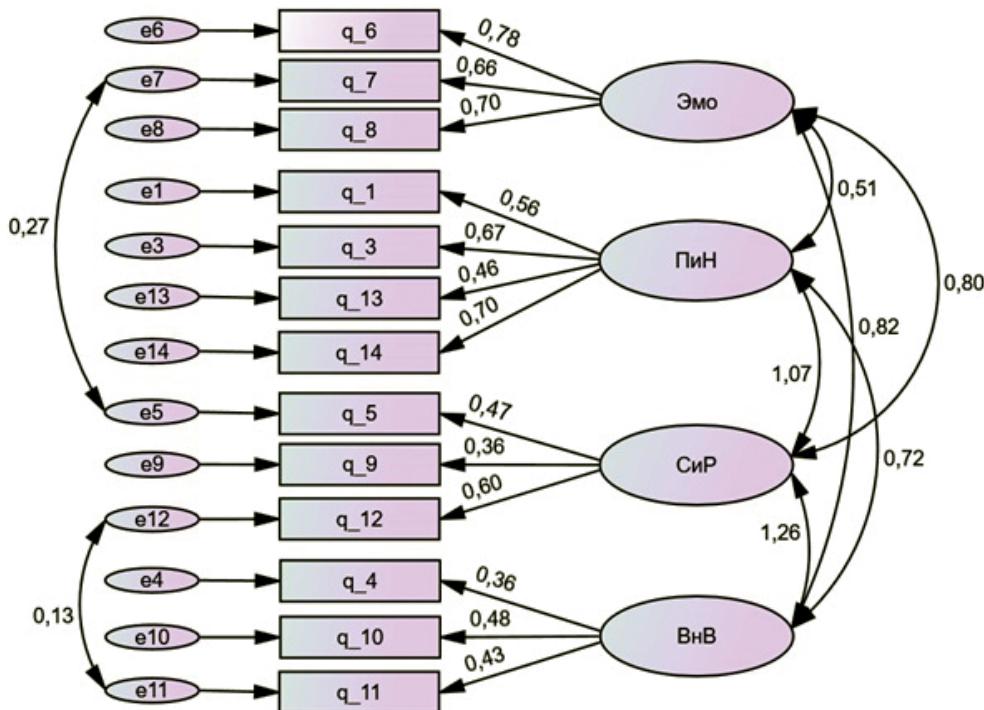

Рис. 2. Визуализация модифицированной модели: Эмо – эмоциональная реакция на ограничение выбора; ПиН – нежелание подчиняться правилам и нормам; СиР – сопротивление советам и рекомендациям; ВнВ – противодействие внешнему влиянию

емлемая. Г1 подтвердилась частично. Шкала из 13 пунктов показала четырехфакторное решение с помощью анализа главных компонент и вращения Вари-

акс с нормализацией Кайзера. В конфиrmаторном факторном анализе шкала из 13 пунктов (убран пункт 2) показала четырехфакторную структуру.

Таблица 4
Описательные статистики факторов

Фактор	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Эксцесс	Асимметрия
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	11,17	11,00	11,00	2,50	0,09	-0,56
Нежелание подчиняться правилам и нормам	9,38	9,00	9,00	2,58	1,96*	0,83
Сопротивление советам и рекомендациям	9,38	9,00	9,00	2,00	-0,29	0,16
Противодействие внешнему влиянию	10,35	10,50	12,00	2,27	-0,63	-0,21

Фактор	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Эксцесс	Асимметрия
Общий балл реактивного сопротивления	3,28	3,28	3,07	0,58	0,42	0,20

Примечание: * — показатель, выходящий за пределы диапазона от -1 до 1 по эксцессу.

Таблица 5

Корреляции между факторами

Фактор	Общий балл	Эмо	ПиН	СиР
Эмо	0,761 ***	—		
ПиН	0,754 ***	0,367 ***	—	
СиР	0,834 ***	0,513 ***	0,594 ***	—
ВнВ	0,726 ***	0,473 ***	0,334 ***	0,533 ***

Примечание: Эмо — эмоциональная реакция на ограничение выбора; ПиН — нежелание подчиняться правилам и нормам; СиР — сопротивление советам и рекомендациям; ВнВ — противодействие внешнему влиянию; Общий балл — общий балл по шкале реактивного сопротивления; *** — $p < 0,001$ (односторонняя).

Для выявления возможных связей между социально-демографическими показателями мы сравнили респондентов по полу, применив однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Результат $p = 0,013$ ($F = 6,30$). Табл. 6 показывает, что у респондентов-женщин среднее значение реактивного сопротивления выше, чем у мужчин.

Таким образом, Г2 не подтвердилась. Наоборот, у мужчин средние значения реактивного сопротивления оказались ниже, чем у женщин.

Мы также проверили связи реактивного сопротивления с уровнем образования и возрастом. Связи с уровнем

образования выявлено не было. Множественные сравнения с помощью критерия Шеффе в разных возрастных группах показали статистически значимую разницу в уровне сопротивления только между группами 25–34 лет и 55–64 года ($M = 3,428$ и $2,851$ соответственно), $p = 0,012$. Это отличается от данных, представленных Т.О. Кулинкович и А.Ю. Кособуцкой, которые показали, что у испытуемых младше 25 и старше 55 лет наблюдается более высокий уровень реактивного сопротивления [2].

Проверка согласованности. Согласованность измерений опросника проверялась при помощи расчета ко-

Таблица 6

Описательные статистики респондентов по полу ($N = 218$)

Описательные статистики	Женщины	Мужчины
N	157	61
M	3,350	3,131
SD	0,560	0,618
Дисперсия	0,314	0,382

Примечание: N — объем выборки; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

эффективентов альфа Кронбаха и омега Макдональда. В целом по опроснику Кронбаха равняется 0,812 (стандартизированная $\alpha = 0,818$). Омега Макдональда = 0,821. Показатели согласованности в целом и для разделенного на субшкалы опросника приведены в табл. 7.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании было показано, что четырехфакторная структура шкалы, заложенная авторами оригинальной методики, воспроизводится на русскоязычной выборке, однако есть особенности. Для ответов предлагалась шкала Лайкерта из 5 пунктов: «никогда (1), иногда (2), редко (3), в большинстве случаев (4), всегда (5)». Это отличается от предыдущих исследований, в которых использовались такие формулировки, как «Полностью не согласен (1) «...» полностью согласен (6)», «совсем нет (1) «...» абсолютно точно (5)». Статистика соответствия модели, в которой пункты объединялись по изначально предложенным факторам Хонга, не показала приемлемых результатов (табл. 3).

При осуществлении валидизации методики проверена внутренняя структура, ретестовая надежность шкалы Мерца—Хонга. Надежность шкалы в целом α Кронбаха составила 0,812, Омега Макдональда = 0,821. Коэффициент r -Спирмена—Брауна (метод расщепления) = 0,797, коэффициент Гуттмана = 0,797. Ретестовая надежность спустя 4–5 недель (48 человек), коэффициент r -Пирсона = 0,746 при $p = 0,01$. Не все показатели имеют достаточно хорошие результаты по надежности.

Проведенное исследование поставило перед нами некоторые вопросы. Шкала Мерца—Хонга критикуется рядом авторов за недостаточно высокие психометрические показатели. Стоит согласиться с некоторыми тезисами. Действительно, шкала нуждается в улучшениях. Следует в дальнейшем проверить гипотезу, как с течением времени и ряда факторов могло произойти смещение в показателях каждого респондента. В этом исследовании нам не удалось узнать факторы, которые могли быть связаны с изменением баллов в ретестовых замерах, то есть с течением времени.

Шкала не сбалансирована по негативным и позитивным формулировкам, нет данных о социальной желательности ответов. В дальнейшем мы планируем исправить эти ограничения и исследовать применение теории реактивного сопротивления в практической деятельности.

На сегодняшний день нет четкого понимания, как рассматривать реактивное сопротивление: как состояние, в котором пребывает человек, либо же как черту личности.

Факторный анализ также поставил ряд вопросов. С одной стороны, не лишено смысла объединить вопросы по

Показатели согласованности субшкал и шкалы

Субшкала	α Кронбаха	ω Макдональда
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	0,742	0,756
Нежелание подчиняться правилам и нормам	0,688	0,689
Сопротивление советам и рекомендациям	0,425	0,452
Противодействие внешнему влиянию	0,420	0,433
Общий показатель по шкале	0,812	0,821

Таблица 7

их аффективной, когнитивной и поведенческой направленности. К примеру, поведенческий фактор: «Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот»; «Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот»; «Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня»; когнитивный: «Если мне что-то запрещают, то я думаю: “Это именно то, что я и сделаю”»; «Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела»; «Мысль зависимости от других меня тяготит».

Однако только 3 вопроса по такому принципу показали высокие корреляции. Мы так же протестирували модели по такому принципу, но показатели по всем 4 характеристикам (*RMSEA*, *SRMR*, *CFI*, *TLI*) не были удовлетворительными. Можно предположить, что объединение в факторы происходило по вопросам, включавшим все три выделенных аспекта — когнитивный, поведенческий и эмоциональный. Кроме фактора «Эмоциональная реакция на ограничение выбора», в котором все пункты относятся к эмоциональным проявлениям («Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения»; «Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны»; «Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора»). В дальнейшем стоит изменить формулировки, как минимум пункта 2 («Меня возбуждает вступление в противоречие с другими»), который был убран из финальной модели, хотя показатели и с этим пунктом приемлемые (Приложение 3). Скорее всего, это связано с некорректно выбранной формулировкой, которую следует проверить в дальнейшем. Мы предполагаем, что формулировка «Мне нравится противоречить окружающим» могла бы показать

нагрузку на фактор «Сопротивление соvetам и рекомендациям».

Кроме этого, шкалу возможно дополнить несколькими пунктами из самого раннего перевода шкалы Дж. Мерца, предложенного К. Такером и П.У. Байерсом [21].

Мы также не можем утверждать о полном соответствии переведенной и предложенной русскоязычной версии оригиналу, поскольку нами было выявлено, что из 14 пунктов шкалы осталось 13 пунктов, один из которых не вошел в финальную модель, что требует уточнения и объяснения в дальнейшем исследовании. В результате нами принято следующее решение — доработать пункт, который в оригинальной версии присутствует, но выпал в русскоязычной версии.

Внося вклад в эту малоизученную отечественными психологами область, мы надеемся на продолжение исследований конструкта реактивного сопротивления, его дифференциацию или соотнесение с существующими понятиями в отечественной теоретической традиции.

Выводы

1. Русскоязычная версия шкалы реактивного сопротивления показала хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,812$, стандартизированная $\alpha = 0,818$), омега Макдональда = 0,821. Ретестовая надежность, коэффициент *r*-Пирсона, $r = 0,746$ при $p = 0,01$.

2. Гипотезы исследования подтвердились частично.

2.1. Наилучшее соответствие показала модель, состоящая из 13 пунктов шкалы, включающая 4 фактора.

2.2. Показатели реактивного сопротивления у женщин статистически значимо выше, чем у мужчин.

2.3. Выявлено, что уровень сопротивления в возрастной группе 25–34 выше,

чем в группе 55–64 года, что соотносится с данными о наличии возрастных «пиков», однако отличается от данных других исследований.

Ограничения исследования

Исследование имеет ряд ограничений. Одним из них является выборка, на которой происходили проверки моделей, включающая преимущественно женщин (157 человек – 72%). Это замечание является особенно важным, учитывая обнаруженные различия между мужчинами и женщинами в уровне реактивного сопротивления. Большая часть выборки (50%) – жители крупных городов

(Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга), имеющие высшее образование (66,5%).

Кроме этого, стоит отметить объем выборки $N = 218$, который может быть недостаточен с некоторых методологических позиций для проведения конfirmаторного факторного анализа при большом количестве переменных.

Межфакторные корреляции ставят вопрос, можно ли их считать независимыми подшкалами? Ответ мог бы дать ценную информацию о составляющих шкалы, измеряющих реактивное сопротивление. Этот вопрос мы планируем исследовать в дальнейшем.

Приложение 1

Шкала реактивного сопротивления Мерца–Хонга

Здравствуйте, уважаемый участник! Этот опрос посвящен особенностям общества. Пожалуйста, оцените степень своего согласия с представленными ниже суждениями, используя пятибалльную шкалу:

1	2	3	4	5
Никогда	Редко	Иногда	В большинстве случаев	Всегда

Вашим ответом будет выбор одного из баллов шкалы: 1, 2, 3, 4 или 5. Отметьте выбранный балл.

Заранее благодарим за сотрудничество!

№	Вопрос	Никогда	Редко	Иногда	В большинстве случаев	Всегда
1	Правила вызывают у меня чувство сопротивления	1	2	3	4	5
2	Мне нравится противоречить окружающим ¹	1	2	3	4	5
3	Если мне что-то запрещают, то я думаю: «Это именно то, что я и сделаю»	1	2	3	4	5
4	Мысль зависимости от других меня тяготит	1	2	3	4	5

¹ Мы предлагаем заменить перевод пункта 2 на этот вариант для избежания неоднозначности понимания. При включении пункта в таком виде следует проверить факторную структуру, поэтому пункт не представлен в ключе.

№	Вопрос	Никогда	Редко	Иногда	В большинстве случаев	Всегда
5	Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела	1	2	3	4	5
6	Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения	1	2	3	4	5
7	Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны	1	2	3	4	5
8	Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора	1	2	3	4	5
9	Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот	1	2	3	4	5
10	Я удовлетворен(а), только когда действую по собственной воле	1	2	3	4	5
11	Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня	1	2	3	4	5
12	Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания	1	2	3	4	5
13	Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот	1	2	3	4	5
14	Меня разочаровывает, когда я вижу, как другие подчиняются стандартам и правилам общества	1	2	3	4	5

Ключ

Субшкала	Пunkты
Нежелание подчиняться правилам и нормам	1, 3, 13, 14
Противостояние внешнему влиянию	4, 10, 11
Сопротивление советам и рекомендациям	5, 9, 12
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	6, 7, 8

Приложение 2

Факторы и факторные нагрузки пунктов шкалы реактивного сопротивления

Фактор	Пункт шкалы	Факторная нагрузка
1	2	3
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	6. Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения 7. Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны 8. Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора	0,798* 0,652* 0,699*

1	2	3
Нежелание подчиняться правилам и нормам	1. Правила вызывают у меня чувство сопротивления	0,548*
	3. Если мне что-то запрещают, то я думаю: «Это именно то, что я и сделаю»	0,675*
	13. Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот	0,444*
	14. Меня разочаровывает, когда я вижу, как другие подчиняются стандартам и правилам общества	0,707*
Сопротивление советам и рекомендациям	5. Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела	0,484*
	9. Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот	0,411*
	12. Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания	0,622*
Противостояние внешнему влиянию	4. Мысль зависимости от других меня тяготит	0,356*
	10. Я удовлетворен(а), только когда действую по собственной воле	0,492*
	11. Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня	0,417*
Исключенные пункты	2. Меня возбуждает вступление в противоречие с другими	

* – p < 0,001.

Приложение 3

Оригинальные пункты и перевод шкалы

Оригинальный пункт 1	Субшкала 2	Перевод 3	Субшкала
			4
1. Regulations trigger a sense of resistance in me	Factor 2: Conformity Reactance	1. Правила вызывают у меня чувство сопротивления	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам
2. I find contradicting others stimulating	Factor 2: Conformity Reactance	2. Меня возбуждает вступление в противоречие с другими	—
3. When something is prohibited, I usually think “that’s exactly what I’m going to do.”	Factor 2: Conformity Reactance	3. Если мне что-то запрещают, то я думаю: «Это именно то, что я и сделаю»	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам
4. The thought of being dependent on others aggravates me	Factor 1: Freedom of Choice	4. Мысль зависимости от других меня тяготит	Фактор 4: Противостояние внешнему влиянию
5. I consider advice from others to be an intrusion	Factor 4: Reactance to Advice and Recommendations	5. Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела	Фактор 3: Сопротивление советам и рекомендациям
6. I become frustrated when I am unable to make free and independent decisions	Factor 1: Freedom of Choice	6. Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения	Фактор 1: Эмоциональная реакция на ограничение выбора

1	2	3	4
7. It irritates me when someone points out things which are obvious to me	Factor 4: Reactance to Advice and Recommendations	7. Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны	Фактор 1: Эмоциональная реакция на ограничение выбора
8. I become angry when my freedom of choice is restricted	Factor 1: Freedom of Choice	8. Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора	Фактор 1: Эмоциональная реакция на ограничение выбора
9. Advice and recommendations induce me to do just the opposite	Factor 4: Reactance to Advice and Recommendations	9. Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот	Фактор 3: Сопротивление советам и рекомендациям
10. I am content only when I am acting of my own free will	Factor 1: Freedom of Choice	10. Я удовлетворен(а), только когда действую по собственной воле	Фактор 4: Противостояние внешнему влиянию
11. I resist the attempts of others to influence me	Factor 3: Behavioural Freedom	11. Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня	Фактор 4: Противостояние внешнему влиянию
12. It makes me angry when another person is held up as a model for me to follow	Factor 3: Behavioural Freedom	12. Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания	Фактор 3: Сопротивление советам и рекомендациям
13. When someone forces me to do something, I feel like doing the opposite	Factor 3: Behavioural Freedom	13. Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам
It disappoints me to see others submitting to society's standards and rules	Factor 3: Behavioural Freedom	14. Меня разочаровывает, когда я вижу, как другие подчиняются стандартам и правилам общества	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам

Литература

1. Байрамова Ю.В., Рагимова А.Г. Индивидуальные установки взрослого населения к протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019 // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 78–93. DOI:10.17759/sps.2021120205
2. Кулникович Т.О., Кособуцкая А.Ю. Реактивное сопротивление в служебных отношениях // Философия и социальные науки. 2013. № 3/4. С. 68–77.
3. Саринева И.Р., Богатырева Н.И. Оправдание системы и поддержка ограничений, связанных с коронавирусом: роль доверия государству и веры в теории заговора // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 59–73. DOI:10.17759/sps.2021120305
4. Aguirre-Camacho A. et al. Revisiting psychological reactance theory: relationship between psychological reactance and health-related attitudes/behaviors in the context of the COVID-19 pandemic // Current Psychology. 2024. Vol. 43. P. 35697–35708. DOI:10.1007/s12144-024-06810-y
5. Coskun Benlidayi I., Gupta L. Translation and Cross-Cultural Adaptation: A Critical Step in Multi-National Survey Studies // J Korean Med Sci. 2024. Vol. 39(49): e336. DOI:10.3346/jkms.2024.39.e336
6. De Las Cuevas C. et al. Psychological reactance in psychiatric patients: Examining the dimensionality and correlates of the Hong psychological reactance scale in a large clinical

- sample // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 70. P. 85–91. DOI:10.1016/j.paid.2014.06.027
7. *Díaz R., Cova F.* Reactance, morality, and disgust: The relationship between affective dispositions and compliance with official health recommendations during the COVID-19 pandemic // Cognition & Emotion. 2022. Vol. 36. № 1. P. 120–136. DOI:10.1080/02699931.2021.1941783
8. *Dillard J.P. et al.* Persuasive messages, social norms, and reactance: A study of masking behavior during a COVID-19 campus health campaign // Health Communication. 2023. Vol. 38. № 7. P. 1338–1348. DOI:10.1080/10410236.2021.2007579
9. *Dowd E.T. et al.* Psychological reactance and its relationship to normal personality variables // Cognitive Therapy and Research. 1994. Vol. 18. № 6. P. 601–612. DOI:10.1007/BF02355671
10. *Dowd E.T., Milne C.R., Wise S.L.* The therapeutic reactance scale: A measure of psychological reactance // Journal of Counseling & Development. 1991. Vol. 69. P. 541–545. DOI:10.1002/j.1556-6676.1991.tb02638.x
11. *Haidong L.* Psychological Reactance. In: The ECPH Encyclopedia of Psychology. Springer, Singapore. 2024. DOI:10.1007/978-981-99-6000-2_228-1
12. *Hong S.-M., Page S.* A psychological reactance scale: Development, factor structure and reliability // Psychological Reports. 1989. Vol. 64. № 3. P. 1323–1326. DOI:10.2466/pr0.1989.64.3c.1323
13. *Ko Y. et al.* The persuasive effects of social media narrative PSAs on COVID-19 vaccination intention among unvaccinated young adults: the mediating role of empathy and psychological reactance // Journal of Social Marketing. 2023. Vol. 13. № 4. P. 490–509. DOI:10.1108/JSOCM-09-2022-0185
14. *Merz J.* Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz // Diagnostica. 1983. Vol. 29. № 1. P. 75–82.
15. *Moreira P., Cunha D., Inman R.A.* Addressing a Need for Valid Measures of Trait Reactance in Adolescents: A Further Test of the Hong Psychological Reactance Scale // Journal of Personality Assessment. 2019. Vol. 102. № 3. P. 357–369. DOI:10.1080/00223891.2019.1585360
16. *Moyer-Gusé E., Nabi R.L.* Explaining the effects of narrative in an entertainment television program: Overcoming resistance to persuasion // Human Communication Research. 2010. Vol. 36. № 1. P. 26–52. DOI:10.1111/j.1468-2958.2009.01367.x
17. *Plohl N., Musil B.* Trust in science moderates the effects of high/low threat communication on psychological reactance to COVID-19-related public health messages // Journal of Communication in Healthcare. 2023. Vol. 16. № 4. P. 401–411. DOI:10.1080/17538068.2023.2279395
18. *Sittenthaler S. et al.* Salzburger state reactance scale (SSR Scale): Validation of a Scale Measuring State Reactance // Zeitschrift für Psychologie. 2015. Vol. 223. № 4. P. 257–266. DOI:10.1027/2151-2604/a000227
19. *Sprengholz P., Tannert S., Betsch C.* Explaining Boomerang Effects in Persuasive Health Communication: How Psychological Reactance to Healthy Eating Messages Elevates Attention to Unhealthy Food // Journal of Health Communication. 2023. Vol. 28. № 6. P. 384–390. DOI:10.1080/10810730.2023.2217098
20. *Stehliková J. et al.* Hong Psychological Reactance Scale: Factorial structure and measurement invariance of the Czech version // Československá psychologie. 2020. Vol. 64. № 6. P. 656–667.
21. *Tucker R.K., Byers P.Y.* Factorial validity of Merz's psychological reactance scale // Psychological Reports. 1987. Vol. 61. № 3. P. 811–815.
22. *Verpaalen I.A.M. et al.* Psychological reactance and vaccine uptake: a longitudinal study // Psychology & Health. 2023. P. 1–21. DOI:10.1080/08870446.2023.2190761
23. *Waris O. et al.* The factorial structure of the Hong Psychological Reactance Scale in two Finnish samples // Nordic Psychology. 2020. Vol. 73. № 1. P. 68–90. DOI:10.1080/19012276.2020.1800508
24. *Yost A.B., Finney S.J.* Assessing the unidimensionality of trait reactance using a multifaceted model assessment approach // Journal of Personality Assessment. 2018. Vol. 100. № 2. P. 186–196. DOI:10.1080/00223891.2017.1280044

References

1. Bayramova Y.V., Rahimova A.G. Individual'nye ustanovki v zrroslogo naseleniyak protektivnomu povedeniyu v situatsii pandemii COVID-2019 [Individual Attitude towards Protective Behavior during COVID-2019 Pandemic in Adult Population]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 78–93. DOI:10.17759/sps.2021120205 (In Russ.).
2. Kulinkovich T.O., Kosobutskaya A.Yu. Reaktivnoe soprotivlenie v sluzhebnykh otnosheniakh [Reactive resistance in official relations]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki = Philosophy and Social Sciences*, 2013, no. 3/4, pp. 68–77. (In Russ.).
3. Sarieva I.R., Bogatyreva N.I. Opravdanie sistemy i podderzhka ogranicenii, svyazannyykh s koronavirusom: rol' doveriya gosudarstvu i very v teorii zagovora [System Justification and Coronavirus Restrictions Support: the Role of Government Trust and Conspiracy Belief]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 59–73. DOI:10.17759/sps.2021120305 (In Russ.).
4. Aguirre-Camacho A. et al. Revisiting psychological reactance theory: relationship between psychological reactance and health-related attitudes/behaviors in the context of the COVID-19 pandemic. *Current Psychology*. 2024. Vol. 43, pp. 35697–35708. DOI:10.1007/s12144-024-06810-y
5. Coskun Benlidayi I., Gupta L. Translation and Cross-Cultural Adaptation: A Critical Step in Multi-National Survey Studies. *J Korean Med Sci.*, 2024. Vol. 39(49): e336. DOI:10.3346/jkms.2024.39.e336
6. De las Cuevas C. et al. Psychological reactance in psychiatric patients: Examining the dimensionality and correlates of the Hong psychological reactance scale in a large clinical sample. *Personality and Individual Differences*, 2014. Vol. 70, pp. 85–91. DOI:10.1016/j.paid.2014.06.027
7. Díaz R., Cova F. Reactance, morality, and disgust: The relationship between affective dispositions and compliance with official health recommendations during the COVID-19 pandemic. *Cognition & Emotion*, 2022. Vol. 36, no. 1, pp. 120–136. DOI:10.1080/02699931.2021.1941783
8. Dillard J.P. et al. Persuasive messages, social norms, and reactance: A study of masking behavior during a COVID-19 campus health campaign. *Health Communication*, 2023. Vol. 38, no. 7, pp. 1338–1348. DOI:10.1080/10410236.2021.2007579
9. Dowd E.T. et al. Psychological reactance and its relationship to normal personality variables. *Cognitive Therapy and Research*, 1994. Vol. 18, no. 6, pp. 601–612. DOI:10.1007/BF02355671
10. Dowd E.T., Milne C.R., Wise S.L. The therapeutic reactance scale: A measure of psychological reactance. *Journal of Counseling & Development*, 1991. Vol. 69, pp. 541–545. DOI:10.1002/j.1556-6676.1991.tb02638.x
11. Haidong L. Psychological Reactance. In: The ECPH Encyclopedia of Psychology. Springer, Singapore. 2024. DOI:10.1007/978-981-99-6000-2_228-1
12. Hong S.-M., Page S. A psychological reactance scale: Development, factor structure and reliability. *Psychological Reports*. 1989. Vol. 64, no. 3, pp. 323–1326. DOI:10.2466/pr0.1989.64.3c.1323
13. Ko Y. et al. The persuasive effects of social media narrative PSAs on COVID-19 vaccination intention among unvaccinated young adults: the mediating role of empathy and psychological reactance. *Journal of Social Marketing*. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 490–509. DOI:10.1108/JSOCM-09-2022-0185
14. Merz J. Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz. *Diagnostica*, 1983. Vol. 29(1), pp. 75–82.
15. Moreira P., Cunha D., Inman R.A. Addressing a Need for Valid Measures of Trait Reactance in Adolescents: A Further Test of the Hong Psychological Reactance Scale. *Journal of Personality Assessment*, 2019. Vol. 102, no. 3, pp. 357–369. DOI:10.1080/00223891.2019.1585360
16. Moyer-Gusé E., Nabi R.L. Explaining the effects of narrative in an entertainment television program: Overcoming resistance to persuasion. *Human communication research*, 2010. Vol. 36, no. 1, pp. 26–52. DOI:10.1111/j.1468-2958.2009.01367.x

17. Plohl N., Musil B. Trust in science moderates the effects of high/low threat communication on psychological reactance to COVID-19-related public health messages. *Journal of Communication in Healthcare*, 2023. Vol. 16, no. 4, pp. 401–411. DOI:10.1080/17538068.2023.2279395
18. Sittenthaler S. et al. Salzburger state reactance scale (SSR Scale): Validation of a Scale Measuring State Reactance. *Zeitschrift für Psychologie*, 2015. Vol. 223, no. 4, pp. 257–266. DOI:10.1027/2151-2604/a000227
19. Sprengholz P., Tannert S., Betsch C. Explaining Boomerang Effects in Persuasive Health Communication: How Psychological Reactance to Healthy Eating Messages Elevates Attention to Unhealthy Food. *Journal of Health Communication*, 2023. Vol. 28, no. 6, pp. 384–390. DOI:10.1080/10810730.2023.2217098
20. Stehlíková J. et al. Hong Psychological Reactance Scale: Factorial structure and measurement invariance of the Czech version. *Československá psychologie*, 2020. Vol. 64, no. 6, pp. 656–667.
21. Tucker R.K., Byers P.Y. Factorial validity of Merz's psychological reactance scale. *Psychological Reports*, 1987. Vol. 61, no. 3, pp. 811–815.
22. Verpaalen I.A.M. et al. Psychological reactance and vaccine uptake: a longitudinal study. *Psychology & Health*, 2023, pp. 1–21. DOI:10.1080/08870446.2023.2190761
23. Waris O. et al. The factorial structure of the Hong Psychological Reactance Scale in two Finnish samples. *Nordic Psychology*, 2020. Vol. 73, no. 1, pp. 68–90. DOI:10.1080/19012276.2020.1800508
24. Yost A.B., Finney S.J. Assessing the unidimensionality of trait reactance using a multifaceted model assessment approach. *Journal of Personality Assessment*, 2018. Vol. 100, no. 2, pp. 186–196. DOI:10.1080/00223891.2017.1280044

Информация об авторах

Ничко Никита Владимирович, аспирант, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: st070237@student.spbu.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievasv@spbu.ru

Information about the authors

Nikita V. Nichko, Postgraduate Student, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: nichko.n@yandex.ru

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievasv@spbu.ru

Получена 27.12.2024

Received 27.12.2024

Принята в печать 14.03.2025

Accepted 14.03.2025

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Роль суггестии в эксперименте С. Милгрэма

Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» («Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18) и статьи Н.И. Семечкина «Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности? Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко» («Социальная психология и общество». 2020. Т. 11. № 3. С. 211–217)

Субботина Н.Д.

*ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>, e-mail: dialectica@yandex.ru

В журнале «Социальная психология и общество» была опубликована статья В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» («Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18), в которой автор предлагала интерпретацию этого эксперимента с позиции двух теорий, в том числе теории суггестии Б.Ф. Поршнева. В ответ на эту статью в журнале вышли критические заметки Н.И. Семечкина «Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности?» («Социальная психология и общество». 2020. Том 11. № 3. С. 211–217). Данные заметки являются продолжением дискуссии. В них высказываются замечания и дополнения по поводу статьи В.Н. Павленко и возражения утверждениям Н.И. Семечкина.

Ключевые слова: эксперимент Милгрэма; суггестия; вторая сигнальная система; естественный язык; регуляция индивидуального поведения; самосохранение группы.

Для цитаты: Субботина Н.Д. Роль суггестии в эксперименте С. Милгрэма // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 212–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160112>

The Role of Suggestion in Milgram's Experiment

Notes on the article by V.N. Pavlenko "S. Milgram's Experiment through the Prism of Historical Psychology"

("Social Psychology and Society", 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18)

and the article by N.I. Semechkin "S. Milgram's Experiment: Is It Worth

Multiplying Entities? Notes on the article by V.N. Pavlenko"

("Social Psychology and Society", 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 211–217)

Nadezda D. Subbotina

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>, e-mail: dialectica@yandex.ru

The journal "Social Psychology and Society" published an article by V.N. Pavlenko "S. Milgram's Experiment through the Prism of Historical Psychology" ("Social Psychology and Society", 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18), in which the author proposed an interpretation of this experiment from the standpoint of two theories, including B.F. Porshnev's theory of suggestion. In response to this article, the journal published critical notes by N.I. Semechkin "S. Milgram's Experiment: Is It Worth Multiplying Entities?" ("Social Psychology and Society", 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 211–217). These notes are a continuation of discussion. They contain comments and additions regarding the article by V.N. Pavlenko and objections to the statements by N.I. Semechkin.

Keywords: Milgram experiment; suggestion; second signal system; natural language; regulation of individual behavior; self-preservation of the group.

For citation. Subbotina N.D. The Role of Suggestion in Milgram's Experiment. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 212–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160112> (In Russ.).

В журнале «Социальная психология и общество» опубликованы две статьи, посвященные анализу знаменитого эксперимента Стэнли Милгрема. В.Н. Павленко предлагает оригинальный способ объяснения беспрекословного подчинения авторитету участников этого эксперимента на основании двух теорий: теории суггестии Б.Ф. Поршнева и теории «бикамерального разума» Д. Джейнса, то есть разума становящегося человека, когда он еще не обладал сознанием. Джейнс, в изложении В.Н. Павленко, утверждал, что некоторые «отклоняющиеся от общепризнанной нормы» формы поведения являются лишьrudimentами эпопхи «бикамерального разума». К таким

«отклоняющимся формам» он относил в числе других гипноз [3].

Так как я не обладаю достаточным материалом и опытом для анализа данной теории, оставлю ее за рамками своей публикации. А проблемой суггестии я занимаюсь более 30-ти лет, поэтому мне захотелось изложить свое видение этого вопроса. Еще большее желание возникло после прочтения статьи Н.И. Семечкина, в которой изложена критика взглядов В.Н. Павленко [5]. Если к статье В.Н. Павленко у меня есть замечания и дополнения, то с аргументами Н.И. Семечкина я не могу согласиться.

Что касается взглядов Б.Ф. Поршнева, то В.Н. Павленко приводит некоторые (к сожалению, не все) его положения

из книги «О начале человеческой истории». По мнению Б.Ф. Поршнева [4], в эволюции антропоморфных обезьян семейство троглодитов было переходным звеном движения к *Homo sapiens*. И оно (это звено), согласно закону отрицания отрицания, якобы было противоположным и предшественникам, и последователям. От обезьян троглодиты (неандертальцы) отличались наличием интердикции — то есть запрета определенных действий, который имел еще неречевую форму, а от *Homo sapiens* — отсутствием речи (второй сигнальной системы по И.П. Павлову). Однако речь у человека, по мнению Б.Ф. Поршнева, вначале использовалась лишь информативно, или суггестивно — для управления поведением других индивидов, уже не для запрета, а для навязывания каких-либо форм поведения. Б.Ф. Поршнев считает, что речь на первом этапе своего возникновения опровергала данные, получаемые с помощью органов чувств, для того, чтобы словесно подчинять слушающих. И лишь позднее, на втором этапе своего развития речь стала использоваться информативно — для передачи информации.

В.Н. Павленко не приводит аргументов для объяснения причин и эволюционной необходимости феномена суггестии. Хотя в теории Б.Ф. Поршнева требует объяснения уже то, что эволюция для биологического выживания миллионы лет «создавала» органы чувств (глаза, уши и прочее) для получения верной информации об окружающей обстановке, а затем на долгий период «начала человеческой истории» зачем-то их «отключила», подвергнув людей смертельному риску. В.Н. Павленко лишь использует теорию Б.Ф. Поршнева для объяснения феномена «...выдвижения лидеров — общепризнанных авторитетов в обществе (вождей, президентов, пап и др.)» [3, с. 8]. Она уточняет, что, по мнению Б.Ф. Поршнева, за подобными действиями всегда стоит такая бессознательная логика общества: «пусть слово кого-либо одного будет иметь огромную силу, это не самая большая плата за возможность не подвергаться воздействию со стороны всех остальных» [3, с. 8]. И именно подчинение авторитету в эксперименте Милгрэма является, по ее словам, рецидивом тех психологических механизмов и поведения, которые существовали у человека в историческую эпоху тотальной суггестии [3].

Автор второй статьи, Н.И. Семечкин считает, что положения В.Н. Павленко являются лишним «умножением сущности» для объяснения эксперимента Милгрэма. Он называет объяснительную модель поведения участников эксперимента В.Н. Павленко анатомо-физиологическим редукционизмом, потому что психические явления нельзя сводить «к биологии (эволюции) или (тем более) к анатомии и физиологии ЦНС»¹ [5, с. 213].

Следует согласиться с критическим замечанием Н.И. Семечкина по отношению к В.Н. Павленко: в результате прочтения ее статьи создается впечатление, «что объяснительная версия, которую использует автор, применима только к результатам данного эксперимента американского исследователя» [5, с. 214].

¹ Здесь хочется сделать терминологическое замечание: слово «биология» не может быть синонимом слова «эволюция». Понятно, что здесь речь идет о биологической эволюции как этапе глобальной эволюции. Эволюция (биологическая) — процесс, в результате которого сложилось современное биологическое разнообразие, во всем его проявлении, включая и анатомию, и физиологию.

Н.И. Семечкин утверждает, что современная психология не имеет убедительных доказательств того, что «человек обладает какими-то врожденными социально-психологическими характеристиками, в том числе и унаследованной готовностью подчиняться авторитету (паттерном подчинения авторитету)» [5, с. 213]. Он ссылается на Габриэля Тарда и Альбера Бандуру, говоря, что человеческое подчинение не является результатом биологически детерминированного инстинктивного поведения. Оно, по мнению Н.И. Семечкина, — исключительно социальный продукт, у человека в процессе социализации формируются навыки подчинения, конформизма и других форм социального контроля. В.Н. Павленко также приводит совершенно справедливое утверждение Вильгейма Райха о том, что государство, школа и семья культивируют повиновение человека, что способствует формированию покорности масс и поддерживает господство правящих классов. При этом, на мой взгляд, остался без ответа вопрос: почему это получается? Почему дети в большинстве своем слушаются взрослых, а целые массы идут за своими лидерами не только на подвиги, но порой и на преступления? Думается, именно потому, что в биологическом организме человека есть генетическая программа (как результат естественной и социальной эволюции) подчинения суггестивному воздействию группы или лидеру группы.

В заключении своей публикации Н.И. Семечкин делает вывод, что в случае с милгрэмовским экспериментом «мы имеем дело с чисто психологическим феноменом, а не с эволюционно детерминируемым поведением» [5, с. 212]. И здесь вновь возникает вопрос: а разве психика человека не является проявлением эволюционно-детерминируемого

поведения? Попробую изложить собственное понимание данного вопроса, и для этого необходимо вернуться к проблеме суггестии, определить ее сущность, причину ее возникновения и роль в современном обществе.

«Большая российская энциклопедия» дает такое определение: «ВНУШЕНИЕ, суггестия (от лат. suggestio), передача человеку или группе людей к.-л. установок, убеждений, ощущений, представлений, побуждений, эмоциональных и вегетативных состояний и т. п., при которой используются приемы, направленные на ослабление критич. осмысления и осознанной оценки внушиаемого содержания» [1]. Психологический словарь «ПЛАНЕЯ» приводит подобное, немного расширенное значение: «Внушение (или суггестия) (лат. suggestio) — процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушиаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта» [2]. В обоих случаях понятие «суггестия» является синонимом понятия «внушение».

В англоязычной литературе термин «суггестия» не так однозначен, как в русском: «suggestion» понимается и как внушение, и как более мягкое воздействие на человека — предложение.

В «Словаре Американской психологической ассоциации (APA)» предлагаются два значения этого термина: «1. Идея или потенциальный курс действий, представленный другому для рассмотрения. 2. Процесс побуждения к принятию идеи или курса действий, особенно косвенными или тонкими средствами» [10]. То есть первое значение

выступает как синоним слова «предложение» и в данном значении понятие «суггестия» в английском языке употребляется чаще, а второе в целом совпадает с русскоязычным. Также и в «Оксфордском словаре» приводятся два значения термина: «1. идея или план, который вы упоминаете, чтобы кто-то еще подумал о нем. 2. причина думать, что что-то, особенно что-то плохое, является правдой, синоним — намек» [12]. Здесь первое значение совпадает с упомянутым ранее, а второе является еще одним вариантом употребления этого термина. В «Кембриджском словаре английского языка» присутствует лишь одно значение данного термина: «идея или план, который кто-то предлагает, предложение, совет» [13], то есть то, что называется первым значением в других словарях.

И только в энциклопедии «Британия» описывается лишь одно, совпадающее с русскоязычным, значение термина «суггестия», а также отмечается его роль в коллективном поведении: «Суггестия в психологии, процесс принуждения человека к некритической реакции, как в вере или действии. Способ внушения, хотя обычно вербальный, может быть визуальным или может включать любое другое чувство. <...> Внушение, или внушаемость, играет важную роль в коллективном поведении, особенно в общественных беспорядках, и оно составляет центральное явление гипноза» [11]. Следует отметить, что в англоязычной академической литературе, в отличие от обыденных значений, изложенных в упоминаемых словарях, такое понимание термина преобладает.

В работах западных авторов исследуются разные проявления суггестии. Роберт Майкл (Michael), Мэриэн Гарри (Garry) и Ирвинг Кирш (Kirsc) в социально-психологическом журнале

дают обзорную характеристику различных проявлений суггестии, в том числе непреднамеренной [8]. В заключении они делают вывод: «Несмотря на распространенность эффектов суггестии, наши ограниченные знания о том, как и почему они функционируют, показывают, что мы не уделяли им того внимания, которого они заслуживают» [8, с. 154]. Авторы спрашивают про эти эффекты: «Почему они вообще происходят? Как простое внушение может влиять на наши познания, восприятие и поведение?» [8, с. 154]. Попытка ответить на эти вопросы с философской точки зрения, не вдаваясь в анатомию и физиологию человека, была предпринята мной в монографии [7] и ряде статей.

Понять сущность суггестии возможно только после прояснения ее эволюционной роли. Одним из первых задался этим вопросом Б.Ф. Поршнев. Он связал вопрос возникновения суггестии с пониманием речи, или второй сигнальной системы. Как известно, И.П. Павлов показал, что в отличие от первой сигнальной системы, представляющей собой информацию, полученную из внешней среды посредством зрения, слуха и других органов чувств, вторая сигнальная система служит для передачи этой информации другому человеку при помощи слова. По мнению же Б.Ф. Поршнева, «прежде чем “заменять”, слово должно было освобождать место для замены, т.е. “отменять” те реакции, те действия организма, которые прежде вызывались этими раздражителями» [4, с. 413–414]. Поэтому он считает, что вторая сигнальная система (речь) имела два этапа в своем развитии. На первом этапе она отменяла данные органов чувств (дискриминировала их) и являлась регулятором индивидуального поведения. На втором она стала заменять данные первой сигнальной си-

стемы и выполнять функцию передачи информации, то есть стала такой, какой ее описывал И.П. Павлов. Б.Ф. Поршнев утверждает, что И.П. Павлов не увидел регулирующую роль речи, он «не успел познать весь скрытый потенциал своей великой научной идеи о двух сигнальных системах у человека» [4, с. 413]. Думается, что самая большая заслуга Б.Ф. Поршнева именно в том, что он эту роль увидел.

Но в то же время логично согласиться с И.П. Павловым в том, что речь с самого начала выполняла функцию информации. Люди бы просто не выжили, если бы слова всегда опровергали то, что они видят и слышат. То есть, на мой взгляд, речь в большинстве случаев передает верную информацию и лишь в отдельных случаях искажает ее, как, к примеру, в известных экспериментах по конформизму подставные участники черное называют белым.

Утверждение Б.Ф. Поршнева о том, что речь (вторая сигнальная система) обладает функцией регуляции индивидуального поведения, выступая как основа суггестии, представляется верным, но нуждается в ряде уточнений:

1) на мой взгляд, не было двух этапов в развитии речи, она всегда выполняла и выполняет обе функции — и средства информации, и средства регуляции поведения;

2) речь может опровергать данные органов чувств лишь в отдельных ситуациях, когда необходимо укреплять единство группы;

3) в суггестии используются не только слова как сигналы сигналов, но и тембр речи, модуляция, громкость, ритм, а также определенные взгляд, жесты и мимика. Поэтому нельзя ставить знак равенства между содержанием речи и суггестией;

4) главная функция суггестии состоит в том, что она является эволюционно сформировавшимся средством регуляции индивидуального поведения с целью самосохранения группы. Это уточнение относится в большей степени к учению И.П. Павлова. Действительно, у животных есть только первая сигнальная система и нет речи, однако у них есть предпосылки ее возникновения. Общение с целью передачи информации у животных, живущих группами, при помощи различных звуков, жестов, поз, мимики, запахов, изменения окраски и т.п. возникло очень давно. Передача информации обеспечивает согласованное поведение членов группы, необходимое для выживания. Все эти элементы доречевого общения можно назвать *естественными языками*, хотя в литературе данный термин употребляется в основном применительно к человеческому языку, возникшему стихийно, естественным образом. Таким образом, и у человеческого языка, и у речи, как и у многих социальных феноменов, были естественные предпосылки — естественный язык и естественное общение животных с целью передачи информации. Человеческая речь благодаря строению речевого аппарата стала способной передавать неограниченное количество информации, что привело к качественному изменению, способствующему возникновению сознания, самосознания и собственно человеческого общества.

И здесь мы подходим к самому важному вопросу данной проблемы — эволюционной сущности суггестии. И в невербальном естественном языке и общении животных, и в вербально-невербальном языке и речи людей есть две функции — информационная и управляющая. Общение человека не сводится к верbalным

знакам, заключенным в речи. Оно дополняется языком жестов, мимики, поз, интонаций, которые содержат в себе огромное количество информации, иногда даже большее, чем содержат общепринятые смыслы употребляемых в данной речи слов. А часто человек вообще обходится без слов. Все это — естественная сторона языка и речи.

Гипотеза возникновения суггестии состоит в том, что *в процессе развития языка, сознания и самосознания для группы людей возникла опасность того, что человек станет отдавать предпочтение не групповым, а своим личным целям для удовлетворения своих потребностей*. Предполагается, что так и было в отдельных случаях, но в результате естественного отбора выживали те группы, члены которых стали подчиняться приказам, отданным при помощи языка. В определенных случаях, когда ситуация представляла для группы опасность, или во время коллективных обрядов, необходимых для укрепления единства коллектива в противопоставлении другим группам, суггестия стала способной отключать у человека развивающееся критическое мышление, при необходимости опровергая данные органов чувств. Во всех других ситуациях язык осуществлял информационную функцию.

Таким образом, суггестия — результат объединения естественных животных способов регуляции поведения и человеческого языка.

5) И последнее уточнение состоит в том, что суггестия никуда не исчезла в современном обществе. Она не рецидив и неrudимент, как утверждает В.Н. Павленко, так как генетический код человека согласно современной палеогенетике почти не изменился. В настоящее время суггестия является одним из главных механизмов самосохранения общества во-

обще, действующим на системном уровне. Если перечислить очень кратко, то в настоящее время суггестия проявляется:

- в политике (политическая идеология, политическая пропаганда, социальное влияние и манипулирование поведением людей, привитие людям веры в легитимность власти);
- во внутргрупповых и межгрупповых отношениях (межэтнических, межконфессиональных и др.), особенно в межгрупповых конфликтах;
- в религии и религиозных культурах;
- в массовом поведении;
- в моде;
- в рекламе;
- в воспитании;
- в обучении.

Н.И. Семечкин, несомненно, прав, говоря, что нравственность формируется в результате воспитания, социализации. Однако воспитание на начальных этапах осуществляется посредством суггестии, внушения норм поведения и лишь позднее дополняется объяснением.

Социальные психологи за последние десятилетия обнаружили множество закономерностей, в которых явно видно проявление суггестии. Это прежде всего хорошо изученный конформизм, а также эмоциональное заражение, социальная фасилитация, социальная ингибиция, субъективная валидность, групповая поляризация, огруппление мышления и многие другие. Можно увидеть, что все эти закономерности выявляют общую тенденцию — стремление группы объединить людей и физически, и психически, и интеллектуально, подчинить их какой-либо общей задаче и подавить в людях все индивидуальное. Конечно, современный человек благодаря развитию логического мышления и общей образованности способен противопоставить давлению суггестии различные варианты

контрсуггестии [6], однако все мы, независимо от интеллекта и образования, можем попасть в зависимость от суггестолога, о чем свидетельствует, к примеру, беспрецедентный масштаб распространения телефонного мошенничества в последние годы.

И теперь кратко обратимся к эксперименту Стэнли Милгрэма [9]. Здесь использованы все условия для оказания суггестивного воздействия на испытуемого. С самого начала между экспериментатором и испытуемым устанавливались отношения руководителя и подчиненного. Первый — начальник, второй «получал должность учителя» одновременно с ответственностью за правильное исполнение своих обязанностей, чего от человека всегда ожидает общество. При любом колебании испытуемого руководитель использовал все большее давление. Испытуемый оказывался перед выбором: либо пожалеть одного человека, либо делать то, что от него требует легитимная группа в лице «начальника», и чаще всего участники подчинялись указаниям. Также условием успешного суггестивного воздей-

ствия была ограниченность времени для принятия решения, то есть испытуемому не хватало времени для логического анализа сложившейся ситуации. Обнадеживает то, что подчинялись не все. Это говорит о том, что для них социальные нормы и эмпатия (естественный феномен) оказались сильнее, чем суггестивное давление. Эксперимент является очень важным для нас всех, о нем должны знать все люди, чтобы избежать подобного поведения уже не в сконструированных, а реальных ситуациях.

Можно сделать вывод, что авторы анализируемых статей придерживаются крайних позиций в вопросе соотношения естественного и социального в обществе. В.Н. Павленко видит связь человеческой психики с естественными закономерностями, но не учитывает специфики общества, роли нравственности, которой нет в природе, не объясняет роль феномена суггестии, а Н.И. Семечкин видит специфику социального, однако абсолютизирует ее, «отрывает» психику человека от предыдущих ступеней ее развития — от психики коллективных животных.

Литература

1. Внушение [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия 2004–2007. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1920943> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Внушение [Электронный ресурс] // Психологический словарь «ПЛАНЕЯ». URL: http://planey.ru/dic/v/v_25.htm (дата обращения: 10.12.2024).
3. Павленко В.Н. Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18. DOI:10.17759/sps.2019100301
4. Поршинев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. 487 с.
5. Семечкин Н.И. Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности? Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» («Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 211–217. DOI:10.17759/sps.2020110314
6. Субботина Н.Д. Социально-философский анализ контрсуггестии // Гуманитарный вектор. 2008. № 4(16). С. 8–19.
7. Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: КомКнига, 2006. 208 с.

8. Michael R.B., Garry M., Kirsc L. Suggestion, Cognition, and Behavior [Электронный ресурс] // Current Directions in Psychological Science. 2012. No. 21(3). P. 151–156. DOI:10.1177/0963721412446369
9. Milgram S. Behavioral Study of Obedience [Электронный ресурс] // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67. No. 4. P. 371–378. URL: <https://www.demenzemedicinagenerale.net/pdf/MilgramOriginalWork.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
10. Suggestion [Электронный ресурс] // APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/suggestion> (дата обращения: 12.12.2024).
11. Suggestion [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/science/suggestion> (дата обращения: 12.12.2024).
12. Suggestion [Электронный ресурс] // Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/suggestion?q=suggestion> (дата обращения: 15.12.2024).
13. Suggestion [Электронный ресурс] // The Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/suggestion?q=Suggestion> (дата обращения: 15.12.2024).

References

1. Vnushenie [Suggestion]. Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya 2004–2007 [The Great Russian Encyclopedia 2004–2007]. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1920943> (Accessed 10.12.2024). (In Russ.).
2. Vnushenie [Suggestion]. Psikhologicheskii slovar' «PLANЕYA» [Psychological dictionary “PLANЕYA”]. URL: http://planeuy.ru/dic/v/v_25.htm (Accessed 10.12.2024). (In Russ.).
3. Pavlenko V.N. Eksperiment S. Milgrema skvoz' prizmu istoricheskoi psikhologii [Milgram's experiment through the lens of historical psychology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18. DOI:10.17759/sps.2019100301 (In Russ.).
4. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii [On the beginning of human history]. Moscow: Publ. Mysl', 1974. 487 p. (In Russ.).
5. Semechkin N.I. Eksperiment S. Milgrehma: stoit li umnozhat' sushchnosti? Zametki po povodu stat'i V.N. Pavlenko «Eksperiment S. Milgrehma skvoz' prizmu istoricheskoi psikhologii» (*Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*) [Milgram's experiment: Is it worth to multiply the entities? Notes about the article V.N. Pavlenko “S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology” (*Social psychology and society*), 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 211–217. DOI:10.17759/sps.2020110314 (In Russ.).
6. Subbotina N.D. Sotsial'no-filosofskii analiz kontrsuggestii [Social and philosophical analysis of counter-suggestion]. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian vector*, 2008, no. 4(16), pp. 8–19. (In Russ.).
7. Subbotina N.D. Suggestiya i kontrsuggestiya v obshchestve [Suggestion and counter-suggestion in society]. Moscow: Publ. KomKniga, 2006. 208 p. (In Russ.).
8. Michael R.B., Garry M., Kirsc L. Suggestion, Cognition, and Behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 2012, no. 21(3), pp. 151–156. DOI:10.1177/0963721412446369
9. Milgram S. Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963. Vol. 67, no. 4, pp. 371–378. URL: <https://www.demenzemedicinagenerale.net/pdf/MilgramOriginalWork.pdf> (Accessed 12.12.2024)
10. Suggestion. *APA Dictionary of Psychology*. URL: <https://dictionary.apa.org/suggestion> (Accessed 12.12.2024).
11. Suggestion. *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/science/suggestion> (Accessed 12.12.2024).

12. Suggestion. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/suggestion?q=suggestion> (Accessed 15.12.2024).
13. Suggestion. *The Cambridge English Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/suggestion?q=Suggestion> (Accessed 15.12.2024).

Информация об авторах

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>, e-mail: dialectica@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda D. Subbotina, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Philosophy, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>, e-mail: dialectica@yandex.ru

Получена 05.12.2024

Received 05.12.2024

Принята в печать 14.03.2025

Accepted 14.03.2025

АДРЕС РЕДАКЦИИ

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209

Сервис по оформлению подписки на журнал

<https://www.pressa-rf.ru>

Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»

www.akc.ru

Корректор *A.A. Буторина*

Компьютерная верстка: *M.A. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209

Service on subscription to the journal

<https://www.pressa-rf.ru>

Internet-shop of periodical editions “Subscription press”

www.akc.ru

Technical editor *A.A. Butorina*

Maker-up *M.A. Baskakova*

